



УНИВЕРСИТЕТ

Стеклоянная княжна

ТАЛЪЯНА ОРЛОВА

Annotation

Айса, княжна Имельская, обречена стать десятой женой отвратительного жестокого старика. Но жуткий жених дарит ей отсрочку и отправляет на учебу в Объединенный университет. Айса готова пойти на всё, чтобы избежать этого брака – даже обратиться за помощью к сильным мира сего. Вот только драконам до ее беды нет никакого дела, они не участвуют в делах Окраин. Однако судьба сталкивает имперскую элиту с маленькой княжной, когда какой-то подлец подкидывает ей украденный перстень, за воровство которого положена смертная казнь... Что это – попытка ее убить или шанс, вымоленный у богов?

- [Тальяна Орлова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

Татьяна Орлова
Стеклянная княжна

Глава 1

Все восемнадцать лет своей жизни я знала, что этот день наступит. И все равно, даже вчера, он казался призрачно-далеким, каким-то необязательным и не сто́ящим больших переживаний. Однако когда меня привели в мраморный зал и поставили возле стены для ожидания, я ощутила, как накрывает паника. Та самая, которая все восемнадцать лет зрела внутри сердца, а теперь настала пора ее вытащить наружу, чтобы стало еще больнее.

Пожилой герольд тоже волновался – это слышалось в дрожании его голоса, когда он зычно объявил:

– Великий князь Седьмой Окраины, Зóхар Рокка!

Мой отец глубоко поклонился, то же рядом сделала и мать. Я не могла от страха пошевелиться, лишь сглотнула нервозно, хотя во рту все пересохло.

Глава Седьмой Окраины, наш сюзерен, нечасто навещает столь отдаленные княжества. Но на этот раз он явился собственной персоной – отобрать себе лучших девок для забав. Горько осознавать, но я заранее включена в этот список. Независимо от того, понравлюсь ему или нет, я все равно поеду в замок старого демона – как гарант того, что наши земли не вздумают поднять бунт. Иначе мне там приготовят такую судьбу, от которой мертвые содрогнутся.

Глашатай пропустил представление моих родителей – им уже выпадало несчастье быть знакомыми с Зохаром, но мое имя произнес с едва уловимой хрипотцой в голосе, возникшей от избытка переживаний:

– Айса, княжна Имельская! Девица восемнадцати годов отроду, здорова и девственна, готовая к исполнению своего долга перед великим князем Седьмой Окраины.

Я до последнего не хотела на него смотреть. Ведь знала, что стар. Знала, что чистокровный демон – и по этой причине обладает самым жестоким нравом. Я возненавидела его еще лет в пять, когда впервые поняла свое предназначение. Потом все более и более осознанно подходила к зеркалу, гадая о своем будущем. На мне не должно было появиться никаких увечий, иначе вся семья за это поплатилась бы, но

мне всегда казалось, что я не хороша собой – и очень радовалась этому пониманию. К сожалению, я и уродиной себя назвать не могла, однако большинство моих служанок выглядели красивее и женственнее. Я унаследовала от матери довольно грубые черты лица, но мне удачно не перепала от нее изящная талия или высокая грудь. Темно-русые и не слишком густые волосы тоже не придавали мне очарования, сам этот блеклый оттенок будто делал мою кожу невзрачной. Не уродина, но и не красавица, слава богам. Но теперь я вдруг испугалась, что на извращенный вкус демона и я могу показаться симпатичной. И тогда лучшая из судеб – стать обычной служанкой в его замке – мне не светит. Черной работой мне заниматься не приходилось, родители даже запрещали – не приведи боги, поранюсь или натру заметные мозоли, но я всю жизнь наблюдала за своими служанками и представляла себя на их месте. Стирать чужие портки и чистить канализационные дыры лучше, чем стать забавной игрушкой в постели старого мерзавца.

Зохар мне показался даже неприятнее, чем я слышала по описаниям. Он очень стар. По некоторым слухам, уже приближается к своей тысячилетней годовщине. Кровь отвела ему много столетий жизни, но старость рано или поздно приходит и к таким. Он невысок и уже сильно сутул, а большой, будто разбухший порами, нос портит и без того обезображенное морщинами лицо. Волосы пару веков назад наверняка были черными, но сейчас они остались только редкими седыми клочками вокруг лысины. Это и есть лицо моей судьбы – той, к которой я всегда готовилась и к которой невозможно приготовиться.

Свита главы Окраины осталась в приемной. Зохара в мраморный зал сопровождали всего два человека. Возможно, среди них были и демоны, но я не приглядывалась. Демонов можно отличить от людей по красному следу в воздухе, который ненадолго застывает возле глаз, когда они двигаются. Взгляд Зохара такой эффект имел – наверняка если он резко развернется, то розоватая дымка следа станет кроваво-красной и более заметной.

Тишина оглушала, она больно сжимала виски. Я очнулась, осознав причину всеобщей задержки, и поспешила присесть в реверансе.

– Я к вашим услугам, великий князь. Очень рада с вами познакомиться!

Проблевав это, выпрямилась, но взгляда от пола больше не отрывала. Насмотрюсь еще. Если будет чем смотреть, когда он разозлится из-за моей невежливости. Старик же приблизился еще и рассматривал меня: я чувствовала липкий взгляд и даже угадывала выражение его лица – кажется, старый демон не был слишком доволен тем, что перед собой видит. Это немного успокаивало. Даже мои старшие братья на прошлой неделе меня пожалели и честно признались, что я далеко не самая красивая девица в княжестве. Разве Зохару мало по-настоящему роскошных женщин, чтобы позариться на мои кости? Не думаю, что братья ввалили или преувеличивали. Великий князь в эту поездку сам выбрал трех девиц по своему вкусу, а раньше за него это делали послы, проезжая по всем княжествам своей Окраины. Всех девочек и девушек собирали на главных площадях, где их внимательно осматривали и оглашали роковой приговор – кто едет в замок Зохара в служанки или наложницы.

Конечно, мне их было жаль, ведь это еще более жестокое наказание: быть выбранной чьим-то взглядом и тем самым лишиться семьи, близких и счастья. Я же об этом дне знала всегда – и все равно не успела смириться. Но мне, в отличие от простых девок, не грозит быстрая расправа, если не придусь ко двору – ко мне, скорее всего, будут относиться чуть бережнее, чем к остальным, если сама не дам повод для злости. Это крестьянскую дочку могут по настроению привязать к столбу и издеваться всю ночь на потеху гостям, наслаждаясь ее муками. Меня же берут как заложницу, потому оставят мои мучения на крайний случай. Я еду к князю демонов только для того, чтобы он мог держать под контролем Имельское княжество. Такое условие соблюдается вот уж больше двухсот лет, и, кроме других девчонок, туда забирают всех дочерей князя.

Когда-то мои прадеды боролись за независимость, но, проигрывая, попросили защиты у Шестой Окраины, где правят зверолоуды. В жилах тех тоже присутствует демонская кровь, но ее давно перемешали с человеческой – это сделало зверолоудов ужасно уродливыми внешне, но характерами они намного мягче чистокровных демонов. И мои предки справедливо рассудили, что лучше служить более лояльным и справедливым правителям, если суверенитет сохранить все равно не удастся. Однако уже через несколько лет наше княжество отбила Седьмая Окраина – и в назидание за неподчинение

установило особо жестокие порядки. Казалось бы, мы наказаны за решения своих предшественников, но почему тогда все остальные княжества, присоединившиеся добровольно, несут точно такую же ношу и тоже отдают самых красивых девиц на потеху ужасным монстрам?

Зохар наконец заскрипел резким голосом по нервам, проигнорировав все приветствия в свой адрес и начав с какой-то вообще посторонней темы:

– Одна из моих жен умерла в прошлом месяце, князь, – он обратился к моему отцу.

– Примите наши соболезнования, сударь!

Демон перебил отца:

– Да срать я хотел на нее и твои соболезнования, князь. Проблема в другом. Я – глава огромного демонского рода, мне не по статусу иметь меньше десяти жен. И я возлагал большие надежды на этот визит... – он почмокал губами, размышляя. – У других вассальных князей дочери уже слишком стары, или они вообще умудрились обзавестись только сыновьями, и ваша больше других годилась мне в невесты. Какое же разочарование! Я предпочитаю или маленьких девочек, или уже распустившихся женщин со всеми прелестями, а тут ни то ни се, ни рыба ни мясо...

Я часто заморгала, у меня что-то на глаза накатило. Не слезы, а отчаянное волнение. Мне почему-то в голову такой вариант не приходил, я всегда выбирала мысленно между печальной участью служанки и еще более печальной участью наложницы. Интересно, а быть законной супругой из десяти – это хуже или лучше наложницы? Отец тоже растерялся:

– Это была бы большая честь для нашего дома, сударь...

Старик прервал его вскинутой рукой и повернулся к одному из своих людей – такому же древнему и отвратительному:

– А ты что скажешь, Милош? Не на трактирщице же мне жениться? – он скрипуче расхохотался.

Теперь ко мне вплотную подошел и второй. Но он глядел как-то иначе – без брезгливого отвращения. Возможно, в его вкус я отчасти попадала. И это вызвало еще больший страх.

– Не так уж она и уродлива, господин, – у него и голос звучал помягче. Наверное, все же младше Зохара лет на двести-триста. – И

еще расцветет. Зато княжна, а не трактирщица. Для уверенности можно дать ей немного вашего духа – тогда через пару лет вы ее и не узнаете.

Я не понимала, о чем они говорят. Но великий князь тер подбородок, обдумывая предложение.

– Может, ты и прав, Милош... Списать на кухню мы ее всегда успеем. Я и не туда списывал жен, которые не оказались столь мудры, чтобы мне понравиться. Решено, князь! – он поднял и без того неприятный голос. – Называю твою дочь своей невестой. Как там бишь ее зовут?

– Айса, сударь... Это большая честь... – отец с трудом владел голосом и будто даже побледнел от непонятных мне эмоций.

Мне была неизвестна причина родительской тревоги. Ну, стану женой, если «расцвету». Или стану служанкой, как и собиралась в лучшем случае. Или меня на два года еще оставят в родном доме?.. Я от надежды шумно задышала и искоса посмотрела на новоиспеченного жениха. Не потому ли родители так забеспокоились? Ведь если со мной за эту отсрочку что-то случится, то в княжестве никому не поздоровится. Они берегли меня всеми силами для этого дня и теперь опасаются, что такой груз так с плеч и не скинут? Но демон спустил меня с небес на землю:

– Вещи, надеюсь, уже собраны? Чтобы на рассвете выехала. Ну что, невеста, поздравляю! – Зохар поймал мой взгляд.

– Благодарю, сударь, – выдавила я.

Он снова не слушал – демон вообще все посторонние звуки воспринимал как ничего не значащий шум:

– Станешь через пару лет моей супругой, если тебе хватит ума хоть немного похорошеть. Детей у тебя не будет – незачем плодить полукровок, они часто рождаются безобразными и перекошенными зверолодами. Но в остальном возрадуйся – будешь языком начищать не мои полы, а мои причиндалы.

От такого обещания меня перекосило. Я ничего не могла сделать с отвращением, потому опустила снова голову и почти проныла:

– Я очень счастлива, сударь.

Даже дурак уловил бы, что в моих словах нет ни капли искренности. Великий князь Седьмой Окраины точно не был дураком, но на такие мелочи внимания не обращал – вряд ли какая-то из его

женщин шла на ложе добровольно, но всем им приходилось давиться слезами и повторять, как они счастливы. Быть может, ему даже нравится, когда девицы вынуждены ломать себя и преодолевать тошноту? Вот только моя тошнота накатывала все сильнее – если желудок прямо сейчас подведет, то я не только себе приговор подпишу.

А он зачем-то вообще схватил меня за талию, потянул на себя, а потом прижал ладонь к моему животу. Внутри заметно засосало от магического воздействия, но поначалу я терпела, пока боль не стала невыносимой и не вынудила меня дернуться.

– Ну-ка стой смирно, дрянь! – приказал он, как будто когтем прошелся по барабанным перепонкам. – Я запустил в тебя чернь, чтобы она выжгла твою способность к зачатию. Для твоего же блага, дорогая невеста. Ах да, чуть не забыл, ты точно девственница? Я не могу жениться на порченой девке.

– Что вы, сударь! – воскликнул снова отец. – Айса чиста как дитя!

– Помолчал бы ты, папаша, – отрезал демон. – Будто я вас, провинциалов, плохо знаю. Иногда родители всерьез удивляются, как у их дочерей из подола внук вылезает, и все еще орут про чистоту. – Он повернулся ко второму сопровождающему. – Проверь.

И сам начал задирать мне подол платья. Я, уже вообще ничего не понимая, шарахнулась назад, попыталась вырвать ткань из его руки, но демон с размаха ударил меня по лицу и заорал:

– Стой смирно, я тебе сказал! Тебя только родили, а воспитать забыли?!

Такого позора я даже не представляла, хотя в уме успела прокрутить что угодно – даже истязания на пыточном столе. Слезы лились рекой, ногти впились в ладони. Отец резко отвернулся, мать рассеянно пялилась вперед, как будто ее происходящее вообще не касалось. Третий мужчина, чуть моложе остальных, наклонился и беспардонно направил под задранный подол пальцы. Я заорала, уже почти уверенная, что он собирает их запустить в меня, но он лишь прижал их на секунду к краю шелкового чулка, выпрямился и заверил:

– Невинна, господин. Ни один мужчина не касался ее там.

– Хорошо, знахарь, отойди теперь. – Зохар наконец-то отпустил подол. Похлопал меня по щеке, говоря чуть мягче: – С этим нытьем сделай что-нибудь, дорогая невеста, я не выношу истерик. Помогу тебе с красотой, но такая магия не безгранична. Долгое время ты будешь

наливаться красками и, может, станешь немного милее. Надейся на это. Ну же, радуйся!

Я уже ничего не отвечала, меня всю трясло, но хоть боль в животе окончательно отпустила. Не смогу я так жить, не смогу, просто не выдержу подобного... А он еще и притянул меня к себе, вцепившись кривыми пальцами в подбородок, заставил наклониться, и поцеловал, выдыхая мне в рот запах затхлости. Отпустил и оттолкнул, морщась от моих содроганий. Меня же прикосновение его губ довело до тошнотных спазмов, которые я едва попыталась удержать.

Погрузившись в вязкое отчаянье, я не сразу поняла, о чем еще говорит демон:

– ...в Центрине, да. Мои жены обязаны быть лучшими из лучших, потому пусть пока учится в Объединенном университете, а не сидит без дела. Ах да, любимая невеста, твоя девственность должна остаться при тебе, в обратном случае я вырежу каждого пятого в Имельском княжестве за то, что породили такую шлюху.

Я пыталась догнать смысл беседы, сообразить. Меня утром отправляют не в замок демона, а куда-то в Центрину? Там самые лучшие учебные заведения империи. Но зачем? Понятно, что жена великого князя должна быть обучена манерам, этикету, музицированию и танцам, но со мной и так занимались прекрасные учителя. Хоть меня и воспитывали как будущую заложницу, но княжной я быть не переставала, потому получила соответствующее образование. Направление разговора обнадежило. Все было лучше, чем ехать сразу к нему. Да утонуть в болоте лучше, чем к нему...

Вот только слезы я остановить не могла. Отец спешно распорядился, чтобы слуги увели меня в покои, пока я не испортила настроение дорогому гостю. В комнате мне легче не стало – наоборот, мутило все сильнее, а пережитая сцена позора не давала покоя. Я ощущала себя грязной и раздавленной. Никогда со мной не церемонились, но такого отношения княжеская дочь на себе все же не испытывала. Я чувствовала себя не просто вещью старого извращенца, а тряпкой, которой он вытирает свой морщинистый зад.

Все-таки заглянула нянька – ее, наверное, ко мне прислали. Но следом за старой Зидой вошла и мать, чему я удивилась. Вскочила на ноги в невысказанном желании обнять, получить хоть какое-то утешение. Но княгиня Имельская остановилась возле двери – холодная и

равнодушная, как обычно. А я все равно зачем-то звала в нелепой попытке докричаться хотя бы на прощание:

– Мама, мам...

Она остудила мой порыв холодным тоном:

– Ты бы не ныла, Айса, а подумала, как тебе повезло. Нет, не с браком, конечно. С университетом. И скажи спасибо, что мы с отцом тебя пожалели и промолчали о том, что ты даже языкам обучена, а уж остальному, поди, получше, чем другие его супруги. Кто знает, что может случиться за то время, пока ты там?

Я тоже не знала, что может случиться за год или два. И сейчас об этом размышлять не могла:

– Мам, почему именно мне досталась такая судьба? В чем я перед богами виновата?

Она повернулась полубоком, ответила нехотя:

– Не хотела бы себе такой судьбы – родилась бы мальчиком! А теперь-то чего ныть? Хорошо, если женой великого князя станешь. Так хотя бы не пришибет в порыве злости. Может быть.

Я очень боялась, что после этого она уйдет. А ведь это конец. На рассвете – в Центрину, там – в университет, а оттуда меня уже будущий супруг заберет окончательно. Я родных уже вряд ли когда-то увижу.

– Если ты мне мать, то хоть раз в жизни обними, – попросила я жалко, поскольку испытывала потребность получить каплю тепла и поддержки прямо сейчас. Неизвестно, станет ли эта капля тепла вообще последней в моей жизни.

– Мать, – заверила она и отвернулась, желая побыстрее покинуть спальню. Но все же задержалась и добавила тише: – Тебе теперь матерью не стать, потому никогда меня и не поймешь. Намного проще вытравить из себя любую нежность, если ребенок уже при рождении обречен. Если бы я с этой задачей не справилась, то сейчас бы с ума от ужаса сходила и рыдала бы рядом. Всегда проще думать, что ты вообще не рождалась, чем с этим жить. Поплачь вдоволь, Айса, здесь тебе это хотя бы не запрещают.

Плакала я на мягком животе няньки. Старуха поглаживала мои волосы и часами терпела мою истерику. А я все прижималась к ней, обнимала и пыталась запомнить хотя бы ее тепло, не думая о том, что ей дают жалованье за это терпение. Глаза няньки сухи, а жесты спокойны. Ей отчасти жаль меня, но не до такой степени, чтобы

убиваться. Собственные дети дождутся настоящей любви, а за несколько медных кратов можно и меня по голове погладить. Но все же старуха знала меня почти всю мою жизнь, потому невольно сострадала – она же не моя непроницаемая мать:

– Ну, успокойся уже, успокойся. Княгиня права, Айса. Тебе подарили отсрочку, и за этот дар поблагодари богиню, а не расквашивайся как капуста. В конце концов, убейся ты здесь, то великий князь жестоко бы за это отомстил всем нам. Но университет находится в Центрине – вряд ли у него настолько длинные руки, чтобы и там всех достать, если ты случайно шею свернешь.

Я подняла опухшее лицо и уставилась на нее.

– Зида, ты мне предлагаешь убиться?

– Нет, конечно, – она спешно замотала головой. – Вернее, теперь ты хотя бы это сможешь сама решить, никому не подписывая приговор. Несчастных жен на свете много, но им хотя бы оставляют утешение – возможность родить дитя, обернуть несчастье хоть каким-то счастьем, отыскать хоть какой-то смысл. Тебя же и того лишили, а значит, сначала ты будешь ненавидеть мужа, пока не возненавидишь себя. Ты еще совсем молода, кое-чего не понимаешь, и это даже хорошо... Невозможно жить, если никого не любишь, Айса. Трудно жить, если не любят тебя, но если самой любить некого – невозможно.

Я действительно не понимала ее рассуждений и даже посчитала их преувеличенными. Старая нянька слишком чувствительна, а может, она отвлекала меня на другие проблемы, чтобы самая главная пока не разорвала мне голову? О какой любви она вообще талдычит в таких обстоятельствах?

– Твои слова меня еще больше угнетают, Зида.

Она тряхнула головой и начала говорить тише, но быстрее:

– Тебе и положено сейчас поплакать, сами боги велели. Но иногда судьба поворачивается! Я мало что в центринских порядках понимаю, но верь, что найдутся какие-то шансы повернуть судьбу! Если же не удастся, если она у тебя такая, что поворачиваться не захочет, – нянька помешкала, но все же закончила бессердечным: – то знаешь, есть много вещей похуже свернутой шеи. Это тоже выход, как ни крути.

Я не хотела стать любовной игрушкой извращенного старика, не хотела пережить пытки или издевательства, но умирать я не хотела тоже. Почему они все не видят, что я уже есть? Да, никому не нужная,

никем не любимая, но я существую! И хочу существовать дальше. Хотя... вероятно, я еще не до конца понимаю, что творится в замке моего будущего мужа, раз даже старая сердобольная нянька взвешивает такие варианты.

– Не обижайся на глупую старуху, Айса. Я просто не знаю, что еще сказать! – обеспокоилась она от моего вида. – Ну не может быть такого, чтобы на великого князя никакой управы не нашлось. Это здесь он бог, а в Центрине водятся другие боги – какие-нибудь здоровенные драконы и породистые шелле! Но тебе очень важно будет измениться, обнаглеть, упасть, забыть о манерах и вымолить у кого-то из них защиты, потому что из иных путей только мучения до конца твоих дней! Ты же хрупкая вся, стеклянная. Урони тебя – и разобьешься. Так уж или разбейся, Айса, или перестань быть стеклянной!

Я прогнала Зиду, сказав, что мне еще нужно собраться и помолиться. Но, если честно, ее случайный совет меня немного приободрил. Хотя ненадолго. Ну да, выше великих князей Окраин стоят только шелле, самая высокая элита империи. Их слово даже для великого князя будет законом. Но только они так далеко от простых смертных, так высоко надо мной, что с подобного расстояния не смогут разглядеть Имельское княжество целиком, не то что меня.

Одевалась я задолго до рассвета, не желая будить служанок. Не хотелось больше ни в чьих глазах видеть облегчения, что уезжаю. Они все отвечали головой за мою сохранность, но сразу после выхода из отчего дома эта ответственность будет переложена на других. Платье выбрала шерстяное, теплое, дорога дальняя, а кто обо мне позаботится, если не я сама?

Но застыла перед зеркалом. Каким-то странным образом платье мне стало немного мало, но, благодаря тянущейся ткани, я смогла застегнуть все пуговицы. Я поправились? Пригляделась лучше, изумляясь. Нет, кажется, раздалась только грудь – она стала будто выше, зато в талии под тканью оставалось место. И с волосами было что-то не то – темно-русый цвет немного потемнел, я даже рассмотрела фиолетовые отблески от светильника в прядях, которых раньше никогда не замечала. Что происходит? У меня от всех бед разум повредился?

Запоздало вспомнила, о чем говорил Зохар со своими сопровождающими. Что-то о демонической силе, которая со временем

сделает меня женственной. Это ее он вдохнул во время поцелуя! Я ведь и тогда почувствовала какой-то неприятный привкус, но все списала на переживания. Но если я вижу изменения собственными глазами уже наутро, то через несколько месяцев я стану какой-то невообразимой красавицей? Или кем? А от меня хоть что-нибудь останется, или я сделаюсь похожей на демоницу с иссиня-черной шевелюрой и красным дымом перед глазами? Однако такая вероятность меня не беспокоила – я готова была стать кем угодно, выглядеть как угодно, даже если через месяц у меня отрастет горб и искривятся ноги, как бывает у зверолодов, лишь бы судьба все-таки развернулась.

Глава 2

Всю неделю пути меня сопровождал отряд из людей великого князя. Повозка его была богатой и очень удобной, но конечности все равно затекали, а скуку перестали развеивать даже меняющиеся за окошком пейзажи. От пепельного неба поначалу накатывала жуткая тоска, и она не хотела исчезать, даже когда высь начала понемногу синеть. Мы ехали на северо-запад, но почему-то климат здесь был немного суше и теплее. На пятый день я уже переделалась в более легкое платье, поскольку в прежнем было невыносимо жарко. А может, мы просто попали в те самые осенние деньки, которые разбивают холода почти летней температурой.

Когда въехали в Центрину, главный район империи, окруженный семью Окраинами, то дороги изменились – стали чище и глаже. Здесь вообще все было красиво – от желто-красной листвы на деревьях до изящных оград поселений. Но мы не заезжали в города, я не могла оценить их убранство изнутри, поскольку охрана опасалась моего побега. Останавливались на ночевки в придорожных тавернах, но и там предварительно разгоняли всех постояльцев. А в моей комнате со мной оставались спать не меньше двух мужиков. Я даже в туалетной комнате не могла задержаться, чтобы через пять минут не начинали барабанить в дверь и удостоверяться, что я не просочилась в канализационный сток. Я с ними ни о чем не разговаривала и не жаловалась. Толку жаловаться? Они буквально собственной шкурой отвечают за то, чтобы я доехала до университета. Разве я на их месте вела бы себя более тактично? Но это понимание не делало назойливых попутчиков в моих глазах друзьями.

Главный из них оформлял мои документы, когда мы наконец-то приехали к пункту назначения при небольшом городке Рáдожке. Я надеялась рассмотреть хоть одно центринское поселение, но меня подвезли к высокой стене и оставили в университетской приемной, пока окончательно улаживали дела. Разумеется, оплату за обучение внес правитель Седьмой Окраины, от его имени человек и выступал. Меня даже на собеседование не пригласили – и так ясно, что

великокняжескую невесту примут, устроят и поселят без лишних вопросов.

Я так и сидела в приемной, когда мужики, к лицам которых я успела за неделю привыкнуть, засобирались на выход. И это все? Дорогую вещь передали в другие руки и пора возвращаться домой? А мне, получается, можно бежать? Или сначала удостовериться, что здесь никого не казнят за мой побег?

– Проходи, Айса, – меня от другой двери позвал высокий мужчина солидных лет. – Иди сюда, не стесняйся. Багаж оставь, слуги перенесут в твою комнату. Я – виконт Дастерс, родился в Сердцевине, но вот уже восемнадцатый год служу здесь директором. Да не волнуйся ты так! Все будет хорошо. Здесь разные студенты учатся, приживешься как своя. Триместр уже начался, но вряд ли это будет проблемой – очень сомневаюсь, что княжну не научили отличать вилку от ложки, – он усмехнулся.

Директор вел себя очень приветливо, но я держалась настороженно – впрочем, как к любому чужаку. Я всю жизнь провела в почти полной изоляции: кроме прислуги, семьи и крестьян из ближайших деревень, людей и не видела. И точно не могла по внешнему виду определить, хороший передо мной человек или нет.

– Охрана у нас отменная, – он все еще рассказывал, ведя меня по бесконечному коридору. – Тебе не выдали разрешение на выход в город, потому свободные дни будешь проводить в этих стенах, но это не ко мне вопрос, а к твоему жениху. Программу тебе какую-нибудь накидаем, хотя никаких распоряжений на твой счет не передавали, так что можешь определиться сама. Похоже, великий князь Седьмой Окраины просто хочет, чтобы все его жены имели престижный диплом, но никаких знаний от вас не ждет?

– Именно так, господин директор.

Я старалась держаться вежливо и смиренно. Но он зачем-то постоянно пытался меня растормошить фразами наподобие: «Перестань стесняться» и «Чего ты так боишься?» Я вроде бы ничего не боялась, кроме совершенно незнакомого для себя мира. А кротости меня учили побольше, чем музыке. Это единственный навык, который в будущей семейной жизни мне может эту самую жизнь спасти.

– Сильно не загружайся, Айса, – продолжал советовать виконт. – Особенно в первый триместр. И больше двадцати предметов брать

нельзя, это предел, даже если ты гений, схватывающий все на лету!

Я любопытствовала:

– Двадцать? А минимум сколько?

– Минимум? – Он очень удивился вопросу. – Пять. Но так мало никто не берет, конечно. Ты должна освоить курс целиком, а некоторые дисциплины занимают до шести триместров. Если будешь брать по пять за раз, то учиться здесь придется лет десять до диплома.

– О, десять лет? – я впервые после жуткого сватовства обрадовалась. – То есть я по вашим же правилам могу здесь на десять лет задержаться? Конечно, если моему жениху действительно хоть немного важен диплом...

– Можешь, – обескураженно согласился директор. – Если такова твоя цель.

До сих пор у меня вообще внятных целей не было, а тут хоть что-то! Хотя сомневаюсь, что Зохар мне позволит так надолго откладывать свадьбу, но почему бы не надеяться на это, когда больше не на что?

Я с магическим буклетом освоилась быстро, диктуя выбранные уроки директору в его кабинете, чтобы он внес в мою программу:

– Давайте историю и географию. Я их неплохо знаю, но будет интересно, если услышу что-то новенькое. И вот – кулинарная магия!

– Зачем тебе она, Айса? – директор улыбнулся, думая, что я шучу.

– У нас все поварихи ею владеют, хотя никто из них у вас не учился. Но почему бы не освоить? Вдруг я когда-нибудь трактирщицей стану? Озолочусь.

– Вот уж вряд ли тебе такое светит. Четвертый предмет?

Теперь я задумалась, список был довольно большим.

– Впишите «Манеры благородных дам», – прочитала я.

Директор развеселился:

– А на этих уроках ты будешь высыпаться?

– Наверное, – я зажато пожала плечами. – И жене великого князя не помешает знать этикет любой области империи... Вдруг мне не посчастливится стать трактирщицей?

– Никак не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно, Айса. Но ладно, этот урок я включил. Еще как минимум один нужен.

Я при нем ни разу не пошутила, я вообще не склонна к юмору и глупой болтовне. С кем мне было глупо болтать? Со служанками разве

что. Но ведь они отвечали только потому, что я княжна, а не из дружеских побуждений.

Больше пяти предметов я изучать за раз не собиралась, потому о последнем думала особенно тщательно и в итоге выбрала:

– Основы боевой защиты!

– Вот сейчас точно шутишь, – не понял господин Дастерс.

– Нет, вот сейчас точно не шучу! – заверила я. – А что с этим уроком не так?

– Все боевые дисциплины выбирают военные маги, телозащитники и наследники титулованных семей, чтобы уметь за себя постоять. А, ну еще будущие грабители, которые боятся в будущем не отыскать себе других хороших должностей. Вряд ли утонченной барышне там место.

– Мне нельзя ее выбрать? – я не понимала. Но и он, кажется, меня не понимал.

– Теоретически можно. Просто зачем? Ты точно просмотрела второй лист уроков для первого курса?

Я и сама толком не понимала, почему мой палец остановился на этой строчке и никак не хотел с нее сползать. Так сильно понравилось мне слово «защита» – как теплый комочек, прижавшийся к животу. От мужа я защититься все равно не смогу. Но палец продолжал вдавливать в буклет.

Оставшись без ответа, директор продолжил убеждать:

– К тому же для успешного обучения там требуется магическая сила – намного большая, чем при воплощении кулинарных рецептов. Разве в тебе есть сила? Получается, что тебя смогут натренировать только простейшей физической обороне, но серьезные задания ты не осилишь – и будешь получать пинки и оплеухи, ведь сами уроки в этом и заключаются.

Пинки и оплеухи от каких-то студентов... А может, мне это надо, чтобы освоить науку смирения еще больше, чем вдавливали мне на словах? Я все еще помню унижение в мраморном зале родного замка и как трудно его переживала. А если вся моя судьба будет заключаться в унижении, пинках и оплеухах, то не начать ли к ним привыкать? Или меня вообще на уроке пришибут, тогда случайное пророчество няньки сбудется. И никто не пострадает, наверное. Ну, убились и убились в процессе усердной учебы, отец с матерью в этом точно не виноваты. Я

тряхнула головой. О чем я думаю? Почему эта гниль саморазрушения так крепко засела в моих мозгах?

– Не знаю, – я посмотрела на мужчину менее уверенно. – Тогда я провалю экзамен и в следующем триместре выберу другой курс. Мне хочется попробовать, испытать себя, стать или смиреннее, или сильнее, а то я в этой половинчатости с ума себя сведу. У меня нет других идей, как перестать быть хрупкой и стеклянной.

– Ну как знаешь, – он устал делать мне добро через силу. – Записываю. Кстати, может, и к лучшему. Там же Аштар занимается, присмотрит за тобой.

– Кто? – я нахмурилась.

– Аштар, княжич Рокка, – пояснил виконт.

– Сын, что ли?! – я от удивления вскрикнула и вскочила на ноги.

– Ну да, сын твоего жениха. Семнадцатый вроде бы. Чистокровный демон, потому изучение магической защиты для него обязательно. Но по твоему виду предполагаю, что ты вообще не знала, что он у нас учится.

Действительно, не знала. Но теперь стало понятнее, почему меня отправили именно сюда и не оставили княжескую охрану. Тут сынок собственной персоной находится – он и приглядит, и пошпионит для отца. О такой мелочи меня оповестить забыли. Но кто я такая, чтобы мне докладывать?

– О, впишите лучше садоводство, господин директор, – опомнилась я. – Только сейчас увидела, что и такой урок есть. Садоводство – это очень интересно! Ну ее, защиту эту боевую, скукота.

Дастерс вздернул бровь, да так со вздернутой и остался, когда я уходила.

Мне каким-то неведомым образом здесь нравилось все сильнее и сильнее. И тем же самым, чем вначале пугало – неизвестностью. Тут всё незнакомое, люди в коридоре не смотрят с жалостью, пренебрежением или раболепием – они вообще не смотрят на меня, поскольку я для них пока пустое место. Захочу – им и останусь. Захочу – вырасту во что-то, чем раньше не имела возможности побывать. Но состояние необъяснимой радости смешивалось с напряжением, я никак не могла определиться с поведением. Стоит ли опустить взгляд в пол или, наоборот, необходимо поднять подбородок

и шагать вперед княжной, а в будущем – великой княгиней Седьмой Окраины?

Все студенты имели комнаты в общежитии – здании гигантских размеров в несколько длинных этажей. И я снова растерялась, как реагировать, когда какую-то девушку выгнали с вещами из спальни, чтобы по распоряжению директора меня заселить именно сюда. Нет, ничего страшного с ней не произошло, ей просто определили другое место, но я недоумевала, зачем так нагнетать раздражение вокруг моего появления в университете?

Выяснила я причину столь странной рокировки достаточно быстро – стоило только познакомиться с соседкой по комнате. Очевидно, что директор сразу решил: мы с Маритой легко найдем общий язык и поддержим друг друга, ведь нас объединяет общее счастье, – по его версии. Но нас объединяло общее горе, – по нашей с Маритой версии, к которой мы пришли через пять минут знакомства.

– Ты его невеста?! – девушка схватилась за грудь, когда я вкратце описала, кто я и откуда. – С ума сойти! Вот уж не думала, шо в такой дали от дома увижу кого-то из своих! И пусть я не из имельских земель, я-то родом из Крахольского княжества, шо на другом конце Седьмой Окраины, но ты понимаешь – все равно к тебе ближе, чем к кому-то еще здесь... Послы великого князя девок у нас в середине лета набирали. А мамуся с моих пятнадцати лет сокрушалась, какой красавицей я уродилась. Предлагала даже лицо мне ножиком порезать, чтобы не приглянулась. Но рука не поднялась. Меня прямо в поле разглядели – еще до общего сбора на площади. И всё, говорят, такую в наложницы к самому господинчику Окраины. Они потом по княжеству покатались, двух бедолаг еще отыскиали, а за мной на обратном пути заехали, не забыли. Мамуся до сих пор, наверное, слезы льет, что не уговорила лицо-то порезать...

Мне было немного завидно слышать, что какая-то неведомая «мамуся» разрывается от горя, что ее красавицу-дочь все же разглядели для великокняжеского замка, как она давно и чувствовала. И ведь чувствовала не без причины – Марита была необыкновенно хороша собой, мне такие девушки раньше не встречались. Она была не по-крестьянски тонкокостной, но пышной в нужных местах. И фигура ее еще не была главным достоинством: рыжеволосая смуглянка с необычными ярко-зелеными раскосыми глазами. Жесты грубоваты,

Марита сутулилась, когда сидела, но мне отчего-то не было удивительно, что такую даже издали приметили и сразу определили в любовницы Зохару. Красота неземная, нездешняя, но идущая вразрез с ее деревенским говором:

– Ухохочешься, Айса, когда расскажу, зачем они меня сюда отправили! Привезли меня, понимаешь, в замок, мыли-причесывали дня три, откармливали как на убой, а потом на поклон к великому князю повели, но уверены были, что меня одобрит. Он и одобрил, а я от страха чуть дорогуший подьубник не намочила. Жуткий он какой-то, страшный. Не старик даже – у нас в селе много стариков дряхлее, но все они в сравнении с ним красавцы. А у этого грязь какая-то в глазах, не умею я красочно описать!

Я кивнула:

– Прекрасно тебя понимаю, Марита. У меня от отвращения колени тряслись, когда я нашего с тобой Зохара увидела. Так почему тебя учиться отправили? Ведь от наложниц вряд ли ждут высоких манер и знания географии.

Она раскатилась грудным вибрирующим смехом:

– Так я перепугалась, но знала, шо будет, если разозлю. Потому поздоровалась, как умела! «Здрасьте, говорю, государь добренький, благодарствую, говорю, шо меня выбрали» и поклонилась ему до земли. Меня так служанки научили, чтобы его умаслить. А он как вскипел! Побил меня немного, но потом остановился и говорит: «Красивая-то какая. Неужель ее невозможно научить нормально разговаривать?» И там какой-то дедок рядом подпрыгнул, что научить – это запросто. Вот меня сюда и отправили! Учиться, значит, чтобы сударя своими речами не беленить.

Я невольно смеялась над ее рассказом. Это же нарочно не разыграешь! Мне отсрочку дал титул и невзрачная внешность, а Мариту спасла красота и сельская безграмотность. Научить правильно говорить и изящно кланяться – не такая уж большая проблема, на это точно уйдут не годы. Но пока она здесь – она не там. И мне все зудело спросить: «А как там?», ведь Марита провела в замке демона несколько дней и точно знает больше моего. Но я не спрашивала, потому что очень боялась, что ответит такое, после чего мне действительно смерть медом покажется.

Характер у нее был немного странный – гораздо более эмоциональный, чем я замечала за людьми до сих пор. Марита то гоготала так, что стекла дрожали, то печалилась до такой степени, что и мне хотелось плакать, ее слушая.

– Эх, Айса, счастливая ты. Я бы тоже в жены хотела, если уж совсем не увернуться. Все лучше.

– Чем же лучше? – я на этот вопрос и себе не отвечала.

– Хотя бы тем, шо наложницы при демоне живут, пока молодые и красивые. А жены сами мрут, если до того сильно не разозлят. Чуешь разницу?

– Смотря от чего мрут, Марита, – неопределенно ответила я. – Но спорить не буду. Нам обеим в этих шкурах побывать, там и сравним. А может, он и возьмет тебя в супруги, если поразишь его благородными манерами? Не все же десять жен у него обладают высокими титулами, некоторые должны быть из простых. А уж такие красавицы там вряд ли водятся, так что можешь и великой княгиней стать, если сложится.

Я просто пыталась подбодрить, чтобы она снова улыбнулась, хотя не могла определиться, что лучше – умереть молодой или жить до глубокой старости среди таких же измученных судьбой жен, видя всё, что муженек творит с другими.

Директор университета оказался прав в предположении: мы с Маритой не были близки по происхождению, по воспитанию или по интересам. У нас из общих тем для беседы была только одна – Зохар Рокка, но о нем мы и сами не хотели говорить. Но при всем этом мы с ней сразу срослись самым важным – ощущением общей беды, которая примирит даже самых непримиримых. Мне, не наученной любить и принимать чужое внимание, Марита чрезвычайно понравилась. И резкий громкий хохот над любой мелочью казался самой прекрасной на свете музыкой, поскольку был искренним. Пусть смеется, пусть даже среди ночи будит своим гоготом – и пусть ей боги подарят много такого же смеха впереди. Хотя бы пока она остается в университете. А дальше у нее положение не завиднее моего: жить бездетной, ублажать старика, благодарить его за побои и издевательства и никогда не узнать любви другого мужчины.

Я сама предложила поделиться гардеробом – это был мой порыв, который я не смогла сдержать. Просто заметила, что Марита сидит в потрепанном сарафане: в замке демонов ей выделили всего два наряда,

да так и отправили. Здесь студенты наряжались в свое: кто в бархат, расшитый золотом, кто в драный мешок, и Марита оговорила, что двух платьев ей маловато, чтобы не износились за целый год, потому она переживала о насмешках. Но теперь насмешек не будет – я с собой привезла буквально все свои наряды, поскольку дома их оставлять было уже некому. И весь вечер мы потратили на сплошное веселье: примеряли и заново переодевались. Я, наверное, никогда так здорово не проводила время. Мы смеялись даже над тем, что мои платья обеим узки в груди – вот же досада. Но какие смогли зашнуровать, те в ход и пойдут. А там посмотрим – тут вроде бы можно заказать прислуге, чтобы доставили из города новые вещи. Моих золотых кратов хватит на нас обеих, а потом можно и украшения продавать.

Фигура моя, как и цвет волос, с того утра больше заметно не менялись – или трансформация сделалась настолько медленной, что глаз уже не улавливал. Хотя куда уж женственнее? Я и такой себя никогда не воображала. Но встав с Маритой перед зеркалом, я решила, что больше надумываю – в сравнении с ней я выглядела угловатым подростком, а не породистой красавицей, как она. Зеленоглазая нимфа затмевала меня, даже преобразенную. Или у демонской магии просто есть пределы возможностей?

– Слушай, – она грубовато пихнула меня локтем в бок, – а может, ты моя сестренка-потеряшка? Типа мой папуся в ваше княжество заглянул и твоей мамусе-княгине дочурку заделал! Глянь, у тебя тоже глаза зеленые, почти близняшки!

Я засмеялась удачной шутке. В нашей внешности не было вообще ничего общего, а радужки у меня зеленовато-коричневые, издали цвет не определишь. Марита так мне пыталась поднять настроение, как я поднимала настроение ей дележкой гардероба. Но называться ее сестренкой-потеряшкой я была согласна с первой минуты знакомства.

Мы так развеселились, что я едва не пропустила время вечерней молитвы, но вовремя глянула на настенные часы и вмиг успокоилась. Марита присоединиться не захотела, просто забралась с ногами на свою кровать и слушала молча, как я песнопениями прошу богиню подарить мне смирение и терпение ко всем невздам. Мне еще ни разу не приходилось молиться при посторонних, потому я ощущала себя неловко, но все же ответственно пропела каждое слово и прочувствовала каждый вдох из трех после обязательной части.

Посмотрела на Мариту, как будто ждала ее реплики, но увидела красивые глаза, полные непонятной грусти.

– Ты чего? – спросила я сдавленно, не понимая, чем ее расстроила. – Не веруешь в помощь богов?

– Никогда не веровала, – она ответила так же тихо. – Да вой ты свои песни, мне не мешаешь.

Но я уже завершила. Улеглась в свою постель и почти сразу уснула, не успев снять с губ улыбку.

Программы у нас с Маритой совпадали только в одной дисциплине, самой популярной среди девиц-первокурсниц – «Манеры благородных дам». Ей еще сверху накидали девять видов разных искусств, в том числе учили каллиграфии. Но на первый общий урок мы побежали вместе сразу после завтрака в столовой.

На занятии я с трудом держалась, чтобы не расхохотаться. Манеры благородных дам – роскошно звучит! Но начинала учительница с азов, которые они почему-то не успели освоить еще до моего приезда. Все занятие она учила нас стоять – в прямом смысле! Красиво стоять, не сутулиться, а в конце урока самым продвинутым ученицам уже разрешалось немного походить. Тоже, конечно, красиво и осанисто.

Девчонок на этом курсе собралось много – десятка четыре, не меньше, и занятие проходило в довольно большой комнате. В такой толпе до меня очередь дошла далеко не сразу, но учительница меня каким-то образом узнала и представила остальным:

– Наша новенькая студентка, Айса, княжна Имельская. Как к вам обращаться, сударыня?

Я очень удивилась такому вопросу. До меня учительница всех звала просто, безо всяких там титулов. Или до меня просто титулованные не попались?

– По имени и на ты, если можно, госпожа Таиран, – выбрала я без труда, не желая ничем отличаться от остальных.

– Хорошо, Айса, – она тут же переключилась. – Полагаю, ты сможешь показать остальным, как красиво пройти – ну, допустим, к императорскому трону для реверанса.

– Смогу, конечно, – я пообещала, но тут же задрожала от волнения.

Все девчонки уставились на меня, как на образец для подражания. Уж с осанкой и простыми шагами я никогда проблем не испытывала. Но меня же никогда не экзаменовали под прицелом стольких взглядов! И через три шага я споткнулась на ровном месте, покраснела под смешки, проковыляла до конца зала. Марита посчитала нужным за меня заступиться:

– А шо ржете-то? Не видите, девка стесняется? Она за всю жизнь из своего замка раза три выходила!

Учительница строго поправила:

– Не «шо», а «что», Марита, но в остальном ты права. Вы всерьез считаете смех над чужой неудачей уделом благородных дам?

В общем, этот урок оказался самым запоминающимся за весь учебный день. Остальные я отсидела без особого интереса – в начале триместра объясняли самое простое, а на кулинарной магии вещали о свойствах дрожжей. На географии я только отметила забавную деталь. Учитель рассказывал об имперском устройстве и подати с Окраин в Центрину назвал нелепым словосочетанием «налоги на защиту общих границ». У нас дома их упоминали только как «подати», причем с негативным подтекстом. В остальном – все то же самое, что мне было известно с детства. Окраины – это что-то наподобие государств в государстве, они находятся под вассалитетом, но в каждой устанавливаются свои законы и порядки. И потому жизнь в Первой Окраине может существенно отличаться от жизни в Седьмой. Центрина во внутренние дела Окраин старается не вмешиваться, уважая право великих князей на региональное обустройство. И определенно не мешает их мелким стычкам между собой, пока доходы в имперскую казну не иссякают. Центрине все равно, кому принадлежит мое мелкое приграничное княжество. Абсолютно наплевать, если эту землю будут дергать между собой сильные и устраивать на ней любое беззаконие. На географии я задумалась и о другом: столица империи, Сердцевина, всего в двух днях пути отсюда, но мне вряд ли будет дарован шанс на нее посмотреть, раз даже за стены университета выглянуть запретили.

На садоводстве мне довелось впервые в жизни немного покопаться в земле, и с концом этого урока все интересные события дня и закончились. Я набрала в библиотеке кучу учебников и книг, в том числе романов центринских писателей. Чтение я люблю, ведь это

занятие в моей предыдущей жизни было веселее, чем играть с самой собой в мац-хе. Но очень ждала возвращения Мариты. А у нее целых восемь уроков по сегодняшнему расписанию! Не погорячилась ли я, когда ограничилась минимальным набором? Во вторицу у меня всего два занятия в расписании – первое и четвертое, а на третицу – вообще ничего. Пять предметов на триместр предполагают очень расслабленный режим, с правотой директора в этом вопросе не поспоришь. Может, еще не поздно передумать? Но нет, лучше уж я проведу лишнее время за чтением, чем получу диплом раньше, чем через десять лет!

Я так ждала Мариту, чтобы вместе прогуляться, но она после ужина сразу засела за домашнее задание. Я немного помогла ей с чистописанием, а потом оставила в покое – пусть умница занимается. У нее голова светлая, память хорошая, ей просто с детства все эти науки не вдалбливали, но сейчас она азартно хватает все новое, поглощая необычную для себя жизнь со свойственной ей жаждой неисправимого оптимиста.

На следующий день в большом перерыве между уроками я написала письмо домой. Кратко: как устроилась, что изучаю, какие здесь условия и быт. Нашла отделение, откуда секретари отправляют послания, но в дверях замялась, развернулась и ушла. Закинула письмо в пустую коробку из-под обуви, задвинула ее вниз шкафа. Зачем отправлять? Никого дома я этими строками не обрадую. Разве что немного няньку, если впишу и для нее привет, но Зиде ведь никто не будет мое письмо вслух читать. Остальным же совсем наплевать. Так не пора ли наплевать и мне?

И вот на четвертом уроке, который у нас с Маритой снова был общим, произошло очень странное событие. Нас прервали как раз в момент, когда госпожа Таиран показывала простой книксен. В зал ворвались несколько мужчин в форме университетской охраны.

– Всем взять свои сумки и отойти к стене! – грозно распорядился старший из них.

– Что происходит? – удивленно спросила учительница.

Но мужчина дождался, когда мы возьмем со специально отведенных для этого полок свои учебные сумки и выстроимся в ряд, лишь затем объяснил:

– Произошла кража, госпожа Таиран. И это вопиющий случай для нашего учебного заведения! Девушки, все содержимое сумок вывалите перед собой, выверните карманы, снимите обувь.

Мы выполняли приказы без вопросов, толком ничего не понимая. Судя по лицам моих одноклассниц, такое происходило впервые и шокировало всех. Охранники начали обход с обоих краев, осматривая вещи каждой и заглядывая в пустые сумки. Главный же остался в центре, глядя внимательно на нас по очереди, как будто взглядом мог вычислить воровку и не терял надежду обнаружить ее именно в нашем классе. Но все же пояснил, чтобы мы себя не накручивали:

– Обыскиваем всех студентов без исключения. После урока в комнаты не возвращайтесь – мои подчиненные сейчас смотрят там. – На этих словах девушка справа охнула, но почему-то заставила главу охраны улыбнуться: – Нет, нас не интересуют ваши секретки, любовные письма и противозачаточные травы, так что выдохните.

– Что же вы ищете? – любопытствовала снова учительница, но и всем нам это было интересно.

– Очень дорогой перстень, – объяснил служивый. – Вещь заколдована от поисковых заклинаний, как часто делают с древними родовыми украшениями, чтобы враги не могли отыскать его носителя, если им приспичит. Сейчас эта мера сыграла против нас. Но мы в любом случае рано или поздно колечко найдем. Украли у драк-шелле Ео! Можете себе представить, госпожа Таиран? Мне даже интересно, кто и ради чего пошел на такое самоубийство? Перстень даже силы никакой не дает, просто родовая побрякушка.

Многие вокруг заохали, а я же вообще впала в полный ступор. Мне не послышалось?! Мужчина на самом деле это произнес? Шелле – верховная элита империи, средоточие власти. Выше остальных шелле только один император, который тоже, конечно, шелле. А приставка «драк» может означать только...

– Неужели здесь учится кто-то из драконов?! – я схватила за рукав рядом стоявшую девушку.

– Ну да, – ответила она. – Где же им еще учиться? Точно не знаю, но несколько шелле точно здесь есть, а из них, может, два-три дракона. Здесь десятки факультетов, сотни направлений подготовки, мне о списках не докладывали. Отпусти, Айса, а то еще подумают, что ты мне перстень перекладываешь!

У меня по всему телу прошел озноб, но он не был неприятным. Мы с нянькой говорили о том, что есть кто-то выше великого князя Окраины. Намного, намного выше! Тот, кто может от великого князя спасти, тот, кто может даровать от него помилование или прикончить тебя без каких-либо княжеских санкций. И любой из драк-шелле в этом небольшом списке. Мне всегда казалось, что они существуют в каких-то других мирах, а не вот прямо тут, через стенку или в соседнем здании! А если я его отыщу, если упаду к нему в ноги и попрошу о свободе для меня и Мариты, то не станет ли это тем самым поворотом судьбы, о котором я и мечтать раньше боялась? Ведь мы с ней можем отправиться в услужение к ним! Это должно быть лучше, чем до конца дней ублажать старика, пока ему не надоешь или он не захочет послушать твои крики... Но лучше ли? Я почти ничего не знаю о правящей власти в Центрине, на учебники в этом деле полагаться нельзя – про Седьмую Окраину тоже много чего пишут, но сухие факты никогда не отражают реальность. Да и станут ли шелле вообще слушать? Но я не могла уже остановить эту фантазию – как будто в голове моя мечта уже начала сбываться, и ее волей уже было не удержать.

Ни у кого из студенток в вещах украденного не нашли, потому глава охраны закончил:

– Если преступница здесь, то послушай внимательно. Перстенок в любом случае обнаружится, даже если ты его в землю зароешь, а дракон уж определенно сможет понять, кто держал предмет последним. Это означает, что приговор тебе уже подписан, и не так важно, свершится он сегодня или завтра. Но драк-шелле Ео готов простить тебя за чистосердечное признание и если вернешь кольцо, принадлежавшее еще его деду и дорогое исключительно в качестве семейной памяти. Подумай хорошенько! Признаешься – лишишься только кисти левой руки за воровство у шелле, на том и вся твоя беда. Не признаешься – пеняй на себя, потом еще умолять о смерти будешь. Теперь для остальных: выход из университета запрещен до того момента, когда перстень окажется в руках владельца.

Я сглотнула. Это такая у шелле расправа за обычное воровство, да еще и с признанием? Кажется, мне следует повременить взывать к их милосердию. Не прикончат ли меня только за вопрос, могу ли я о чем-

то их просить? Развернувшаяся фантазия без труда скрутилась обратно в тугую черный комок безнадеги.

Но теперь я присоединилась к недоумению охраны. Кто же, любопытно, тот самый идиот? И сколько может стоит драконий перстень, если вор рискнул ради него буквально всем? Все равно он идиот – когда отправится к богам на суд, деньги перестанут иметь значение.

Марита тоже удивлялась за ужином. Да в столовой вообще все только о громкой краже у самого драк-шелле и говорили. Все спальни уже обыскали – и пропажу все еще не нашли. Тот дурак, если у него есть хоть одна извилина, должен попытаться от перстня избавиться любым способом. Может, и впрямь в землю зароет, пока не придумает, как из этой катастрофы выбраться. Воришка с висящим над его головой приговором оказался настолько глуп, что его чисто по-человечески даже жалко!

В нашей спальне царил совсем небольшой беспорядок – по всей видимости, охранники обыскали полки и матрасы, могли еще магически осмотреть стены на предмет тайников. Нам с соседкой скрывать было нечего, потому мы даже не подумали раздражаться или напрягаться от вмешательства в личное пространство.

После ужина Марита снова засела за домашние задания, а я опять не знала, куда приткнуться. Все же решила отправить письмо домой. То, что ко мне родственники холодны, не означает, что и я должна быть холодна в ответ. Хотя, наверное, это и означает, но в том всегда была моя слабость: я искала тепла у тех, кто никогда его мне не давал. И зачем-то продолжала надеяться на чудо. Почтовый отдел еще должен быть открыт, если поспешу. А мне обязательно надо было поспешить, иначе завтра снова буду мучиться дилеммой: отправлять конверт или отпустить прошлые связи, как будто их никогда не было.

Я села на колени перед шкафом, нащупала коробку внизу, вытянула ближе к себе. Открыла, взяла свое письмо и замерла, почувствовав себя в ледяной проруби с нарастающим над головой льдом. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. На дне коробки лежало массивное кольцо с камнем оранжево-желтого цвета с тонкой полоской посередине, как зрачок у хищников. Бездумно взяла его в руки, не в силах поверить. Мне не говорили, как выглядит пропавший перстень, я вообще раньше не трогала древнее золото, обладающее красноватым

оттенком, но, как под дурманом рассматривая вензеля с потертостями, сразу поверила, что именно его держала в руках. Я уверовала в этот липкий, необъяснимый факт даже отчаяннее, чем всегда верила в богов.

Глава 3

Я рассматривала ссутуленную спину рыжеволосой Мариты, которая, пыхтя и потея, пыталась старательно выводить ровные буквы. Неужели беду на меня навела именно она? Неужели врагом оказалась девушка, которую я чуть ли не сразу записала в сестры, поскольку мы были с ней сроднены единым несчастьем? Со мной ведь и раньше подобное происходило: я всегда открываю душу навстречу тем, кто сам подобного ко мне не чувствует.

У Мариты в университете особое положение. Девушки часто смеются над ее безграмотностью и грубой речью, но она не обращает на насмешки внимания, как если бы их не было вовсе. Зато парни не смеются – хоть в столовой, хоть в учебном коридоре все представители мужского пола замирают и смотрят ей вслед. На это Марита также не реагирует, как если бы жадных взглядов не замечала. Даже будто побаивалась этого восхищения больше, чем презрения. Перед ней стояло то же условие: если Марита после возвращения в замок окажется не девственницей, коей уезжала, то за распутство поплатится не только она, но и вся ее семья, а может, и целая деревня. Я видела в этой безродной девице, не умеющей даже бегло читать, мудрую осторожность, что вызывало уважение.

Могла ли Марита так поступить? И почему перстень не нашли при обыске? Хотя мы с ней вряд ли попадали под серьезное подозрение, потому охрана могла не слишком усердствовать. Мы, лишь недавно прибывшие из Седьмой Окраины, вряд ли в курсе, как пробраться в покои шелле, и уж, тем более, чем ценным там можно поживиться. К тому же мы объявлены невестой и наложницей великого князя – зачем нам деньги, если у нас до конца жизни больше ничего своего не будет? Но то, что кольцо не найдено, не говорило в защиту моей соседки. Глава охраны обмолвился о том, что драк-шелле каким-то образом может ощутить, кто последний трогал его вещь. А я в изумлении взяла перстень в руку – и теперь, если пропажа будет обнаружена в нашей комнате, то я и сделаюсь единственной подозреваемой. Не для того ли она в моих вещах и была запрятана?

Чем дольше я смотрела в ее спину, тем сильнее убеждалась в правоте догадки. Я здесь почти никого не знаю, никто меня не ненавидит, никому я дорогу не переходила. Такое задание ей не мог дать великий князь, это точно: если бы Зохар Рокка хотел меня загубить, то незачем было вообще сюда высылать. Но я ведь видела легкую зависть в ее глазах, когда она сравнивала положение жен и наложниц! Молодых благородных девиц в Окраине больше нет – иначе великий князь не стал бы вообще со мной возиться. Но если меня казнят, да тем более если я буду убита по приказу драк-шелле, то никаких вопросов к другим людям быть не может. Зато Зохар вполне может задуматься о том, чтобы все-таки выбрать невесту из простых. Кого же он выберет, если не исключительную красавицу Мариту? А после нескольких лет университетского образования ее невозможно будет отличить от княжны. И ведь она очень старается в учебе, это заметно. Зачем же она старается, если ей предстоит только ноги раздвигать, пока она старику не надоест? Почему так пыхтит и не сдается, выводя фигурную «А» уже в тысячный раз?

Разум кричал, что больше некого подозревать, но глупое сердце ныло тихонько – дескать, не она. Кто угодно, по какой угодно причине, но только не она. У меня пока не было другого выхода, кроме как промолчать, не выдать себя и наблюдать дальше. Разве что поменьше языком при ней трепать и не воспринимать как подругу. Я знала идеальный способ проверки ее вины, но предпочла пока его отложить.

Марита с большим трудом читала шепотом учебник, стараясь произносить слова правильно, а некоторые, самые длинные, повторяла по несколько раз. Но когда я села на пол для вечерней молитвы, она притихла: то ли решила отдохнуть, то ли меня слушала. И продолжила раздражающе шептать, лишь когда я улеглась спать и с головой залезла под одеяло.

По третицам у меня уроков не было, потому завтрак я проспала и явилась в столовую лишь на обед. К сожалению, Марита уже была там и помахала мне рукой, зовя к себе. И снова чесала про свои уроки, про низкие оценки и собственную несообразительность:

– Ну вот знаю я, как надо говорить, а рот открываю – и привычное льется! Шо с этим сделаешь вообще? – сокрушалась она уже в который раз.

– Нишо не сделаешь, – несколько раздраженно передразнила я.

Но Марита даже издевки не расслышала. Она бросила взгляд на вход и вдруг наклонилась ко мне, зашептав:

– Слушай, Айса, я думаю, это Лорина!

– Кто? – не поняла я.

Марита указала подбородком куда-то мне за спину и продолжила вещать с круглыми от страха глазами:

– Она ходит с нами в один класс. Не поворачивайся!

– И что Лорина сделала? – я уточнила, уставшая от ее компании и вынужденная притворяться приветливой.

– Украла перстень, – еще тише заверила Марита. – Я наверняка знать не могу, но услышала кое-что. Она из купеческих Первой Окраины, и еще раньше жаловалась, шо ее отец почти разорен. Плакала, мол, учебу придется бросить. А сегодня утром она про это подружкам говорила – ну, типа у отца дела совсем худо пошли, ему ростовщики уже долговой ямой грозят. Я тогда и подумала: вот кто мог бы колечко спереть! По глупости, конечно. Или по чистому сердцу – может, считала, продаст побрякушку и папку своего спасет? За родного папку ведь и жизнью рискнешь, а шо?

Я смотрела на нее такими же расширенными глазами, теперь вообще не понимая, что происходит. Если Марита – воровка, то она заодно и величайшая актриса выездных театров. Не придумав, как отреагировать, я вставила идиотское:

– Не «шо», а «что», Марита.

– Да-да, забываю! – она кивнула с настоящей благодарностью, от которой мне совсем неловко стало. – Или не она? Но может быть точно такой же, как она. И я не знаю, что думать дальше, Айса! Ведь дура, преступница, идиотка последняя... но разве на такое пойдешь ради себя? Разве такое не совершишь только ради самого дорогого человека на белом свете, а?

Я не знала. Я даже не знала, что означает «самый дорогой человек на белом свете». Ради своей семьи я замуж за чудовище пойду, но на верную смерть бы не согласилась, скорее всего. И таких подозреваемых, как Лорина, могут быть сотни. Но только мало кто спрятал бы колечко именно в моей обувной коробке.

А Марита все не унималась:

– Поговаривают, что перстенок как замок стóбит, прикидываешь? Это сколько же проблем можно уладить с такой кучей золота!

– Ни одной не уладишь, – охладила я ее пыл. – Даже если удастся его вынести из университета, то в ближайшие лет пять с такой вещью лучше не высовываться – скупщики тоже не дураки и с шелле связываться не станут. То есть надо ждать годы, потом ехать на другой конец империи – и то останется риск, что скупщик скорее тебя сдаст за объявленное вознаграждение.

– Серьезно? – девушка выпучила ярко-зеленые глаза. – Тогда это не Лорина... она ж из купеческих, должна разбираться в таком не хуже твоего. Вот ведь как, – она будто расстроилась. – А я с тех пор только и думаю, что бы могла сделать, имея гору золотых кратов. Сбежала бы отсюда, забрала бы родных, купила бы всем липовые бумаги, чтобы великий князь нас вовек не нашел... А потом думаю, что всех соседей и друзей не заберешь. Так, может, и хорошо, что у меня нет возможности? Но разве может быть такое, шо никакой возможности увернуться нет? Ведь если боги существуют – они должны подарить хотя бы шанс!

Она о шансе продажи перстня говорит, или я уже надумываю? На «шо» опять перешла, то есть заволновалась. Но сам предмет разговора был печальным – он касался и меня тоже:

– Не знаю, Марита, клянусь богиней, что не знаю, будет ли вообще какой-то шанс.

– Но это несправедливо! – она вдруг завопила громче, как будто держалась-держалась, а потом прорвало. – Посмотри на нас – кому мы такое зло успели сделать? Мамуся рыдала, сказать ничего не могла, а соседи смотрели так... я понимала, почему так смотрят. Ведь легче руки на себя наложить, чем... под старика с калечным разумом...

Если она сейчас еще и разрыдается, то я точно поверю в ее вину. Не женой Зохара она хочет стать: супругой лучше лишь в сравнении, но тоже ничего хорошего. Марита мечтает сбежать, найти любой способ, согласиться на любую судьбу – лишь бы она была не той, что ей уготована. И даже если она украла, да еще и мне подложила, в этот момент я не могла осудить ее порывы, только сказать хоть что-то в утешение:

– Возможно, Марита, в мире водятся чудовища хуже него.

– Возможно... – она отозвалась глухим эхом, выпрямилась, а взгляд сделался пустым. – Но я была там, Айса. Ничего не видела, почти все время просидела в одной комнате, но я слышала крики... И

поверь, эти крики сведут с ума и тебя. Да, тебя не тронут. И меня, наверное, тоже, пока я остаюсь самой красивой девушкой Окраины... Но если ты думаешь, что сможешь не слышать эти крики, каким-то образом к ним привыкнуть – ты ошибаешься. Это место – огненный ад, в который боги отправляют негодяев лишь после смерти, такого не должно быть в мире живых. И точно не должно случаться с хорошими людьми.

Меня прошиб озноб. Я осознанно ее ни о чем не спрашивала, потому что не хотела знать. Но все равно ведь всегда знала.

– Если такая возможность есть, то я ее найду, – зачем-то пообещала я, хотя обращалась только к самой себе. – Можно сделать невысказанное, чтобы не попасть в лапы этого мерзкого ублюдка. Пусть сам горит в своем аду, наполовину сгнивший старик!

Мою тираду прервал веселый голос со стороны:

– О, не папашу ли моего обсуждаете? По описанию узнал. И чего так вылупились? Думаете, что побегу писать домой письмо, как тут про него отзываются? Вы реально считаете, что этим можно кого-то удивить?

Мы и впрямь испугались до такой степени, что схватили друг друга за руки. Перед нами стоял молодой человек. Иссиня-черные волосы только подчеркивали мертвенную бледность кожи, слишком длинный и немного крючковатый нос – гармонирующий, однако, с остальными чертами лица, а возле глаз кроваво-красный дымок, перемещающийся скачками в воздухе от каждого движения. Чистокровного демона сложно перепутать с кем-то еще.

– Да-да, я Аштар, – парень упал на свободный стул возле столика. – Давно хотел на вас глянуть, да все времени не находил.

Мы молчали, будто языки проглотили. Аштара мы опасались почти по инерции. Он – сын великого князя и даже не наследник, высокого титула шелле не имеет, потому в Объединенном университете Центрины не считается элитой. Но для нас обеих его могущество не подлежит сомнению – да хотя бы в том, что Аштар может передать своему отцу каждое наше слово, и неизвестно, как тот отреагирует. Демон же разглядывал нас с азартом:

– Ты княжна Айса, правильно? – он сразу угадал, глядя на меня. – Надо же, а ты не так уродлива, как тебя описывали. Я уж было решил, что ты горбатый черт... Стоп, подожди! – он вскинул палец, как будто

я вообще собиралась его перебивать. – Это ведь в тебя папаша вдохнул демоническую силу? Тогда я вижу уже ее эффект? Такая магия пробуждает красоту не сразу, несколько месяцев будет в тебе тлеть и вытаскивать краски, так что ко дню свадьбы ты вполне можешь сделаться вполне привлекательной.

Если он хотел меня подобным порадовать, то здорово ошибся. Я продолжала пялиться на него молча. Тогда Аштар начал рассматривать Мариту:

– О, а про тебя молва ничуть не преувеличила. Я даже в Сердцевине таких девиц не видал, а я там только по красоткам и слонялся... – Он, похоже, говорил очень честно. И тоже неутешительно: – Берегись, Марита, к такой девушке внимание неизбежно. А мой отец здесь не столь значимая персона, если думаешь, что сможешь прикрываться его именем. Так что или отбивайся до последнего, или влюбляй в себя такого, против кого даже мой папаша вякнуть не сможет. Иначе всех слез не хватит, чтобы смыть твою оплошность.

Марита тоже смотрела на него широко распахнутыми глазами и даже не моргала. Советы Аштара звучали глупо и не по адресу. Она лучше него понимала свое положение, не зря ведь даже на случайные приветствия в коридоре не отвечала. Я подумала, что ее из этого заторможенного состояния надо вырвать.

– Марита! Мы ведь на урок опаздываем! – позвала я и потянула ее за руку к выходу.

Полагаю, мы не обязаны прощаться с Аштаром или выказывать ему какую-то вежливость? Или обязаны? Потом вместе разберемся, хотя мы с ней больше и не заодно.

Но Марита после двух поворотов затормозила, останавливая и меня. Посмотрела прямо и поинтересовалась:

– Ты ведь тоже об этом подумала, Айса? – Оценила мое непонимание и озвучила идею: – Аштар, наверное, может забрать одну из нас или обеих, если понравится... Вряд ли его отец будет слишком против, ведь сын же! А этот хотя бы молод и довольно хорош собой! Ну, в сравнении...

Нет, об этом я точно не подумала:

– Марита, ты действительно хочешь заменить одно чудовище на другое? Или ты придумала себе, что раз он выглядит лучше, то

перестал от этого быть демоном и сыном демона? Они все жестоки, Марита, чужие страдания для них – как для нас хлеб! О, не сомневайся в себе – если захочешь, то Аштар с тобой развлечется. Но никто не гарантирует, что потом он не вышвырнет тебя на расправу собственному же отцу!

– Ты права, знаю, – она поникла. – Это не та возможность, которая нас спасет.

Она заиклена на поиске надежды. И я тоже должна быть сосредоточена на этом. Но на примере Мариты видела, что бездумная надежда скорее уничтожит, чем спасет.

Вечером в библиотеке я слышала разговоры. Перстень так и не нашли, из Сердцевины на днях приедут еще несколько шелле – сильных магов, которые помогут с поисками, как звучало в слухах. Территорию уже всю осмотрели, потому в скором времени повторят обыски спален, и на этот раз ощупают каждую пылинку без спешки. Слухи могут оказаться только слухами – студенты нашли самую интересную тему для болтовни и ее неустанно мусолят, придумывая даже небывлицы. Ничему нельзя верить. Но мне-то что делать? Подкинуть кольцо теперь кому-то еще? Но кого же я ненавижу до такой степени? Мариту? Сделать с ней то же, что сделала она? Но она попросту не возьмет перстень в руки, она совсем не дура. Может, Аштара? Ненависти к сыну великого князя хоть и нет – я вообще мало что о нем знаю – но если сравнивать с остальными незнакомцами, то их жаль сильнее.

Вечером, когда я приняла позу для молитвы, Марита отложила учебник и сползла на пол.

– Ты чего? – спросила я, поскольку еще не успела начать.

– Ничего, – она закусила пухлую нижнюю губу. – Научишь и меня своим песнопениям?

Я удивилась ее желанию:

– Неужто у вас в деревне так не молятся?

– Молятся те, кому нужна помощь богов. И раньше я не знала, что она мне очень нужна. Вся моя жизнь была песней, Айса, а теперь мне понадобится только смирение. И еще, давай пообещаем друг другу, что когда-нибудь, когда одной из нас не хватит смирения, вторая возьмет ее за руку и помолится за обеих. Тебе ведь тоже кажется, что такая необходимость когда-нибудь случится?

Я резко отвернулась, поскольку ее отчаянье было заразным. А я не могла пожалеть врага. И не могла не пожалеть.

Проверка! Жестокая, безапелляционная, но нужная точка! Иначе я задохнусь, если так и не отвечу для себя: она или не она. Мне горло передавило, как будто изнутри камнем распирало:

– Хорошо, научу. Но пока не подашь мне мягкие тапочки? Я очень прошу, сегодня ноги новыми туфлями натерла.

– Конечно, – она с удивлением от слишком внезапной смены темы прямо на четвереньках поползла к шкафу. – Которые? О боги, не устану удивляться, сколько у тебя обуви!

– Красная коробка, – почти совсем неслышно выдавила я.

Марита легко вытащила коробку снизу – сразу ухватила правильную. Вместе с ней поднялась на ноги, открыла крышку, нахмурилась – дескать, нет здесь ничего. А потом склонила голову и вынула перстень. Пялилась на него несколько секунд, а потом страшно закричала, бросая кольцо на пол и встряхивая рукой, будто пыталась смахнуть следы от него с пальцев.

– Ты... ты умом съехала?! – ей не хватало воздуха, но она все пыталась его проглотить побольше. – Ты... О боги, что ты натворила?! У нас обеих нет разрешения на выход из университета, мы никуда его не спрячем! Боги! – она кричала так, что уже в соседней комнате студентки могли насторожиться.

– Тихо, Марита, тихо! – я тоже подскочила, готовая зажать ей рот ладонью. – Успокойся!

– Я... я потрогала его! Теперь я ни за что не оправдаюсь! – она уставилась на меня, словно мы поменялись ролями: сейчас я стала ее палачом. Слезы потекли по ее высоким скулам, но, не замечая их, она прошептала: – За что, Айса? За что ты со мной это сделала?

А мне вдруг стало так легко, что я почти рассмеялась. Как если бы душа, корчившаяся от боли, снова развернулась – от одного конца комнаты к другому. Я очень боялась смерти и не хотела отвечать за чужое преступление. Но сейчас почувствовала, что еще сильнее я боялась совсем другого: что Марита перстень в руки не возьмет, что каким-то образом разыграет недоумение, лишь бы его не брать. И стало предельно понятно, что делать дальше. Удивительно, что до этой секунды я ощущала себя в яме без возможности выбраться, а сейчас запросто разглядела выход. Просто я стеклянная, от любого неловкого

движения разобьюсь, но мне раньше не было нужды защищать единственного дорогого человека на белом свете, потому я и смелости такой прежде не испытывала.

– Я не крала, Марита. Кто-то подкинул его мне. И я даже не знаю, кого подозревать. Но ты не пострадаешь, не волнуйся. Я так сильно боялась за себя, а теперь я уже боюсь за тебя. Потому просто пойду и все исправлю. Объясню честно, как было.

– Да тебе никто не поверит! – она снова завизжала.

– Скорее всего, – я подняла кольцо и повернулась к двери. – Но ты точно не будешь за это отвечать. Садись на пол и молись богине, Марита, пока я не вернусь. Молись, как умеешь, слова в песне подбирай душой. А если не вернусь, то завтра садись на то же место и молись уже за себя одну, ведь мне больше старый демон не будет страшен.

Она порывалась пойти со мной, но я остановила. Сопровождение в таком деле уж точно будет лишним.

* * *

Пришлось спросить дорогу у нескольких служанок – мне показали на другое здание. Шелле жили не в общем корпусе, но в таком же огромном доме в несколько этажей – каждому по этажу, наверное. Внутри и убранство было принципиально иным: красные шерстяные ковры, золотые канделябры с магическими светильниками. И отчего-то в коридорах множество слуг и охраны, как будто здесь требуется намного больше рук, чем в общем корпусе. Интересно, шелле на занятия сами приходят, или их на носилках рабы приносят, чтобы царственные ноги не коснулись простой земли?

Разумеется, меня остановили.

– Я к драк-шелле Ео, – повторила я уже в пятый раз. – С важным сообщением.

Перед последней дверью служка осмотрел меня, выслушал, пожал плечами и открыл высоченную дверь. Я из проема слышала его голос:

– Милорд, к вам княжна Айса Имельская. С каким-то важным сообщением. Прикажете принять?

Ответа я не уловила, но старик вынырнул обратно в коридор и махнул рукой, приглашая войти. Ноги меня почти не держали, но я вынуждала себя делать шаг за шагом по роскошным покоем, равных которым даже в замке отца не видела. За окнами давно стемнело, и в центре гостиной пылал камин, привлекая взгляд ярким пятном, но не освещая все огромное помещение. Перед камином в креслах сидели два молодых человека – издали ничем не отличающиеся от любых других студентов, разве что как будто на несколько лет постарше. И на высоком столике перед ними были выставлены разноцветные фигурки игры в мац-хе. Если бы у меня были на то силы – я бы улыбнулась. В мац-хе меня когда-то научил играть старший брат, но я не была в этом хороша. Чаще всего играла сама с собой в своей комнате. Но такое знакомое, такое привычное занятие будто было символом, что не так уж глобально расстояние между нами, раз хоть что-то общее у нас имеется.

Молодые люди не отвлекались от созерцания доски.

– Чем обязан, княжна?

Я даже не поняла, кто из двоих это сказал. Вытянулась вверх и все силы приложила к тому, чтобы заметно не трястись. Не зная, к кому из двоих обращаться, я впечатала взгляд в того, кто глянул на меня с улыбкой. Да почему же страх так сильно дурманит мозг? Я даже не придумала, с чего начать!

– Ваша светлость, – неуверенно проблеяла я. Если он – шелле, то должен быть с большой вероятностью герцогом, но обращение я выбрала наугад.

– Нет-нет, не я! – засмеялся темноволосый парень с желтыми искрами в глазах и указал на другого. – Вон тот индюк – Элвин Двенадцатый Криштан Ео. Похоже, тебе нужен он, раз ты не в мою спальню прискакала. Я Сао, а не Ео, если в твоих ушах найдется отличие. Милорд Элвин, ну ты хоть ради дамы бы отвлекся!

Он будто подсказал мне обращение. Или просто пошутил, вообще не обратив внимания на мое замешательство. Я сглотнула и перевела взгляд на второго. Он тоже темноволос, но пряди скорее каштановые – чуть красноватые от отблесков пламени. И желтизны в его глазах больше, чем у первого. Он глянул вверх, и освещение в зале усилилось драконьей магией, от яркости ударило в глаза. Зато через пару секунд я видела намного лучше, но было не до рассматривания обстановки. Да,

глаза точно у обоих желтые – как у большинства драконов, у весельчака совсем светлые, с искрами, а у Ео – почти оранжевые. И если бы еще оставались какие-то сомнения в их расе, то вертикальные зрачки их уничтожили бы. У меня дыхание перехватило, я никогда в жизни не думала встретить вживую настоящего дракона, да еще и сидящего в четырех шагах от меня и играющего в мац-хе, как какой-нибудь провинциальный князек.

– Мы так и будем молчать, княжна? – напомнил он о том, что я нахожусь не во сне. – Ты пришла только затем, чтобы на меня пялиться?

Я вытянула дрожащую ладонь и с трудом разжала пальцы, показывая находку:

– Я принесла это, – и поспешила добавить, пока дыхания хватало: – И я его не крала.

– О, это же твое кольцо! – заинтересовался первый дракон, который представился фамилией Сао. – Надо скорее сообщить директору, пусть уже выдохнет. А то весь университет на уши поднял, так хотел выслужиться!

Элвин же встал и подошел ко мне, не отрывая взгляда от перстня. Молодой человек оказался выше меня почти на голову, и мне было страшно посмотреть в его лицо с такой короткой дистанции. Потому смотрела туда же – на свои трясущиеся пальцы. И заставляла себя говорить, поскольку он почему-то не спешил забирать свое.

– Я не брала его, милорд. Нашла в своих вещах. Причем в таком месте, в которое заглянула совершенно случайно. Думаю, кто-то подложил его мне и надеялся, что я не наткнусь на кольцо, а его найдут потом, во время очередного обыска комнат.

– Говоришь, что тебя подставили? – он поднял глаза на мое лицо, и мне тоже пришлось посмотреть прямо. Вертикальные зрачки от яркого света стали еще уже – тонкая полоска на старом золоте, один в один с цветом камня на перстне. – Кто же?

– Не имею представления, милорд. Я думала, у меня здесь нет врагов, но это... вряд ли это какая-то случайность! Ведь если бы его нашла охрана, тогда меня и слушать бы не стали.

Его мой ответ совсем не устроил:

– И кто же оказался настолько смел, чтобы подписать тебе приговор через мое настроение? Как думаешь, княжна?

– Не знаю! – воскликнула я, еще сильнее нервничая. – Но я невеста великого князя Седьмой Окраины. Может, кто-то хотел отомстить ему, а не мне?

Другой дракон от души расхохотался:

– Гниющий пень Рокка все еще жив?! Да еще и опять женится? Интересно, сначала мир развалится или все-таки этот бессмертный старик сдохнет?

– Помолчи, пожалуйста, Майер. Мне это действительно интересно, – прервал приятеля Элвин. – Княжна, здесь вроде бы учится его сын. Не мог он такую шутку устроить? Это же демоны – их веселые игры не разберешь.

– Не знаю, милорд, – повторила неуверенно.

Я бы тоже на Аштара подумала, потому что буквально все остальные вообще меня не знают. Но никак не могла придумать мотив. Я сына жениха даже не раздражаю – это по сегодняшнему разговору в столовой было понятно. Ему вообще на меня плевать. Но это же демоны – вон даже дракон не понимает, на какую жестокость они способны ради забавы.

Элвин наконец-то взял кольцо, но наклонился немного ко мне и будто принялся. Я боялась даже вдох сделать, застыла белым истуканом. Затем он поднес перстень к носу и еще раз втянул воздух.

– Пахнет тобой и кем-то еще.

Я со страхом вспомнила:

– Моя соседка... Она... Понимаете, я ей рассказала о находке! Она тоже его трогала!

Элвин расслабился и будто вовсе потерял ко мне интерес. Отошел, безразлично бросил перстень на полку над камином.

– Хорошо, княжна, ты можешь идти.

– И все?! – выкрикнул его друг тот вопрос, который назрел и у меня.

– И все, Майер, – ответил ему Элвин. – Посмотри на нее – она трясется как в лихорадке. От нее пахнет страхом и немного отчаянием. Она в этом лесу разномастных охотников заяц. Можешь представить, что она вот прямо залезла в мои покои и стащила дедово кольцо? А потом нацепила на лицо зеленую бледность и явилась сюда трястись? На кой же черт ей это сдалось? В мои прекрасные глаза посмотреть, чтобы их всю свою семейную жизнь потом представлять?

– А может, она украла, поняла, что не сможет его спрятать, и решила сдаться?

– Может. Если ты действительно в это веришь.

Я снова затряслась от ужаса, но Майер почему-то посмотрел на меня и кивнул:

– Нет, не верю. Хотя хватило же ей смелости явиться сюда, – тот пожал плечами.

– Возможно, эта смелость отчаяньем и горчит. Слишком много она ей стоила. Иди, княжна, я не сомневаюсь в твоих словах. Хотя постой-ка! – Он окликнул, однако я еще и развернуться на ватных ногах не успела. – Мы пока не будем сообщать директору. Если тебя действительно кто-то хотел подставить, то рано или поздно он рядом с тобой нарисуетя – проверить, почему тебя до сих пор не поймали и не казнили. В том случае не забудь сообщить мне, идет?

– Идет, милорд, – я от облегчения теперь и улыбнуться смогла.

– Эх, опять скучать, – расстроился Майер. – Может, хоть на соседку ее посмотрим? Вдруг та и окажется злодейкой? Сил нет, как хочется еще немного в злодейках покопаться!

– Да прекрати ты уже, – отмахнулся Элвин и занял свое кресло. – Давай лучше партию доиграем.

Я оставила их одних, тихонько прикрыв дверь. Да, я шла сюда с надеждой на легкое разрешение, на то, что мне поверят, но все прошло даже проще, чем в самой смелой мечте! А ведь это богиня мне помогла – она дала мне смирение принять обстоятельства как они есть, и если я честна перед собой, то мне незачем было выкручиваться! Выкручиваются только те, кому есть что скрывать! Я от радости побежала вприпрыжку, не обращая внимания на улыбающихся служанок. И это чувство вызвало другую эйфорию – как же мне понравились оба драк-шелле! Они оказались такими по-человечески простыми, такими обыкновенными, совсем немного высокомерными и заметно шутливыми, как если бы назывались тоже людьми. Как если бы над их головами не светились незримые, но очевидные драконьи короны. А особенно пришлась по душе вырвавшаяся ругань о Зохаре, хотя они вряд ли лично знают великого князя Седьмой Окраины. О боги... я же забыла присесть в реверансе, так перепугалась!

Марита накинулась на меня, а потом целый час щупала, как будто проверяла, целиком ли я вернулась, и ревела мне в шею, пачкая

соплями воротник. Как я вообще могла подумать на нее? И пусть она об этом так и не догадалась, но виниться я мысленно не прекращу.

Глава 4

Жизнь уравнивалась, к университетским порядкам привыкать было несложно, а вор никак не обозначал свой интерес к моей персоне. Через пару дней я начала думать, что подставлять именно меня никто не собирался. Скорее всего, преступник понял, что продать или вынести кольцо не сможет, и просто решил избавиться от него, подкинув в первую попавшуюся комнату – наша с Маритой как раз была крайней в крыле. Дверной замок мог не стать препятствием, если тот человек владеет искусством взлома или магией. Это и было самое логичное объяснение произошедшему. Я, конечно, продолжала мысленно называть его ублюдком, но уже давно успокоилась на его счет.

На уроках у меня вообще все шло прекрасно, стоило лишь освоиться и привыкнуть к такому скоплению народа. Учителя не могли бы придраться к моим ответам, даже если бы захотели – я ответственно выполняла все задания, а база у меня и без того была выше уровня среднего ученика в классах истории или географии.

А на уроке магической кулинарии учительница меня удивила:

– Да у тебя отличные способности к магии, Айса! От отца или от матери унаследовала?

– Ни от кого, – уверенно ответила я.

Она снова посмотрела на мой котелок. Госпожа Ренкай сегодня нас учила уменьшать соленый вкус в блюде, если вышло пересолено. Мне простым заклинанием удалось сделать суп совсем пресным.

Учительница покачала головой и упорно продолжила:

– Не может быть, что ни от кого! Сила не возникает из пустоты. Заклинание подвластно любому, но такой эффект способен сделать лишь маг. Силы в тебе кроха, но факт наличия очевиден. Наверняка кто-то из твоих предков обладал даром, просто ты не знаешь, если он сам о нем знал – не тот уровень, чтобы обязательно заметили.

Я не могла с ней согласиться. Если бы мои предки были магами, хоть кто-нибудь из них, то они смогли бы защитить родную землю от мерзких демонов. Да и откуда силе взяться? У нас с одной стороны зверолоуды, они вообще не маги, а с другой – демоны. Я похолодела от

новой мысли: демоны могли изнасиловать простую женщину, особенно сразу после завоевания, но княгинь, конечно, не трогали, это было бы уже слишком. Или все же... Нет, быть не может! Слишком – даже для гнусного Зохара и его приспешников! Хотя постоите-ка... от смеси демона и человека чаще всего рождаются зверолоды – магически бездарные и уродливые существа, но с добрым человеческим сознанием. Я хоть и не писаная красавица, но точно не зверолодка. Как и никто из моих предков, судя по портретам в родовом замке.

– При всем уважении, вы ошибаетесь, госпожа Ренкай! У нас в краях не живут колдуны или драконы!

Она отпрянула с улыбкой:

– Ты отчего так разволновалась, Айса? Я ведь просто говорю то, что вижу. О, а давай устроим проверку – может, тогда и вопить перестанешь? Сделай суп опять соленым!

Она подсказала заклинание, я три раза повторила, верно сложив пальцы над котелком, но проба показала, что не удалось. Учительница поразмыслила и сделала вывод:

– Сила твоя чистой демонической природы, Айса, если тебе это что-то подскажет. Хотя подобное редкость для существ, которые выглядят обычными людьми... – она тоже покосилась на меня, будто оценивала форму моего носа, достаточно ли он уродлив для зверолодки. – Но похоже на то. Дело в том, что демонам проще всего удастся колдовство на любое уменьшение или сокращение, остальное они осваивают не так запросто. Поэтому ты без труда уменьшаешь количество соли, но для увеличения требуется другая природа магии.

– Вы уверены? – я спросила уже спокойнее.

– Абсолютно. Глянь на Рошхару, – она указала на студентку в дальнем углу класса. – У нее как раз наоборот. С этим заданием ей справиться сложно, потому что у нее родители – колдуны. Человеческая магия проще действует в сторону любого увеличения. И, кстати говоря, Рошхара сильна, ей вполне можно выбирать более сложные магические дисциплины. Вряд ли ей суждено быть поварихой...

– А у драконов? – я немного заинтересовалась, возвращая ее к собственной персоне. Надо перебрать все варианты, раз уж получены такие новости.

– У драконов, понятное дело, сильны оба направления. Потому они и считаются самыми могущественными существами нашего мира! Но нет, твой перекося очевиден. Ладно, Чентана, у тебя что получилось?

Я осталась на своем месте размышлять. И постепенно добралась до возможной разгадки. Сила демоническая, но в предках у меня демонов не водилось! Не имело ли дыхание моего жениха такой результат – ведь он что-то там в меня вдохнул? А учительница сама сказала, что магии совсем немного. Что-то наподобие побочного эффекта? Жаль, что силы мало. Хотя меня и большая вряд ли спасет, в Зохаре-то ее все равно окажется больше.

* * *

Драк-шелле так и не сообщили, что перстень найден, мы с Маритой вообще об этом ртов не открывали. В итоге охрана еще раз провела тщательный обыск всех комнат, а из университета никого не выпускали. Во вторую седмицу страдальцы-студенты, обычно уходившие на выходные в город, уже не знали, как выпустить пар. Компании таких лоботрясов мы и попались на глаза вечером, когда в саду я тренировала Мариту красивой походке и реверансам.

У нее получалось все лучше, а с ее бедрами любой шаг производит гипнотический эффект, даже если не слишком изящен. Но Марита не сдавалась и повторяла снова и снова, как всегда демонстрируя невероятное рвение к учебе.

– Вечерка, красавица! – позвал какой-то парень в стороне.

Марита заметно напряглась и по обыкновению сделала вид, что не расслышала. Но, похоже, парень был навеселе – не иссякли еще запасы дурманящей настойки, закупленной в Радожке до запретов на выход. И теперь он решил настоять на знакомстве, накрученный улюлюканьем своих приятелей, тоже подходящих ближе к нам.

– Неужели ты настолько зазнавшаяся, что даже ответить на вежливость не можешь? – в его голосе зазвучали нотки раздражения. – Переломишься, если поздороваться? Тебя как зовут-то, рыжуля?

Нам лучше было уйти, что мы и собрались сделать, переглянувшись. Но оказалось, что спешный побег лишь

спровоцировал молодых забияк на решительные действия. Говоривший подлетел к Марите и успел схватить ее за локоть, его приятели тут же подоспели и окружили ее, не позволяя пройти. Они сами взвинчивали себя на непонятную злость – говорили о ее зазнайстве, о том, что могла бы быть немного повежливее с приличными людьми, однако сами же о приличиях быстро забыли. Ее силой потащили дальше в рощу, невзирая на сопротивление. Я не испугалась сразу – просто не могла поверить, что прямо здесь они способны устроить что-то немыслимое. Но Марита завизжала, когда они принялись нагло ее лапать и отвешивать сомнительные комплименты ее формам.

Я засуетилась, пытаюсь сообразить, как ее выручить. Конечно же, не бросить, но вдвоем мы вряд ли справимся сразу с шестеркой разогревшихся кабанов. Я громко закричала, но они даже не обратили на меня внимания, тогда я схватила палку и бросилась к спине ближайшего, но притом продолжая голосить, чтобы привлечь подмогу:

– Охрана, охрана! Помогите! Сюда!

Треснула палкой, сама же испугалась сделанного, отскочила, но дрожащей рукой снова подняла оружие. Мои действия вызвали не крик боли, а взрыв хохота. Даже Марита справлялась лучше – она смогла отпихнуть от себя двоих, но третий со спины снова схватил ее за талию, притянул к себе и сжал клешней грудь.

– Ребят, а она снизу такая же хорошенькая, как сверху? – переорал всех один, готовый уже задрать ей подол пышного платья.

Я снова шагнула к ближайшему, но через секунду меня откинуло назад. И даже не было понятно, что конкретно произошло – какой-то черный вихрь, почти сносящий с ног. Меня он отшвырнул резко со своего пути, а молодых уродов раскидал по земле. И лишь когда одного вздернуло в воздух, я смогла рассмотреть, кто же так крепко держит его за горло.

Глаза Аштара горели красным – знак того, что демон в бешенстве. И в таком состоянии он способен покалечить намного больше народу, чем эта дурацкая компания.

– Как ты смеешь трогать то, что принадлежит моему отцу?!

– Прости, прости... милорд, – прохрипела его жертва. – Не знали, прости...

Аштар не был милордом, в Окраине его звали бы сударем. И вряд ли хоть кто-то из его противников вообще понял, о каком отце тот упомянул. Но демон есть демон – безразлично, что он там вообще говорит, если глаза уже затопило кровью.

Аштар с размаха бросил его на землю, бедняга со стоном попытался отползти. Остальным достались пинки и мощные удары, и уже через несколько секунд ни одного близко не осталось. Думаю, что они даже в лекарской не признаются, откуда у них взялись синяки и переломы.

Раскрасневшаяся и тяжело дышащая Марита от благодарности едва не бросилась демону на шею, благодаря:

– Спасибо, Аштар!

Но он остановил ее вскинутой рукой и злобным криком, от которого мне заново стало страшно:

– Что ты тут устраиваешь, дура?! Повезло, что Айса кричала достаточно громко! Неужели не понимаешь, что с таким лицом ты должна уметь за себя постоять? Или что, каждому позволишь себе под юбку заглядывать?! Чего же тогда визжала? Ложилась бы поудобнее и не мешала бы им развлекаться!

Марита захлопала длинными ресницами, отступила с обиженным видом. Я тоже сочла претензию странной. Она и так отбивалась как могла! Понятно, что она из крестьянских – бойкая и довольно сильная, но шести здоровенным одурманенным самцам ни одна женщина не смогла бы противостоять!

Я произнесла спокойнее, чтобы и его своим тоном немного привести в чувство:

– Я тоже благодарна тебе, Аштар, но ты несправедлив к Марите...

Он перебил чуть тише, чем недавно кричал:

– А ты, идиотская княжна, вокруг решила потанцевать и тростинкой их потыкать? Что ты собиралась ею сделать, кроме как погладить? Вокруг полно камней – в другой раз берешь и кроишь по очереди черепа, пока убудки блевать собственными мозгами не начнут!

– Черепа?.. – я невольно от него отшатнулась, хотя краснота из демонских глаз уходила в струящийся по воздуху дымок.

– Конечно! – Аштар будто был уверен, что все люди на подобное способны. – Или ты просто глупая женщина, потому не способна

понять, что Марита делает со зрячими мужчинами?

У меня дар речи пропал. Нет, красоту Мариты я видела, насколько умела. Но какие у нее вообще возможности? Совсем из комнаты не выходить? Я тоже немного разозлилась, но голосом это не выдала:

– Аштар, тогда это вина твоего отца. Ведь он ее видел и отправил сюда. Приставил бы к ней какого-нибудь охранника, раз он как раз способен понять остальных мужчин!

– Он и приставил! – демон раздраженно развел руками. – Меня! Как будто у меня здесь других забот нет. Ну ладно, допустим, я ваши визги с любой точки территории распознаю, но если бы выход был открыт, и я бы уехал в город, как всегда это делал? Или попросту крепко уснул бы? Свою голову тоже надо иметь, Айса. Зачем вы притащились в седмицу, когда все пьют и гуляют, в такое отдаленное место? Зачем ты вырядила ее в свое платье, как будто она и без твоих шелков недостаточно хороша?

С последними обвинениями я была вынуждена согласиться. Мы про такое обе не подумали. Хотя Марита даже в потертом сарафане и застиранной рубашке не будет выглядеть дурнушкой, но он прав – шелка точно лишние, особенно во время прогулок, а не учебы. В ответ я просто кивнула – показала, что мы примем его слова к сведению.

Марита тоже окончательно успокоилась и шагнула к нему:

– Все равно спасибо, Аштар, что прилетел на выручку. Независимо от других забот взял и спас меня.

И он вдруг совсем легко улыбнулся, как если бы выпустил пар и теперь от ярости ни капли не осталось:

– Да не собирались они тебя насиловать, дурная. Так, пощупать и уязвить, а потом перед сном что-то побольше представить. Так что угомонись. Но в другой раз могут быть и другие обстоятельства. А мне твоя благодарность без надобности.

– Даже руку нельзя пожать? – она устало улыбнулась.

– Вот без этого точно обойдусь, – Аштар снова напрягся. – Я тебе охранник и спаситель, дуреха, но ты сама меня лучше не трогай – от меня-то никто не спасет. Идем, провожу вас до общежития, чтобы уже спокойно от вас избавиться.

Мы послушно поплелись рядом с ним. Мне теперь было даже немного забавно вспоминать, как обе перепугались. Но взгляд подружки на демона мне совсем не нравился – она по понятной причине сейчас к

нему расположена, он силен и способен здесь стать настоящей опорой, даже его ругань звучала с заботой о ее же положении. Если даже я ему была бесконечно признательна, что не бросил нас обоих на произвол судьбы, то для девицы, которая вообще ни на кого не могла положиться, Аштар стал воплощением образа светлого героя. Но он не светлый и никогда светлым не станет. Это не та возможность, которую она так жаждет отыскать.

Я усиленно перетягивала его внимание на себя:

– Аштар, ты на самом деле меня натолкнул на мысль. У меня, в отличие от Мариты, расписание совсем не загружено, я утром в первую очередь побегу к директору и попрошу записать меня в класс по основам боевой защиты. Чтобы хотя бы в другой раз палкой могла треснуть как следует! Ах да, и кричать в случае беды буду не охрану, а тебя по имени – так буду надрываться, что ты даже из Радожки расслышишь!

– Хорошая идея, Айса, хоть чем-то полезным обернется этот вечерок, – пробурчал он недовольно.

– Слушай, мне учительница недавно сказала, что у меня есть капля демонской магии. Мог ли твой отец ее вдохнуть?

– Да, возможно, – он с любопытством глянул на мое лицо. – Что не пошло в тонкость талии и густоту волос, улетело в силу. Но слишком не радуйся – эта искра истлеет через некоторое время. Хватит ее, самое долгое, как раз на твою учебу.

– Эх, жаль, – деланно вздохнула я. – А то могла ведь стать непревзойденной поварихой!

Я это просто так ляпнула – шутки ради. Но Аштар от этой темы оттолкнулся и припомнил кое-что другое:

– Ты ведь знаешь, что одна из столовских поварих – уроженка твоего Имельского княжества? Она тут вроде с молодости пристроена.

– Нет, я не знала... То есть нас здесь четверо из одной Окраины, и двое вообще из имельских – это почему-то приятно!

Он безразлично пожал плечами:

– Я просто к слову вспомнил. Ты же и ее княжна тоже, а выросла, наверное, среди старых няnek. Так что если захочется понуть над своей судьбой на толстом животе – будешь знать, куда бежать.

Мне не нравились его насмешки, но сын моего жениха, наверное, мог разговаривать со мной как угодно. А я, невеста его отца, тоже так

могу?

– Благодарю за совет. Но ведь и ты княжич – тоже у толстых нянек на животах в детстве был?

– Нет, Айса, я с ними делал совсем другое, – он улыбнулся многозначительно. – Демоны в этом смысле очень рано взрослеют.

Меня от представления перекосило. Какой же он все-таки неприятный тип.

Но Марита в комнате долго молчала, а потом начала весьма осторожно:

– Знаю, что ты скажешь, Айса, но ведь это ничего, если Аштар мне совсем немножечко нравится?

– Ничего, – соврала я. – Это нормально – перепутать благодарность с симпатией. Когда немного остынешь, когда поймешь, что далеко не все вокруг враги, тогда тебе и Аштара станет проще воспринимать. Я не знаю, кто тебя спасет от Зохара, но это точно будет не его сын.

Она вздохнула и засела за книги.

* * *

Назавтра после обеда мы решили посидеть в библиотеке, твердо намерившись последовать совету Аштара и избегать безлюдных мест. Некоторые книги выдавали в комнату, но некоторые, особенно древние издания, можно было смотреть лишь в читальном зале. Там мы и засели, поскольку у Мариты были серьезные проблемы с разбором старого написания некоторых букв. Умение воспроизводить такие же завитушки ей вряд ли пригодится, но при чтении она точно должна понимать разницу между похожими знаками. Потому подруга шепотом читала, а я только слушала и объясняла значение некоторых вышедших из обихода старых слов. А когда Марита отдыхала, мы болтали тихонько о своем, чтобы другим не мешать.

– Ну что, Айса, нашла ты свою землячку?

Я еще не успела ей поведать об утренней встрече с поварихой, рожденной в моем княжестве, и сейчас принялась за рассказ:

– Нашла. Сегодня в перерыве между уроками в столовую забежала, и там мне ее вызвали. Не соврал Аштар – Тайша

действительно из имельских, а сюда на работу поступила уж лет двадцать назад. Она давно замужем, растит с добрым мужем деток, богов за мир и спокойствие благодарит. Но мы на бегу пообщались, она почему-то спешила по делам. Странная какая-то встреча.

– И верно, какое оскорбление! – засмеялась Марита бесшумно. – Ты хоть представляешь, сколько у поварихи дел?

– Представляю, – подумав, я согласилась. – Просто для меня она почти как родная, раз мы с ней по одной земле ходили. Но у Тайши такого же чувства не возникло. Она, конечно, поклонилась мне и сударыней назвала, но никакой душевности я за ней не заметила, на вопросы мои она отвечала быстро и суховато. Да ведь она и сама ко мне не прибежала, а местная работница точно должна была услышать, что ее княжна сюда на учебу приехала! Как думаешь, это и есть мой недостаток, что я в любом человеке родню пытаюсь рассмотреть?

– Другой у тебя недостаток, – с усмешкой успокоила подруга. – Ты совсем в жизни не разбираешься, только в этих своих науках. Ты кто для нее? Маленькая княжна из каменного замка? А она была простой девкой, которая жизнь в Седьмой Окраине вспоминать не хочет, раз оттуда вырвалась. Удивительно, и почему она сразу же не записалась в твои тетушки?

Я иронию оценила, но припомнила еще кусочек утреннего разговора:

– Не так уж плоха была ее жизнь на родине. Она из семьи свободных торговцев, не крестьянская, потому уехала в Центрину и решила попытать счастья здесь. Но про мать мою заговорила... – Я подумала и продолжила неуверенно: – Знаешь, она даже улыбнулась как-то теплее, иначе, чем мне, и говорит, что все еще вспоминает доброту прекрасной княгини. Тайша мою мать видела-то пару раз, но почему-то прониклась. Представляешь, как мне странно слышать о любви княгини Имельской к простым людям, хотя я, ее родное дитя, той любви на себе не испытала?

Марита пожала плечами:

– Ну, может, княгиня ей или ее семье чем-то помогла. Ведь ты сама описывала, что твои родители справедливы к своим людям, так почему тебя уважение бедноты к ним удивляет? Или ты теперь до конца своих дней будешь мечтать об одобрении своей холодной мамыши? Вон, даже к столовской кухарке взревновала! Забудь уже,

Айса, не было той любви и не будет. У тебя впереди лишь мрак и боль в счастливом замужестве. А если выкрутишься, то лучше другому человеку свою преданность подари – не матери, которой ты не нужна.

Что-то про то же, но другими словами, пыталась объяснить мне и старая нянька. Как будто человеку непременно нужно кого-то любить, о ком-то заботиться и тем скрасить даже самые серые дни. Но я поинтересовалась:

– Кому же?

Подруга тут же нашлась:

– Мне, например! А как иначе? Я-то, может, и не Имельская княжна, зато родителями очень любимая. Я нелюбимой теперь быть не умею! Потому я тебе тоже нужна. Не меньше, чем ты мне.

И смеется так, лиса рыжая, как будто заполучила уже полностью мою дружескую любовь. Но я лишь кивнула и прибавила в тон материнской холодности:

– Пиши дальше, Марита! А то так и не научишься идеальному письму. Я-то как раз Имельская княжна, потому прослежу, чтобы моя дорогая подруга сделалась безупречной во всем!

* * *

Студентов вокруг было много – самые усердные предпочитают заниматься в библиотеке. Кто-то из них тихо разговаривал, а возле стены девчонки над чем-то посмеивались. Но я этого незначительного шума не замечала до того момента, как он одновременно стих до абсолютной тишины. Но ощутив, встревоженно вытянула голову, не понимая сразу, что происходит.

– А вот и она! – я услышала знакомый голос сзади, хотя его не узнала.

Но обернувшись, поняла причину всеобщего молчания. Многие студенты из простых – и кому-то тоже выпала первая в жизни возможность увидеть собственными глазами драк-шелле. А те шли именно к нам и, похоже, именно обо мне весело воскликнул Майер. Он же подошел первым и рухнул на стул напротив, уставившись на Мариту.

– Ого-о-о, – протянул он. – Ничего себе какая! А это, случайно, не та самая соседка-злодейка? Привет, заячья княжна!

Марита, как и я, глядела на него во все глаза. И так разволновалась, что снова забыла про свое выскакивающее «шо»:

– Шо происходит, Айса? Почему я злодейка?

Майер от выговора не усмехнулся, но удивленно вскинул темные брови.

– Глянь только, Эл, какая девица! Видимо, не из благородных, но с такой длиной ресниц мне лично плевать, – он не сводил с нее восхищенных глаз: – Ну-ка улыбнись – и я паду к твоим ногам.

Марита не улыбнулась, а засуетилась, не зная, что в такой ситуации делать. Меня тоже выбила из колеи неожиданная встреча. Но Марита сообразила первой – все же бесконечные тренировки сказываются. Она вскочила на ноги, присела в книксене – получилось почти идеально, и произнесла с волнением:

– Добрый день, милорды.

– Садись ты, садись, – коснулся ее плеча Элвин и сам тоже занял стул рядом с другом. – И не шуми так, здесь все-таки библиотека.

Ну да, как будто книксен произвел намного больший фурор, чем их появление! Я тоже заволновалась, но почему-то рада была видеть обоих – мне наша первая встреча пришлось по душе, и от второй я ничего плохого не ждала. Особенно когда Майер так неприкрыто восхищался моей подругой – так же, как делал бы любой молодой человек:

– Хороша, а?

– Хороша, – намного спокойнее согласился с ним Элвин и почему-то глянул иронично на меня. – Так это и есть твоя соседка, княжна? Именно она трогала мою вещь?

– Да! – опомнилась я. – Позвольте представить, это Марита! Милорд, она действительно один раз взяла перстень в руки.

– Слушай, княжна, давай начнем обходиться без «милордов», – попросил он.

А как мне к нему обращаться? По имени? Вряд ли – он так бы и сказал. Или последовать его примеру: раз он зовет меня княжной, то я должна говорить «драк-шелле»? Звучит как-то глуповато. Вот только в ту секунду я поняла смысл вопроса учителя на первом уроке – как ко мне обращаться. Видимо, такая проблема встает в подобном заведении

нередко. Вот преподаватели и застраховывают себя сразу, чтобы милорда «милордом», а сударя «сударем» называть, не рискуя ошибиться.

Он тем временем подался немного вперед и знакомо принялся – повел носом от меня к Марите, прикрыл на мгновение глаза и выдал:

– Моей вещью от вас уже не пахнет, но странно, что отчаянье осталось. Кстати говоря, у вашего отчаянья одинаковый запах, это довольно забавно. Не объясните? Мне просто интересно.

Мы с Маритой переглянулись, разинув рты. И нам как раз расшифровка не была нужна – у нашего отчаянья, которое никогда до конца не отпускает, действительно одинаковая горечь. Оно пахнет старым демоном, о котором даже на секунду не забудешь. И я снова посмотрела в желтые глаза с вертикальными зрачками прямо, чтобы ответить почти с иронией:

– Ваш друг дал самое точное определение нашему отчаянью в прошлый раз, он назвал его «гниющим пнем».

Но моя шутка не нашла отклика в глазах Элвина:

– Нас это не касается. Но нужно поговорить и желательно в моих покоях. Если здесь есть сильные маги, то не хочу, чтобы они слышали наш разговор.

Драк-шелле встали и направились к выходу, не сомневаясь, что мы последуем за ними. Однако мы обе не вскочили сразу же, я вцепилась в локоть Мариты и быстро зашептала:

– А вот это настоящая возможность выкрутиться! Настоящая, без дураков! Если ты понравишься кому-то из шелле, то он спокойно выкупит тебя у Зохара! Или просто скажет: «Забираю» – и на том твоя проблема решена! Я не знаю точно, как это у них делается... Но послушай, Марита, только не сдайся ему, пока он это условие не выполнит, иначе можешь просто угробиться ни за что! Сначала попробуй его осторожно очаровать...

Но подруга мое воодушевление встретила скептически:

– Ага, я тебе могу дать тот же совет! Иди и очаровывай! Понимаю, ты княжна, тебе не по статусу кого-то ублажать или делаться постельной утехой, но любой из них красив, молод и в тысячу раз приятнее твоего жениха! Сама-то готова раздвинуть ноги ради свободы?

– Я? – меня вопрос обескуражил. – Даже не знаю... Будь у меня твоя красота, я бы точно об этом подумала. А так...

– Вот-вот, толкаешь меня на то, чего сама боишься, Айса! А ведь я тоже боюсь – вдруг спрошу, а он откажет, да еще и Зохару сообщит о моей распущенности? Если бы знать наверняка, что не обидит, что выкупит, что когда надоем, отпустит, а не прибьет, как делает наш великий князь... Я бы тогда хоть обоих ублажала и еще благодарила бы за подарок судьбы!

– Обоих? – с ужасом переспросила я. Вообще-то, мы про драконьи постельные замашки ничего не знаем, нам хватает мук от представлений извращений старого демона. Но ведь всякое бывает! Не получилась бы такая свобода слишком дорогой. – Нет, на обоих я не согласна...

– Не согласна она, княжна чопорная! Ну подождем немного – как дело ближе к свадьбе подойдет, так и толпа звероловов покажется выходом!

Она потащила меня за руку, пока мы не слишком отстали. А я все думала над ее вопросом. Меня воспитывали иначе, но ведь я с детства понимала, что могу стать всего лишь наложницей великого князя, никакой не законной супругой – и ничего, как-то с этой мыслью выжила. А теперь что же? Неужели мне такое падение не по статусу, как Марита говорит? На какую распущенность я готова отважиться, лишь бы никогда в жизни своего жениха не увидеть?

Драк-шелле остановились в дверях, ожидая нас. Элвин опустил голову, широко улыбаясь потертой напольной плитке. А Майер вообще открыто смеялся. Мы замерли в немом вопросе: «Что?» Последний нам и объяснил:

– Девочки, вы, наверное, с драконами раньше не общались? Тогда намекну – у нас очень тонкий слух. Даже чуть тоньше, чем нюх. И скажу сразу: толпу звероловов я вам не заменю, но очаровываться теоретически готов.

– А я даже теоретически пас, – со смехом добавил Элвин и свое мнение. – У меня невеста морт-шелле, она из любой моей постельной утехы чучело сделает, ваш великий князь от жалости реветь будет.

Мы с Маритой переглянулись, густо краснея. Услышали, они слышали каждое слово! Вот ведь мы глупые курицы! Хотя откуда нам было знать, что там драконы умеют? Заодно меня удивило, что драк-

шелле собирается жениться на морт-шелле, то есть на демонице с высоким титулом. А от такого брака дети рождаются без уродств? Тогда кто же: красноглазые демонята или желтоглазые дракончики? Сколько еще открытий мне предстоит здесь сделать!

Глава 5

Майер все-таки на улице отстал от Элвина, дождался нас и пошел между.

– Вы почему так переживаете за любое сказанное слово, девочки? – Он, наверное, решил все-таки нас успокоить или перевести общение на более дружескую ноту. – Если вы невинны в преступлениях против шелле или империи, то вам не надо опасаться каждого шороха!

Марита как будто собиралась ответить, но я поспешила опередить – дело в том, что в подруге некрасива только речь, и чем больше она молчит, тем значительнее ее шансы даже после нашей осечки:

– Понимаете, милорд, – я говорила как можно вежливее. – Мы обе – из глухой провинции и иногда просто не догадываемся, в чем могут заключаться преступления против шелле.

– Мило-орд, – Майер передразнил, сквасил мину, но менее привлекательным от этого не стал. – Заяц, тебя официально пригласили в покои шелле – это уже знак того, что ты можешь звать нас обоих именами. Да и к чему этот официоз, мы с Элвином чувствуем себя стариками! А нам всего по двести.

– Шо?! – не удержалась Марита.

Я же по его улыбке пыталась определить, пошутил или нет. Но заодно припомнила, что читала об этом: драконы, в отличие от других долгожителей – демонов и сильных колдунов – взрослеют очень медленно, для них столетний юбилей считается еще ранним юношеством. И ведь мне сразу показалось, что они выглядят немного старше большинства студентов. Но не настолько же! А мой вопрос был существенным:

– Но что же вы тогда делаете в университете? Неужели за все эти годы вы не получили образования?

– Отдыхаем! – удивил Майер признанием, а потом добавил понятнее: – Раз в несколько лет все молодые драконы возвращаются на учебу. Это дает возможность развиваться, отслеживать тенденции и не костенеть умом. Вам, людям, сложно понять, как сильно успевает

измениться мир за каких-нибудь сто лет, нам же такое непростительно. К тому же прекрасный отдых на несколько лет от имперских интриг, – он сделал непонятную ремарку. – В первый раз мы с Элом закончили Магический институт во Второй Окраине, потом три года развлекались на факультете драконов в Сердцевине, а сейчас решили рвануть сюда. Что, твой старый жених не выглядит в сравнении с нами таким уж стариком?

Мне снова стало неловко, я пробурчала:

– Ну, в двести лет, возможно, и Зохар выглядел ничего... А мы можем никогда это больше не вспоминать? Да, мы сглупили, обсуждая личные вопросы при вас, но остается надеяться, что с памятью у драконов дела обстоят хуже, чем со слухом и нюхом.

– Как хочешь, Айса. Если только твоей очаровательной соседке не приспичит сравнить двухсотлетнее тело с тысячелетним, – он подмигнул вновь краснеющей Марите.

Мы уже входили в знакомые покои, когда Майер снова обратился к нам, объясняя цель встречи:

– Хотелось бы обсудить пропажу перстня еще раз, прийти уже к какому-то выводу, а то у директора скоро сердце прихватит от постоянного стресса, да и студенты здесь долго взаперти не протянут, начнут чудить! Директору пора узнать, что пропажа найдена. Вы играете в мац-хе? Устроили бы партию на четверых.

Я ответила с большим удовольствием, уже заглядываясь издали на доску с резными фигурами:

– Я ее просто обожаю! Правда, из меня вряд ли получится сильный соперник.

Марита же в смятении мялась, ошарашенная царящей вокруг роскошью:

– А я даже не знаю, что это такое...

– Не знаешь? – удивился Майер. – С ума сойти! Как такое вообще возможно? Где находятся те прекрасные земли, где про это занудство даже не слыхали?

Ну да, представляю выражение его лица, если бы дракон узнал, что Марита пока еще даже читает с трудом. Я не могла не подумать о том, какая гигантская пропасть между ними – намного большая, чем между мною и шелле, а ведь и она кажется непреодолимой. Возможно и такое: точно так же, как Марита впервые в жизни видит дракона

перед собой, дракон впервые видит в такой близости крестьянку. И тем не менее озорной интерес в его глазах я тоже заметила.

Он же меня подтолкнул к свободному креслу напротив высокого столика. С другой стороны уже сидел Элвин, расставляя фигуры. Партию можно расписать только на четное число игроков, и Майер решил самоустраниться:

– Тогда иди, заяц, уделай его. А то Элвин возомнил себя лучшим игроком в мац-хе всех времен! Мы со злодейкой будем за тебя болеть!

– Я возомнил? – наконец-то подал голос и хозяин покоев. – Прозвучало бы смешно, если бы тебе хоть раз удалось меня обыграть.

– Да я скучнее занятия придумать не могу! Заяц, не подведи. Злодейка, двигай кресло ближе к камину – садись, где удобнее.

– Почему же я злодейка? – снова жалобно от смущения спросила Марита.

И ей опять никто не ответил. Я потом какими-нибудь словами объясню. Хотя о чем тут говорить? Для шелле мы пока просто случайные и проходные персонажи, которых проще запомнить кличками: «заяц» и «злодейка». Это даже не звучит уничижительно, поскольку они оба и так сделали немислимое – снизошли до разговора с нами.

Я тоже немного волновалась, выставляя разноцветные фигурки со своей стороны. Вроде бы костяные, но так красиво вырезанные, что хочется тщательно рассмотреть каждую. Я этого, конечно, не делала, переживая, что буду выглядеть провинциальной простушкой, кем в их глазах и являлась. Элвин ладонью указал на мою сторону доски – показал, что предоставляет мне право первого хода. А я от переживаний вообще все правила забыла. Но двинула вперед рефлекторно левой капицей, с которой начинаются почти все партии.

– Итак, – Элвин сделал свой ход тоже бездумно, переходя к главной теме, – у тебя появились какие-то подозреваемые? Хоть кто-нибудь. Понимаешь, тот факт, что кто-то залез в вашу комнату и подкинул перстень, не слишком шокирует. Другое дело, что этот же кто-то смог залезть в мою. А это уже совсем другая история.

Я сделала три хода подряд, поскольку это право он предоставил мне движением своего императора: высокие фигуры на доске дают возможность сопернику передвинуть сразу нескольких мелких. А отвечала вдумчиво:

– Подозревать некого... милорд, – я добавила обращение после короткой паузы, вопреки недавней просьбе. Если называть по имени Майера еще можно с трудом представить, то по отношению к сдержанному и очень отстраненному Элвину вообще язык не повернется. И поскольку в этот раз он никак не отреагировал на обращение, продолжила: – Я ведь незадолго до того приехала, просто не успела никому перейти дорогу! Некоторое время думала на Аштара, сына моего жениха...

– Что ты думала?! – вскрикнула Марита.

Я глянула на нее и пояснила:

– Просто потому, что вообще больше подозревать некого! Но теперь уверена, что это не он. Аштар, может, и не принц в белой карете, но он точно не желает нам обеим зла, иначе бы не помогал вовсе! – Я снова перевела взгляд на драк-шелле перед собой и вздрогнула, поскольку не ожидала, что он как раз смотрит прямо на меня. Оранжево-желтые глаза с полосками зрачков – не то зрелище, к которому так запросто привыкнешь. Я нервно поежилась. – А сейчас я почти уверена, что вору было без разницы, куда спрятать перстень. Просто наша комната оказалась крайней.

Элвин согласился с последней версией легко, делая непонятный ход фигуркой императрицы – самой важной, но и самой сильной фишкой в мац-хе:

– Скорее всего, так и есть. Я тоже об этом подумал.

– Эх, а какая была интрига! – расстроился Майер. – Маленькая княжна еще более маленького княжества погибает по ошибочному обвинению шелле, потому что не нашла кольцо до обыска или не решилась его принести сюда! И вся эта жуткая афера была организована с немыслимой целью, чтобы... черт, я не могу придумать цель для этого бреда. Потому да, соглашусь, что ты стала просто случайной жертвой. – Он еще раз вздохнул и зашипел почти одними гласными, из которых выделилось отчетливое «штар».

В ответ Элвин кивнул и отозвался двумя похожими слогами.

Марита от этих звуков непонимающе нахмурилась, а я успела скрыть улыбку. Майер перешел на старое драконье наречие – его я тоже изучала. В моей старой затворнической жизни почти не было других развлечений, кроме обучения всему подряд. А учителя у нас в замке водились, ведь я единственная из детей Имельского князя, кто не

имел будущего. Разумеется, они не отказывали мне в уроках. И сейчас я без труда распознала в странном шипении смысл всех слов.

«И все-таки надо проверить этого Аштара, – сказал Элвину Майер. – Он же демон! Почему бы ему не пожелать загнобить будущую молодую жену отца, если это просто забавно?»

«Обязательно проверим», – ответил другу Элвин.

Сказав это, он сразу без паузы оповестил меня, переключаясь на современный язык:

– Я выиграл, княжна. А ты играешь даже хуже Майера.

Я ощутила себя почти виноватой за провал. Быстро поднялась на ноги, чуть склонила голову, благодаря за партию, хоть и стыдно короткую. Игра закончена, как и разговор. Мы с Маритой должны уйти сами, чтобы не выглядеть навязчивыми, или нас попросят? Я знакома с правилами этикета, но этикет такого уровня для меня нуждался в дополнительной расшифровке.

– Куда-то торопишься? – Элвин поднял на меня взгляд.

Я отозвалась удивленно, не понимая:

– Милорд?

– Садись обратно, объясню твои ошибки, княжна. – Он бросил это расслабленно, но будто припечатал приказом. И я медленно опустилась в кресло. – Чтобы в следующий раз ты могла хотя бы дольше трепыхаться до проигрыша. Смотри, – Элвин указал пальцем на мою фигурку левой капицы, – ты только обороняешься. Каждым ходом ты выстраиваешь защиту и ни одним – нападение.

– Опять началось, – сокрушенно протянул Майер, откидываясь на спинку кресла и уставившись в потолок. – Он пока здесь кого-нибудь не научит до своего уровня – не успокоится. Кто-нибудь сообщите этому бурому лешему, что давно изобретены вино, музыка, красотики и карты – время можно проводить не в такой беспробудной тоске! Злодейка, давай с тобой хотя бы вино пить, пока продолжается это занудство?

Марита до сих пор сидела вся зажатая от волнения, боялась даже звук издать или лишний жест сделать. Как, впрочем, и я. Но Элвин на реплику приятеля не обратил никакого внимания:

– Одной защитой выиграть невозможно, княжна. И я говорю не только про игры.

Я осмелилась спросить:

– Но разве можно нападать, не выстроив защиту?

– Если нет времени на всё, то даже нужно. Тогда у тебя появляется шанс. При одной обороне вопрос лишь в том, сколько ты потеряешь. Потому что приобрести при такой стратегии невозможно.

– А! Вы поэтому почти сразу идете с фигуры императрицы, – догадалась я. – Ваша тактика выглядит даже агрессивной! У меня не тот характер, наверное.

Он неожиданно улыбнулся – хотя получилось довольно прохладно:

– Я, кажется, начал понимать твой характер. Ты из тех людей, кто утром ревет от ударов судьбы, а вечером просит богов о помощи? Или – еще хуже – о смирении, чтобы наутро не так громко реветь от ударов судьбы?

Титул давал ему право на многое, но вряд ли на то, чтобы заглядывать своими желтыми глазами мне в душу. И эта мысль добавила настроению немного скрытой злости:

– А о чем просите богов вы, милорд?

– Я? По-моему, есть только два пути, княжна: ты или ждешь чьей-то помощи, или помогаешь себе сам. Так о чем мне просить богов, кроме как благодарить за это знание?

На этот раз я взгляд удержала – хоть и с трудом, но продолжала смотреть ему в глаза. И кончик языка держала прижатым между зубами. Потом когда-нибудь ему отвечу – возможно, после того, как смогу победить его в мац-хе. Вот тогда-то, увидев в странных, почти звериных глазах хоть каплю уважения, я скажу ему, что не в его положении, не с его статусом, не с его кровью рассуждать об ударах судьбы. Там, наверху мира, откуда даже великие князья кажутся мелкими мошками, людские проблемы и под лупой не разглядишь. Конечно, ему не о чем просить! У богов столько не найдется, сколько уже у него есть.

А пока я, вооружившись полезным смирением, внимала его советам и запоминала удачные ходы в игре. Немного потеряла счет времени, но отвлек звонкий смех Мариты. Глянула на подругу, которая уже что-то бурно обсуждала с Майером, держа в руках бокал. Он успел ее напоить? Но вроде бы отвечает ей с интересом, не смеется над ее речью. Теперь я уже сомневалась, что это хороший знак. Двухсотлетние шелле – абсолютно точно не детские игрушки, но в их

руках любой может такой игрушкой стать. А поиграть с такой хорошенькой игрушкой, как Марита, наверное, не откажется даже дракон. Даже если она притом будет продолжать «шокать» или вещать про сбор осеннего урожая.

Элвин и этот мой взгляд заметил, тут же начиная его препарировать:

– Итак, княжна, твое желание защищаться распространяется и на подругу? Или это высокомерное покровительство княжны над безродной девкой? Ведь без тебя она никак не поймет, когда просить, а когда сдаваться, верно?

– Высокомерное покровительство? – я глянула на него искоса. – Уж не знаю, милорд, есть ли в моем характере вообще что-то подобное. Кажется, иногда вы приписываете людям те качества, которые вам понятнее.

Прозвучало грубовато, но драк-шелле лишь усмехнулся без грамма раздражения:

– Тогда ослабь контроль. Майер ничего с ней не сделает – если она сама только не захочет, чтобы сделал. Это не тот случай, когда нужно защищать и защищаться. Но у тебя, похоже, рефлекс.

– Да нет, я вообще о другом подумала! – решила соврать, изменив одну неловкую тему на другую: – Время ужина заканчивается. Будет ли неучтиво с нашей стороны откланяться, раз мы все равно уже обсудили главную тему?

– Ужин? – Элвин посмотрел на золотые стрелки настенных часов и слегка нахмурил брови, как если бы удивился времени. – Это точно не проблема, княжна. Скоро здесь на ужин соберутся все. В смысле, все шелле. Подадут в столовый зал, потому вы можете не переживать и просто остаться. Я приглашаю вас обеих.

Марита, заметно повеселевшая, уже и на месте усидеть не могла, она кружилась по большой комнате – и выглядела притом очень изящной. Однако услышав слова Элвина, воскликнула, растеряв мигом весь внешний лоск:

– Столовый зал?! Ничего себе! Лысые черти, сколько же комнат в покоях одного студента? Дворец во дворце? И у каждого шелле так?!

Ее восторг прозвучал забавно. Он был искренним, без задней мысли – подобное и я могла бы ляпнуть, если бы не обучалась вовремя прикусывать язык. Теперь сослаться на ужин в студенческой столовой

точно было бы верхом неучтивости, потому нам придется остаться. Но лучше каким-то образом унять немного разбушевавшуюся Мариту – она не должна выглядеть смешной! А то даже немного стыдно за нее. О боги... неужели это действительно высокомерное покровительство?

Я остановила себя, пусть Марита кружится в центре и восхищается. Ведь это и есть ее суть, а кому не нравится – так это от недостатка естественности в них самих. В итоге я застыла у угла камина, наблюдая за подругой, когда за спиной начался разговор. Шелле снова перешли на старое наречие, а мне повезло, что я успела отвернуться: по выражению лица не узнают, что я их понимаю. Это оказалось моим маленьким преимуществом – точно таким же, как их тонкий слух для людей, которые об этом не догадываются.

Начал Майер:

«Не слишком ли ты увлекся княжной, Эл? Ты выдаешь себя!»

«Не придумывай», – ответил тот.

«Серьезно? Тогда мне можно перестать развлекать ее глуповатую соседку по комнате? Ну раз я неверно тебя понял и ты не принимаешься к каждому ее слову и не сжирал каждый ее жест. Не помню за тобой такого азарта!»

Я чуть расширила глаза и сделала еще шаг от них, чтобы запах моих эмоций не уловили. Азарт? Майер бесконечное ленивое равнодушие Элвина только что назвал азартом?

«Да нет... – задумчиво ответил тот. – Это другой интерес. Ты заметил, как странно она пахнет? Абсолютный человек, но со стойким запахом демона. Как такое может быть?»

«Не заметил. – Теперь и Майер повернулся в мою сторону. – Я же к ней так не принимаешься, как некоторые. Думаешь, Аштар уже забрался на невесту отца? От демона и такого можно ждать!»

«Вряд ли. Не знаю. То есть с ужином я перегнул?»

Майер тихо рассмеялся: «Уж будь уверен. Айса только слегка пахнет демоном, а скоро сюда явится твоя невеста, от которой демонами несет за версту. Жалко маленькую княжну, если и Хинанда тебя неправильно поймет!»

Я услышала в голосе Элвина легкое напряжение: «Останови этот поток бреда, Майер. Хинанда никогда не заподозрит меня в увлечении к пустой, не слишком красивой провинциалке. Ты с ума сходишь от одиночества? Тогда приглядишься получше к рыжей красотке!»

Он почти сразу подался ко мне и поднял тон, переходя на современный имперский:

– Идем в столовую, там дождемся остальных.

Мы, конечно, пошли, а куда деваться? Но я не смогла пропустить мимо ушей их мнение: Мариту драк-шелле считают глуповатой, а меня – пустой непривлекательной провинциалкой, интересной только смесью запахов. На подобное даже не обидишься, поскольку я знать об этом не должна, да ведь я и не ждала от них симпатии. Так от чего расстраиваться? Нейтральному отношению без злости или восхищения? Сойдет. Но скорее бы уже придумать повод закончить эту затянувшуюся встречу и предупредить Мариту, что эта возможность избавиться от великого князя выглядит чуть более невозможной, чем в начале вечера.

Глава 6

Морт-шелле Хинанда оказалась обладательницей темно-синих волос – возможно, иссиня-черный цвет демонов она немного изменила, чтобы казаться ярче. Ее нельзя было назвать красавицей: слишком худая и крючконосая, да красные отчетливые дымки перед глазами не прибавляли ей очарования. И при всем этом она каким-то невероятным образом подходила Элвину, привлекательнее которого сложно вообразить. До момента ее появления в великолепном зале столовой я отчего-то была уверена, что их союз – исключительно политический: какие-нибудь две могущественные династии империи уже в младенчестве не оставили детям выбора, чтобы создать новый союз между драконами и элитой демонов. Но когда она вошла, легко наклонилась к плечу Элвина, чмокнула его в щеку и проследовала дальше, я уже не могла избавиться от ощущения правильности.

Демоница не сразу обратила на нас внимание, но когда села, окинула обеих взглядом, вскинула тонкую черную бровь и поинтересовалась:

– Развлекаетесь, мальчики, пока я отсутствую?

Майер кивнул:

– Развлекаемся, прекрасная Хинанда, развлекаемся. Пореже отсутствуй, и тогда, возможно, у нас проснется совесть!

А Элвин отмахнулся от ее вопроса, представив нас довольно смазанно:

– Это княжна Имельская, я тебе про нее рассказывал. И ее соседка по комнате, Марита. Мы сегодня нашли их в библиотеке и притащили сюда. Всего лишь хотели удостовериться, что продолжения истории так и не случилось. Кстати, а ты знакома с Аштаром Рокка?

Она задумчиво свела брови:

– Конечно. У мальчика чистая кровь, он определенно силен, и если не решит свалить в свою протухшую Седьмую Окраину, то вполне может найти себе занятие при дворе. У нас с ним многие классы совпадают. Провинился чем?

– Пока нет, – заверил Элвин, отчего-то глянув в мою сторону. – Просто его сегодня упоминали.

Она тут же потеряла интерес и к нам, и к упомянутому Аштару:

– Жаль. Эти мелкие князьки бывают заносчивыми, но вряд ли мне кто-то даст добро, чтобы забить его до смерти плетью, если ни в чем не провинился. Когда уже блюда подадут?

Я решила, что она шутит. Но Марита рядом затряслась, миг протрезвев. Зря она переживает – демоны Центрины должны быть более цивилизованными, все же здесь правят общие законы, а не те, которые устанавливают великие князья на своих территориях.

В зале появились служанки с подносами, суетливо сервируя большой стол и выставляя тарелки. Они тоже предпочли сделать вид, что мы здесь смотримся уместно. К ужину в последний момент присоединились еще двое – я с удивлением рассматривала двух приятных на вид блондинов, чрезвычайно друг на друга похожих. Родные братья, скорее всего, а с какой-то вероятностью даже близнецы. Но изумило меня не это – здесь собирались шелле, как предупредил Элвин, но эти двое определенно были людьми. Значит, мне посчастливилось теперь увидеть и третью, последнюю, часть имперской элиты.

– Да, маг-шелле, – Майер поймал мой взгляд и благодушно объяснил. – Витай и Веран, сыновья герцога Кеймара, уже шестнадцатое поколение личных верховных колдунов императора. Познакомьтесь, а это заяц и злодейка!

Ему доставляли удовольствие выданные прозвища. Но один из магов уделил нам все внимание и обратился прямо:

– Я из двоих Витай. А кто из вас злодейка? И что она натворила?

Выглядел он приветливо, и я вежливо ответила:

– Милорду Майеру просто нравится над нами смеяться. Это Марита, а я Айса.

В разговор вмешался и Веран:

– Мне понравилось, что ты принесла кольцо, Айса. Признак простодушного благородства. Хоть, по рассказам, и тряслась здесь, как упомянутый заяц. Все бы тряслись на твоём месте, но не все выбрали бы самый открытый путь. Будем знакомы, княжна Имельская.

Он так хорошо это сказал, что мне даже стало неудобно – за то, что я перстень-то не сразу принесла, целые сутки боялась и придумывала, как от него избавиться. И Витай подхватил за братом, глядя на драк-шелле:

– А Элвину надо перестать разбрасывать такие дорогие вещицы где попало. Для некоторых они становятся невозможным соблазном. Если по твоим покоям пройти и просто взять, что брошено, так можно целиком одну из Окраин купить, еще и сдача останется.

Мне братья очень по душе пришлись, да и вся эта компания вдруг перестала выглядеть чем-то невыносимым – вот ведь они, живые, существуют рядом, только руку протяни. От всех других людей отличаются лишь богатством и властью, но не разговорами и характерами. Мне так думалось, пока Хинанда не выдохнула сокрушенно:

– И все-таки жаль, что вора до сих пор не поймали. Ведь я уже выпросила у директора на него разрешение! Здесь так редко совершают серьезные преступления, что и настроение поднять нечем. В Сердцевине демонам давно запретили пытаться заключенных – дескать, своих палачей хватает, я надеялась, что хоть в этой глухомани душу отведу.

Элвин со смехом подался к ней и похлопал по руке, будто утешал: «Не плачь, мол, любимая, наступит и твой праздник с жертвами и орудиями пыток». Все-таки демоны остаются демонами... даже самые цивилизованные. Им сладка чужая боль, хоть это и проскакивает почти шутливым тоном. И Элвина жестокие наклонности невесты точно не беспокоят, я вообще до сих пор не видела такой широкой и расслабленной улыбки на его лице, которая заиграла вместе с появлением Хинанды и теперь уже не пропадала.

Майер решил немного сменить тему:

– Хин, а с самим великим князем Седьмой Окраины ты знакома? Сегодня услышал, что старика его подданные боятся похлеще адского огня, – он сверкнул желтыми искрами в нашу сторону, но не стал уточнять, откуда это узнал.

– Видела его разок, когда тот был при дворе, – вспомнила Хинанда. – И умеи закрывать уши на подобные слухи, Майер. Центрина не вмешивается в дела Окраин, пока они платят налоги. Мне ли тебя учить политике? А у демонов мягкого характера не бывает, в преклонном возрасте он еще сильнее портится. Если какое-то княжество не хочет сидеть под стариком Рокка, то оно вправе отвоевать себе свободу и присоединиться к другой Окраине.

Приподнявшееся настроение испортилось за мгновение. Как у них, шелле, все легко! Из Сердцевины империи-то наверняка виднее, каково людям в Окраинах живется и какой ценой достается как свобода, так и зависимость! Но политика невмешательства в дела Окраин была нерушимым имперским правилом, фактически гарантом ее стабильности на много тысячелетий общей истории. Этот союз был выгоден с точки зрения внешней угрозы – мы уже и забыли, когда в последний раз другие страны осмеливаться позариться хоть на клочок имперской земли. Но в мирное время внутри действовал ограниченный суверенитет, очень выгодный правителям. Окраины платили в казну дань за защиту общих границ, а Центрина уважала их право на свои порядки. Ведь если бы недостаточно уважала, то великие князья могли бы объединить свои армии и создать серьезную проблему для всех. Вряд ли Центрина в такой войне может проиграть, но сражаться с армиями демонов, зверолодов или магов ей тоже ни к чему, пока и без того все получает необходимое. Как кажется тем, кто больше всех получает.

Присутствующие были настолько равнодушны к каким-то там приграничным проблемам, что тут же забыли о предыдущей теме и переключились на обсуждение новой: путешествия в прошлом году в Первую Окраину, а затем они дружно смеялись над тем, что в Шестой Окраине последний работяга выглядит симпатичнее правящей семьи зверолодов. Мы же с Маритой переглядывались и помалкивали, ощущая себя здесь лишними. Нас пригласили просто так, из непонятной вежливости, а нашей задачей было придумать достойную отговорку! Но стоило мне лишь посмотреть тоскливо на дверь, Элвин разгадал мое намерение:

– Так сильно торопишься, княжна? Почему ты не ешь десерт? Не нравится?

Десерт – фруктовый пирог с желе внутри – не нравится не мог. Для шелле, похоже, университетские повара стараются особенно. Или они из Сердцевины сюда привезли собственных? Но из прозвучавших вопросов этот был еще не самым нелепым. Разве дракон сам не понимает, как мы с Маритой себя ощущаем, не имея возможности даже кивать в поддержку их разговоров? Что нам в этой компании кусок в горло не лезет! Именно так ответить я не могла, потому сочиняла на ходу что-то более дипломатичное:

– Что вы, милорд, он изумителен! И так неудобно об этом говорить, но нам с Маритой действительно уже пора... делать домашние задания.

И Марита с облегчением тотчас запричитала:

– Да-да, так неудобно! Но боюсь, что с моими успехами я до старости буду осваивать сложную науку чистописания! А десерт прекрасен, клянусь богами, я прекраснее ничего не пробовала! Премного вам благодарны, господа хорошие, но...

Я чуть толкнула ее рукой в бок, и Марита вовремя прикусила язык. Она все правильно сказала, но стало бы уже лишним добавлять в конце легко угадываемое: «... но можно нам уже отседова испариться подобру-поздорову?»

Вероятно, не только я это окончание смогла предсказать, раз оба маг-шелле расхохотались, Хинанда скривилась, Майер благосклонно улыбнулся и начал вставать, чтобы наконец-то проводить нас из покоев друга. Но Элвин зачем-то вскинул руку и потребовал:

– Нет. Вам здесь скучно, понимаю. Но вы так и будете ощущать себя лишними в нашей компании, если не узнаете нас достаточно хорошо. Чистописание? Тогда заканчивайте с десертом и пойдем в мой кабинет. Я закончил уже два высших учебных заведения – сойду за подобие учителя? А ты, княжна, присмотришь, чтобы я не был с твоей подружкой слишком строг. Договорились?

Марита отвесила челюсть – в пору было назвать это некультурным, если бы все шелле тоже не разинули рты в точно таком же изумлении. Элвин однозначно подчеркнул, что хочет провести в нашем обществе еще какое-то время, даже изображая из себя гувернера. Я бы решила, что и он пал жертвой неповторимого очарования моей соседки, если бы притом он не смотрел прямо на меня, ожидая именно моего согласия. Я с трудом проглотила вставший в горле комок.

Хинанда, к моему ужасу, тоже направление его взгляда заметила и без комментария не оставила:

– Что я вижу, Эл? Давно я за тобой такого азарта не наблюдала, как будто на чемпионат империи по мац-хе попала! Конечно, я тебя люблю, но не удивляйся, если твоя пассия не доживет до конца триместра.

– Ой, Хинанда, перестань! – напряженно засмеялся Майер. – Не придумывай ерунды! Дело только в смеси запахов – отсюда вся заинтересованность!

Надо же, а ведь он в гостиной друга обвинял примерно в том же. Сейчас же просто пытается сгладить неприятный момент. Зато я хорошо поняла, что обязана сделать дальше – перестать быть вежливой. Потому вскочила, дернула за руку Мариту, присела в кривом книксене и пробормотала:

– Это была бы большая честь, но постесняемся вас отвлекать, милорд Ео! Мы пойдем, время вечерней молитвы я никогда не пропускаю. Еще раз благодарим!

И пока Элвин не сказал что-то еще, мы поспешили на выход. Пусть шелле сами между собой разбираются, кто из нас был груб, а кто действительно ведет себя странно и неуместно!

Марита уже в нашей спальне затараторила:

– Я совсем мало училась, и ничегошеньки не понимаю! Но, лысые черти, что там произошло? Зачем он нас вообще на этот ужин потащил?

Я уже успокоилась и даже улыбалась:

– Я вот много училась, но тоже мало что поняла.

– Айса! Неужто ты так понравилась драк-шелле, что он о сдержанности забыл? Я видела его взгляд! И, клянусь всеми лешими, я подобные взгляды знаю – на меня почти все мужчины так смотрят!

– И я видела. – Я задумалась. – Но дело в другом, Марита. Элвин уловил во мне дыхание моего женишка. Такого ему раньше, видимо, не попадалось. Вот он и начал мучиться загадкой, которая легко бы разгадалась, если бы он прямо спросил! Надеюсь, самое главное сегодня ты понять смогла – если нам с тобой просить свободу у шелле, то точно не у Элвина Двенадцатого Криштана Ео. Иначе его милая синевласая демоница неправильно поймет и глотки нам во сне перережет. Интересно, а он двенадцатый «Элвин» или двенадцатый «Криштан»?

– Да какая разница? Сомневаюсь, что Хинанда в таком случае будет ждать, когда мы уснем, – тоже рассмеялась Марита. – О, будь уверена, что я такой вариант даже не рассматривала! Маги выглядели приветливо, есть шанс понравиться им или Майеру, но точно не Элвину. Интересно, что он нашел в своей морт-шелле? Смотрятся они

друг с другом весьма ладно, а разумом объяснить это ощущение не могу. Он так хорош собой, такой весь справный, как будто на картинке нарисованный, а она острая вся, шипастая – и рожей, и характером. Впрочем, как все демоны.

Я не ответила, хотя с подругой была полностью согласна. Но это не наше с ней дело!

* * *

И оставалось бы не нашим, если бы шелле сами не искали с нами встреч.

Я дождалась директора в приемной и уговорила его записать мне еще один курс. И теперь третица уже не была для меня выходным днем – первым занятием стояли «Основы боевой защиты». Эта дисциплина была единственной, где в большом зале для тренировок собирали студентов всех курсов, но уже внутри разделяли по степени подготовки. Для выпускников и сильнейших студентов урок назывался «магической защитой», и, к счастью, меня направили совсем в другую сторону от Аштара и других опасных бойцов. Возле каждой небольшой группы стоял молодой учитель, а главным здесь был настоящий магистр военного искусства, господин Ин-Тар.

Я нарядилась в специальную форму, которую мне выдали только для этих уроков. И чувствовала себя очень некомфортно в штанах, тесно обтягивающих бедра и ноги. Как будто я вышла на люди совершенно голой! Девчонок здесь присутствовало мало, но успокоило то, что все из них были одеты так же. На входе я увидела Аштара, которого и собиралась здесь застать, кивнула в приветствии и поспешила пройти мимо. Он при моем появлении довольно улыбнулся – наверное, рад, что хоть до одной из нас его слова дошли. Хотя до Мариты тоже дошли, но все ее расписание уже было забито под завязку.

Магистр Ин-Тар задал мне несколько общих вопросов, потом почти выругался:

– А может, мы сюда вообще всех запишем? Что ты в бою делать будешь, девица нежная, врага ноготочками пугать? – Он нервно

отмахнулся, но скорее всего был не вправе запрещать, пока я не завалю экзамен в конце триместра.

Поставил он меня в пару с первокурсником-зверолюдом, самым слабым и неподготовленным из своих учеников. Но я уже даже в этом сравнении проигрывала. Зверолюд с начала учебного года успел освоить несколько приемов, научился двигаться быстрее и проворнее меня, несмотря на довольно высокий горб и кривую спину. Он представился Сегором и терпеливо мне объяснял, как уворачиваться от прямого удара в корпус.

Помощник магистра, отвечавший за новичков, откровенно скучал. Он показывал нам какие-то простые трюки и приказывал повторять их снова и снова. В другом же конце гигантского зала происходило нечто немыслимое. Я уже через несколько минут начала отвлекаться на шум.

– Демоны дерутся, – пояснил Сегор. – И лучше не подходить – зашибут и не заметят.

Я однажды видела, на какую скорость способен Аштар – его очертания даже невозможно было разглядеть в воздухе. Но теперь там тренировались равные, швыряя друг в друга магические волны и ставя огненные щиты. Где-то на том конце зала может быть и Хинанда. От очередного удара вдали, сотрясшего землю, я снова вывернула шею, пытаюсь хоть что-то разглядеть и почему-то совсем немного завидуя такой силе. Мне никогда не нравились демоны, и существ ужаснее во всем мире больше не найти, но их могущество и сила поражали.

– Ничего себе! – не удержалась я. – Это что же так откинуло демона?

Мы, новички, все это видели – фигуру, подкинутую сначала вверх, а потом назад, на стену. И розоватую дорожку в воздухе, летящую из глаз пострадавшего.

– Не знаю, – ответил зверолюд с таким же восхищением. – Наверное, маг атаковал, а демон не успел поставить щит.

Ну вот, теперь я еще и колдунам завидую. Вот уж кто может хотя бы посоперничать с демонами...

– Айса, Сегор! – закричал помощник магистра. – Быстро за работу! Нечего глазеть – вам таких высот мастерства все равно никогда не достичь!

Как вдохновляюще прозвучало! Сразу захотелось работать еще усерднее, чтобы всю жизнь оставаться пустыми местами.

Когда учитель отошел к другой паре, я снова спросила зверолода:

– А там и драконы есть?

– Нет, вряд ли, – Сегор задумался. – Я ни разу их на этом уроке не видел.

– Ну да, – я припомнила с тихим смехом. – Это же урок магической защиты, а защиту драконы считают уделом слабаков и трусов. Они, наверное, посещают только «Магическую атаку» и «Выпотроши врага одним взглядом»!

Сегор вдруг застыл и пропустил мой слабенький удар в плечо.

– Хотя... возможно, и они приходят, – выдавил напарник с трудом, глядя мне за спину.

Я спонтанно обернулась, и на моем лице появилось похожее выражение. Возле стены, всего метрах в пяти от нас стоял Элвин. Он не стал показывать, что слышал мою нелюбезную реплику, а неожиданно улыбнулся и произнес:

– Привет, княжна.

– При... – начала я, но осеклась и перестроилась: – Доброе утро, милорд! Чем я могу вам помочь?

По понятной причине я сразу вообразила, что он явился по мою душу. А иначе зачем было вставать за моей спиной? Но Элвин качнул головой и ответил:

– Ничем пока. Я пришел посмотреть на Аштара.

Я медленно выдохнула. Очевидно, драконы все-таки подозревают демона в воровстве, хотя и окончательно убедиться в его невинности, прежде чем откинуть эту версию. Но Элвин не шагнул в другой конец зала, а продолжал стоять и рассматривать меня. Ну вот, а только недавно получилось на время забыть, в какие непотребные штаны я была вынуждена нарядиться! И дракон продолжил, переведя взгляд снова на мое лицо:

– Но раз уж я застал тебя здесь, то не удержался от наблюдения. Позволишь замечание? – Я на вопрос не ответила, лишь хлопала глазами. Ему ведь мое разрешение и не требуется: – Сожми кулак крепче, княжна, и бей так, как будто твой соперник – не твой сердечный друг. Иначе вы до самого экзамена будете друг друга нежно ласкать, а потом оба завалите этот предмет.

Все студенты-новички вокруг замерли, а учитель, наоборот, наконец-то ожил и подлетел к нам:

– Ваша светлость! – Надо отдать ему должное – он хотя бы пытался изобразить строгий вид главного здесь. – При всем уважении, но они начинающие. И пока учатся только уворачиваться от прямого удара!

Элвин оторвал от меня взгляд желтых глаз и перевел на него:

– А есть какой-то смысл в защите без контратаки? Для какой цели она уворачивается, если не бьет в ответ? Терпеливо ждет, когда все-таки не успеет увернуться?

Учитель начал озираться, пытаюсь отыскать Ин-Тара – пусть магистр отвечает на неудобные вопросы, а простой исполнитель не уполномочен! Но Ин-Тар, судя по всему, был очень занят: там, вдали уже стоял столб из пыли и пламени, и, вероятно, студенты на том краю зала далеко не только защищались. Элвин тоже так подумал, раз подошел ко мне и попросил тихо:

– Бей. Ударь, как тебе показали.

– Что, простите? – у меня теперь не только голос, но и ноги задрожали. – А что делают с теми, кто ударит драк-шелле?

– Бей, княжна. Я просто покажу тебе, что именно тренировать и как сделать этот урок не таким бестолковым.

Я медленно подняла руку, сжала слабый кулак и очень-очень медленно, осторожно протянула к его плечу. Но кулачок мой сопротивлялся и замер в сантиметре от серебряной вышивки на его пиджаке. Я подумала еще, зажмурилась и все-таки слегка толкнула костяшки вперед до самой ткани. Глаза открыла, лишь когда Элвин безудержно рассмеялся надо мной. А потом громко протянул:

– О черт, что ты наделала? Ты выбила мне плечевой сустав. Я теперь до конца жизни на обе ноги хромать буду.

Студенты вокруг заулыбались, а я глядела исподлобья. Смешно ему, конечно. Пошел бы сам и ударил какого-нибудь... императора!

Но Элвин развернулся к зверолоду и попросил:

– Ты бей. Сам же разрешаю. У тебя хоть кишка потолще княжеской?

Сегор поразмышлял и все-таки выполнил – резче, чем сделала я, но все же без вложения силы. Элвин развернул корпус точно так же, как нам показывали, но левой рукой перехватил его за запястье и двинул локтем в шею. Тоже не особенно сильно – по крайней мере, зверолод даже не поморщился, только судорожно сглотнул.

– Понял? – уточнил дракон. – Согласись, в этом куда больше смысла. Покажешь княжне, что защищаться гораздо веселее, если противнику притом больно.

И сразу же пошел от нас, без дальнейших объяснений и прощаний.

А нам с Сегором и правда стало веселее тренировать уже немного усложненный трюк. Я хоть и косилась временами в сторону, но Элвина больше не видела. Он, наверное, посмотрел на Аштара и вышел из зала, поскольку больше его здесь ничего не интересовало.

Глава 7

Я старалась не дергать лишний раз Мариту надеждами и страхами. Но сама притом думала, что почти случайное знакомство с шелле еще может обернуться возможностью. Они почти такие же, как другие люди: смеются, шутят, злятся, дружат и преследуют собственные интересы. Им что-то нравится, а что-то поперек горла – и этим они весьма похожи на простых смертных. Пропать между нами велика, но преодолима, если мы попадем в область их интересов. Марита с каждым днем все успешнее осваивала утонченные манеры и нужные знания, с ее внешностью она вполне может завоевать сердце того, кто ей поможет. Я же со всем усердием взялась за изучение кулинарии и садоводства, лелея мечту оказаться в роли служанки доброго господина, если судьба все-таки развернется и поможет мне завоевать дружеское участие кого-то из милордов. Главное – не спешить.

Вот только спешка зависела не только от наших решений. Через три дня, когда уже после вечерней молитвы я улеглась спать, принесли записку с просьбой срочно явиться к драк-шелле Ео. Я обескураженно застыла в воздухе, глядя на настенные часы, указывающее очень непотребное время для визитов девушки к молодому человеку. Но Марита даже не напряглась:

– Похоже, есть новости по краже перстня, и Элвин хочет обсудить их с тобой. Не с лекций же он должен тебя выдергивать!

– Допустим... – медленно проговорила я. – Тогда иди со мной.

– Но меня не приглашали, Айса, – она улыбнулась. – Я как раз изучаю этот параграф! «Нет ничего более вопиющего, чем выглядеть навязчивой в поисках внимания высокопоставленной персоны», – уверенно процитировала она. – И брось уже это жеманство. Драк-шелле не станет тебя насиловать. А если и станет, то успеешь вернуть просьбу о нашем с тобой освобождении, потом расслабляйся и считай про себя овец – мамуся говорила, что это здорово помогает отвлечься.

Она зычно расхохоталась – уже от многого Марита отучилась и высокую речь почти освоила, но этот искренний и неприкрытый смех еще долго будет выдавать в ней крестьянку. Благородные дамы так

душевно, так счастливо и открыто не смеются, это неприлично для не столь счастливых и открытых особ. Я смущенно улыбнулась. Весело ей, конечно, ведь это не ей с детства вбивали в голову, чтобы до знакомства с великим князем я даже в сторону мужчин глядеть не смела, и уж тем более – оставаться с ними наедине. Но в университете порядки простые, тут никому до подобного дела нет. И скорее всего там же ждет Майер, оба драк-шелле в любом деле заодно.

Я быстро переделась в простое темно-бордовое платье и поспешила на улицу, поскольку время и без того было позднее. И уже на бегу сама начала тихо посмеиваться над шуткой Мариты.

Слуга перед его дверью меня узнал, слегка склонил голову, но уточнил:

– Вас ожидают?

И после моего кивка распахнул дверь. Вот только в приемной никого не было.

– Милорд! – позвала я. – Милорд, я пришла!

У некоторых студентов такие покои, что с одного конца до другого не доорешься. Я прошла к двери в столовую, уже менее уверенно втиснулась туда, но это помещение вообще было затемнено.

– Милорд!

Я начала чувствовать себя весьма глупо. Дракон ведь вызвал меня и знал, что приду – я обязана была прийти: просьба шелле – это фактически приказ, который не обсуждается. Тогда почему не встретил или хотя бы не передал слуге, где мне стоит ожидать? В прошлый раз он, кажется, указывал на следующую дверь из столовой, когда упоминал кабинет. Я прошла туда и немного раздраженно толкнула, будто окончательно уверовав, что Элвина вообще здесь нет.

Но он находился там – стоял возле шкафа с книгой в руке и при моем появлении резко обернулся.

– Добрый вечер, милорд, – я вспомнила о манерах. – Я звала! И мне раньше казалось, что у драконов изумительный слух.

Прозвучало, наверное, с небольшой претензией. Но Элвин лишь улыбнулся с удивлением:

– Слух у нас хороший, княжна, но мы приучены не обращать внимания на посторонние звуки, если нужно сосредоточиться. Иначе в местах такого скопления народа мы бы с ума сошли. И я не думал, что кто-то заявится в такой час. Что-то случилось?

Я растерянно отступила. Его удивление меня выбило из колеи.

– В смысле? – очень неблагородно поинтересовалась я. – Вы ведь сами позвали!

– Я?

– Ну да... Запиской.

Если драк-шелле решил меня просто разыграть, то мне не было забавно. Потом, наверное, смогу посмеяться – с небольшой задержкой, как и над шуткой Мариты. Элвин уточнил:

– А записку увидеть можно?

Я с небольшим облегчением улыбнулась. Ведь сначала отбросила послание на прикроватную тумбу, но в последний момент решила прихватить с собой – подумала, вдруг без подтверждения не пропустят, но слуги меня просто в лицо вспомнили. А сейчас развернула записку и с удивлением уставилась на немного помятый листок. Он был чист! Ни единой буквы, даже с обратной стороны.

Элвин уже подошел ближе, взял бумажку из моей руки и иронично вскинул бровь.

– Клянусь богами, там было написано... – я от волнения немного сбивалась: – Сейчас, подождите, вспомню точно! «Сударыня, зайдите ко мне, это срочно. Ео»... Хотя теперь мне кажется странным такое обращение, которое вы никогда в отношении меня не использовали...

Он выслушал с тем же выражением лица и ответил так, будто едва держался, чтобы не рассмеяться:

– Тогда это или магические чернила, исчезающие через время, или ты придумала самый дурацкий повод для встречи, княжна.

Щеки у меня начали краснеть от мысли, в каком свете я сейчас перед ним предстала. Но Элвин пожалел меня и добавил:

– Скорее всего, Майер решил над нами обоими повеселиться. Не напомнишь, почему я все еще считают этого придурочного своим лучшим другом?

– Не могу знать, милорд, – я немного успокоилась от объяснения. – Тогда простите, что побеспокоила. А милорду Сао передайте и от меня пламенный привет. Доброй ночи!

– Куда? – Элвин воскликнул спешно, останавливая. – Раз уж пришла – садись, поболтаем. Не такой уж важный разговор, как было обещано в записке, но я думал с тобой кое-что обсудить. Не знал, под

каким предложением подойти. Повезло: то ли ты, то ли Майер предложение выдумали за меня.

– Это не я!

– Садись.

Его, возможно, забавляло мое смущение, вот дракон и продолжал подливать масла в огонь. Я заняла кресло в углу, а Элвин вскинул голову, и от его взгляда лампы загорелись ярче. Сам он выдвинул из-за стола высокий стул и сел напротив, сложив ногу на ногу и рассматривая меня с прищуром. При хорошем освещении его глаза казались почти совсем желтыми, без жгучей тени оранжевого.

– Итак, я познакомился с этим вашим Аштаром Рокка, – наконец объяснил он. – Чистокровный демон, сын своего отца, но титул его не унаследует, поскольку до него папаша успел обзавестись шестнадцатью сыновьями. И трудно судить, на чьей стороне будет играть такой отпрыск – выслуживаться перед Зохаром или, наоборот, пытаться тому насолить, чтобы отец хоть каким-то образом его заметил.

Я нахмурилась:

– Не понимаю, к чему вы ведете, милорд.

– Меня зовут Элвин, княжна, – зачем-то вставил он.

И я на той же ноте бездумно отозвалась:

– А меня зовут Айса, милорд.

– Понял, – он отчего-то усмехнулся. – Ты будешь держать эту границу за нас обоих – может, и правильно. Короче, от тебя идет устойчивый демонический фон, хотя ты человек. И теперь я полностью уверен, что это не запах Аштара. Если бы вы с ним каждую ночь кувыркались, то я наконец-то разгадал бы для себя страшную тайну, которая не дает мне покоя с нашей первой встречи.

– Кувыркались? – выдохнула я почти оскорбленно. – Да вы все неправильно поняли, милорд! Это дыхание моего жениха, наверное. Он не считал меня достаточно женственной и тогда вдохнул какую-то силу. Сказал, что через пару лет, если повезет, я сделаюсь красавицей.

– Серьезно? – Элвин так заинтересовался, что подался всем телом в мою сторону. – Я слышал, что на такое способны старые демоны, но считал легендой. И что, это работает?

– Ну... – я задумчиво развела руками, – некоторые изменения я заметила. Но сильно сомневаюсь, что из меня выйдет вторая Марита

или что-то в этом духе. Хотя мое уродство – мое спасение, потому я не особо-то и горю желанием, чтобы это заклятие сработало.

– Уродство? – он переспросил, снова начиная смеяться. – Ты считаешь себя уродливой, княжна, или просто передо мной рисуешься? Или это такой тактический ход, чтобы я начал говорить о том, что видят мои глаза?

Рисоваться я точно не намеревалась, потому пояснила:

– Не уродливой, конечно, но обыкновенной. Великий князь выбирает себе самых красивых девушек в Седьмой Окраине, чем и избалован, и потому я рассчитываю, что на меня он никогда не позарится. Ой, простите, наверное, я сейчас ляпнула уж слишком откровенно? – я прижала ладонь к горячей щеке. – Не хотела выливать это на вас.

– Это от волнения, – заверил он в том, о чем я сама прекрасно догадывалась. – Если мы будем общаться постоянно, то рано или поздно ты перестанешь волноваться в моем присутствии. И тогда этот избыток искренности может испариться. Или, наоборот, мы сядем прямо на пол и будем изливать друг другу душу? Но мне кажется, что в любых отношениях самое интересное – это их начало. Согласна?

Я скосила глаза на упомянутый пол. Нет, описанной картинке я представить не могла. Он просто подшучивал и затрагивал вообще какие-то странные темы.

– Понятия не имею, милорд.

– Может, для этого нам надо пересесть на пол и проверить? Тогда, вероятно, ты сможешь хотя бы имя мое запомнить.

Я рассмеялась, поскольку решила, что дракон просто веселится. Но его настрой на искренность мне нравился – Элвин будто сам показал, что можно теперь спрашивать открыто о чем угодно.

– Милорд, а можно задать один бестактный вопрос?

– Задавай. – Желтые глаза следили за каждым моим жестом неотрывно.

– И заранее прошу забыть об этом вопросе, если он окажется совсем неуместным. – Элвин кивнул, а я еще несколько секунд помялась, но потом осмелилась: – Вы ведь слышали наш с Маритой разговор в библиотеке... Признаюсь откровенно, что это и есть самая важная наша с ней цель.

– Стать любовницами шелле? – уточнил он иронично.

– Освободиться от Зохара, – поправила я. – И, видят боги, у Мариты точно есть шанс. Да, сейчас она не слишком образованна, иногда говорит невпопад, но через год ее будет не узнать! Вы бы видели, как она старается! Я была усердной ученицей с детства, но и я так не корпела над каждым заданием, потому она быстро все наверстает!

Элвин перебил спокойным голосом:

– Зачем ты так усердно расхваливаешь мне свою подругу, княжна? Я не собираюсь заводить любовницу.

– Нет, не в этом смысле! – я ненадолго стушевалась, потому что смысл как раз в этом и был. – То есть речь идет не о вас, а о Майере или братьях Кеймарах. Нам бы с Маритой знать, есть ли вообще какой-то шанс, что кто-то из шелле встанет на нашу защиту – по любви, по дружбе или за преданную службу до конца наших дней. Меня воспитывали как княжну, это правда, но если бы ваш друг согласился взять меня в служанки, то я бы набрала все курсы по хозяйству и никогда бы его не разочаровала!

Элвин, похоже, был потрясен, раз застыл. Хотя это странно – мне моя просьба казалась очевидной после того, что они уже успели услышать. Но, видимо, я все-таки кредит прямоты исчерпала. Надо было задать этот вопрос через несколько месяцев таких же случайных встреч, тогда просьба прозвучала бы не столь абсурдно. Дракон отвел от меня взгляд, уставившись в стену и глубоко задумавшись. Я не дышала в ожидании хоть какой-то реакции. И без того уже море бестактности выплеснула.

Дракон заговорил медленно:

– Вы, кажется, обе не совсем понимаете. А нам с Майером стоило сразу объяснить. – Он посмотрел на меня опять прямо, становясь серьезным. – Центрина не вмешивается в дела Окраин, это закон. Но да, если некий шелле заявит право на подданного Окраины, то великий князь не сможет ему отказать. – Я почти успела обрадоваться подтверждению старых догадок, однако Элвин продолжил не тем, что я хотела бы услышать: – Шанс есть, княжна, но теперь пойми до конца. Повод шелле на оскорбление великого князя должен быть безусловным, важным, с серьезной компенсацией и с письменным разрешением императора. То есть нельзя взять женщину великого князя в служанки или по дружбе, а только в законные супруги или хотя

бы в главные фаворитки – лишь в этом случае император даст согласие, а правителю Окраины не будет нанесено оскорбление. Сама понимаешь, что шелле иногда вынуждены жениться по расчету, потому пост фаворитки почти официален. Но раз я женюсь по любви, то и любовница мне не понадобится, а значит, именно я не могу разыграть эту фигурку на доске. Никто не поверит, а император никогда не даст согласия на оскорбление великого князя, если сам не проникнется ситуацией.

– Так сложно? – Я сильно расстроилась. – Мне казалось, что шелле намного могущественнее великих князей.

Элвин согласился:

– Могущественнее. Ведь ни один из князей не может взять за руку мою Хинанду, привести ее к императору и признаться, что жить без нее не может. А шелле это могут, и император такую просьбу услышит, освободит девушку ото всех обязательств, раз такая немислимая страсть случилась. Но мы не перегибаем палку: шелле обязаны сами противостоять беззаконию, иначе от всей империи ничего не останется. Если бы всё было так просто, как вы обе придумали, то Зохар не отпустил бы вас обеих сюда. Старик тоже хорошо понимает, что даже если одну из вас кто-то присмотрит, то он выиграет, казна его Окраины пополнится, а новую девицу взамен он себе найдет. Присмотреть же обеих невозможно, даже если мы с Майером оба решили бы вас вытащить. Это будет выглядеть слишком подозрительно – здесь других девиц для нас не нашлось, что мы у бедного Зохара всех забрать решили? Сердцевина имеет какие-то личные счеты к правителю Седьмой Окраины, что спокойно плюнула в него два раза подряд? А великие князья других Окраин после такого не решат, что Центрина, не гнушающаяся их налогами, могла бы проявлять чуть больше уважения? Ты услышала главное, княжна? Шанс есть, весьма небольшой, но есть. И только для одной из вас. До меня только сейчас дошло, насколько серьезную ставку ты на это делала, раз так поникла.

– Я не поникла, – соврала я. – Просто прошу не говорить об этом Марите. Ее в замке князя ждет совсем незавидная участь, потому пусть она продолжает верить. И если будет у нее шанс с милордом Майером, то лучше ей не знать, что спасение возможно только для одной. А я

потом для себя найду другие возможности... Сейчас просто растерялась, не знаю, что делать.

Он медленно выдохнул – и почему-то этот звук мне был приятен, словно высокопоставленный драк-шелле всерьез не хотел меня расстраивать. Но Элвин вдруг сказал совсем не печальным голосом:

– Дам тебе совет на будущее, княжна. Когда совсем не знаешь, что делать, то ходи фигуркой императрицы. Нельзя выиграть, если не нападать.

– Для вас вся жизнь – игра в мац-хе? – Я подняла на него взгляд.

– А для тебя разве нет? Ведь ты именно так поступила, когда нашла мой перстень – пошла императрицей и выиграла. Хотя с той же вероятностью в тот день могла и проиграть. Но если бы не сделала тот ход, то проиграла бы абсолютно точно. Разве тебе не понравилось выигрывать? На что ты готова пойти, чтобы не выйти замуж за своего прекрасного жениха?

Все эти абстрактные измышления лишь звучат красиво и годны для центринских романистов. Если Элвин только не намекает, чтобы я ради своих интересов подвинула Мариту с пути, раз выбраться может одна из нас. Или он именно об этом – практически в лоб – и говорит?! Точно! Само предположение обидно.

– Мне пора, милорд, – скрывая досаду, я привстала. – Время позднее, мне завтра рано вставать к первому уроку.

– Иди, если я тебя утомил, княжна. Но прекращай врать, не выношу подобного. У тебя завтра только четвертая лекция – спи хоть до обеда.

Я уже поднялась на ноги, а теперь некрасиво вылупилась на него. Он узнавал мое расписание? Зачем?!

– Откуда вы знаете, милорд? – я все же поинтересовалась, иначе меня это любопытство уже сегодня убьет.

– Спросил у директора, какие дисциплины ты взяла, посмотрел распорядок уроков, – ответил он, как будто это было исчерпывающим объяснением.

– И для какой же цели?

– Я ведь уже признавался, что искал повода для встречи. Подумывал записаться на «Манеры благородных дам» – этот предмет я как раз ни разу не проходил раньше. Но потом вспомнил, что Хинанда

может неправильно понять. И вот, ты сама явилась с запиской, которой нет. Наверное, боги помогают даже тем, кто в них не верит?

– Ваша невеста точно неправильно поймет, если даже я не понимаю, милорд! В чем причина такого интереса?

Он тоже встал – надеюсь, чтобы проводить меня из покоев.

– Уж точно не в том, чтобы спасти тебя от неудачного замужества. Теперь мне понятно, что твой интерес только в том и заключался. Я же впервые общаюсь с княжной из далекой провинции, которая пахнет демонами, не разбирается в людях и в самой себе, но обещает стать сильным соперником в мац-хе.

– И всё?

– Разочарована?

– Я лучше пойду.

Я так спешила, что даже не оглядывалась, провожает он меня или остался в кабинете, чтобы вдоволь посмеяться. Да уж, какая странная получилась встреча – странно началась и еще хуже закончилась. Но драк-шелле смеялся, то есть не был недоволен моим предельно наглым поведением.

* * *

Вот только до своего корпуса я добежать не успела – меня снес вихрь. После сильного удара спиной об стену я почти потеряла сознание, но безотчетно хватала воздух и пыталась вырваться из железной хватки.

– Что, маленькая хрупкая дрянь, теперь тебе страшно? – я услышала шипение почти в самое ухо.

С ужасом узнала голос Хинанды, а ее глаза перед моим лицом полыхали красным – ярость демона имеет такой цвет, что эмоцию перепутать с какой-нибудь другой невозможно. Я перехватила запястье и ударила локтем в подбородок, как учили. Но вышло не особенно сильно. Хинанда ослабила хватку и отступила больше от неожиданности, чем от боли. И меня подобный маневр не спасет. Ее голос хрипел от злости:

– Мы с Элвином пошли наперекор семьям, чтобы быть вместе! И если он увлекся – вот этой тупой экзотикой, твоими жалобными

глазками или идиотским скулежом безродной девки – так разве не должна любимая невеста просто убрать раздражающий фактор с его пути?

Безродной девкой я могла называться только устами шелле. И поправлять, конечно, не стала, надо было успокоить ревнивицу, пока она меня не прикончила без суда и следствия:

– У меня с ним ничего не было!

– Ну конечно! – зарычала Хинанда. – Именно это ты и делаешь ночами в его спальне – ничего?

Она, как и все демоны, сумасшедшая и слишком агрессивная. Хотя на ее месте многие подумали бы то же, если бы увидели меня в такое время выходящей из покоев Элвина. Но с теми «многими» еще можно было бы вести светские беседы и пытаться докричаться, в случае с демоницей разговор обещает быть коротким – и не в мою пользу. Потому я выбрала единственный возможный вариант поведения. Кинулась в сторону и заголосила что есть мочи:

– Спасите! Спасите! Аштар!

Морт-шелле перехватила меня через два шага и снова одним ударом впечатала в стену, пообещав уже почти хладнокровно:

– Ты будешь страдать, сука, пока я не устану. А я очень медленно устаю, если занимаюсь приятным делом.

И ей, скорее всего, за мое убийство ничего не будет. Ну, поругают. Может быть, пальцем погрозят, что университетские правила нарушает. Великому князю какую-нибудь компенсацию отправят – вот на этот исход я процедуру узнать не додумалась. Длинный ноготь демоницы впился мне в плечо, прорывая бордовую ткань. Я бы завопила, но она ловко перехватила меня и зажала другой рукой мой рот.

Натиск прекратился, когда Хинанду отшвырнуло от меня в сторону. Я рассчитывала на его появление, ведь когда-то он наши с Маритой вопли расслышал, не подвел демон и на этот раз. Аштар стоял передо мной, вздымая черные клубы магии, как крылья. Не думаю, что он слабее Хинанды, но у нее преимущество: она ему навредить может, а для него будут последствия, если хоть синяя волосинка упадет с головы морт-шелле.

И Аштар разумно не нападал, а говорил, лишь прикрывая меня спиной:

– Что случилось, миледи? Айса вас чем-то обидела? Мы можем это обсудить!

– Отойди в сторону, княжич, – потребовала она ледяным тоном. – Распутная любовница моего жениха сдохнет сейчас. Или сдохнете оба.

– Распутная любовница? – удивление Аштара было непередаваемым. Я ему потом все объясню, если выберемся. – Вы точно уверены? Понимаете, если Айса лишится невинности, то мой отец вырежет пятую часть ее княжества...

– Да плевать мне на ее княжество! – морт-шелле снова взвилась.

– Но ей-то вряд ли плевать, – Аштар все еще пытался меня выгородить. – Не удивлюсь, если мой отец даже обрадуется такому повороту, тысячи жизней в уплату чьей-то ошибки, а он и не виноват, ведь сразу это условие обозначил. Вы правда считаете, что Айса настолько глупа, чтобы вообще здесь с кем-то связываться, тем более с вашим любимым?

Она его слышала, но даже не пыталась вдуматься в слова, потому продолжала кричать:

– Идиотка просто решила попытать счастья, зная о драконьем характере! Почему бы не раздвинуть ноги наудачу, правда?! А там, глядишь, от случайной любовницы и до фаворитки прыгнет! Отойди, княжич, иначе и тебя прикончу!

Аштар чуть наклонился вперед. Он тоже чистокровный, и потому эта драка не будет такой простой, как обещает разбушевавшаяся демоница. Наша потасовка была довольно шумной, но вряд ли кто-то вмешается. Дело могло закончиться печально, но за спиной Хинанды появился новый силуэт. Ускоренное движение драконов мне раньше видеть не доводилось – и оно было совсем другим, чем черные вихри демонов, а просто перемещением с едва размытым силуэтом. Значит ли это, что драконы двигаются медленнее демонов? Или Элвин просто не так спешил меня спасать, как Аштар? Дракон положил руку невесте на плечо, мягко удерживая на месте и не позволяя больше приближаться к нам:

– Что происходит? Какая еще любовница? Ты с чего это вообще взяла, Хин?

– Записка, Эл, – она повернулась к нему и внезапно, буквально за одну секунду, будто стала ласковой кошкой – ничего общего с недавним чудовищем. – Мне под дверь подсунули записку: «Посмотри,

с кем развлекается твой жених». Я, конечно, не поверила, но уснуть не смогла. Решила прогуляться. И тут она из твоих покоев выходит. Я просто голову потеряла!

– Записка? – Элвин посмотрел сначала на Аштара, а потом на меня. У меня от такой новости мысли тоже вскачь понеслись, но наши общие выводы озвучил дракон: – Тогда Майер ни при чем, он не стал бы кем-то рисковать ради веселья. Кажется, княжна, тебя все-таки пытаются убить, причем именно руками шелле. Второй раз – уже не совпадение. Поставить на ревность демона было почти беспроигрышной ставкой. И она бы сыграла, если бы у тебя не было такого верного защитника. Хин, пойдем уже, по пути объясню. Надеюсь, ты не выпустила пар до конца? На меня останется?

Она уходила, уже смеясь и крепко держа Элвина под локоть. Я же пыталась рассказать все Аштару – дескать, это не я такая дура, это кто-то решил меня заманить в комнату дракона и туда же отправить морт-шелле. Но спаситель меня почти не слушал, он ругался до самой двери в мою комнату, потом зашвырнул меня внутрь, обругал и обескураженную Мариту, лишь после этого ушел, но и из коридора его проклятия были слышны. Мне оставалось тихонько благодарить только дверь, но даже ей я не могла выразить то гигантское «спасибо», которое рвалось наружу в отношении смелого демона, рискнувшего собой ради меня или приказа отца. Будет забавно, если самым главным другом в университете для нас станет сын Зохара. Но все, кажется, к тому и идет...

Глава 8

А наутро мне доставили новую записку. Я читала вслух, поскольку Марита после вчерашнего очень беспокоилась о произошедшем:

«Теперь это действительно я. Надеюсь, запомнишь мой почерк. Понимаю, княжна, что я тебе неинтересен в других ролях, кроме как любовника-освободителя, но спешу огорчить – у нас с тобой осталось общее дело. Найди того, кто хочет твоей смерти – он и окажется моим вором. Обещаю наказание виновного взять на себя, тогда мы оба поучаствуем на равных.

Элвин.

Да, имя тоже желательно запомнить.

Послесловие: Хинанда успокоилась и больше не хочет разорвать тебе плотку. Вы с ней еще подружитесь, если я действительно разбираюсь в людях, как часто утверждают.

Послепослесловие: Она сказала, что ты двинула ей в челюсть. Я до сих пор смеюсь. Это был ход фигуркой императрицы, княжна, хоть пока и бесполезный. Но победа где-то в силе, а не в слабости, не запутайся в направлении».

– На этом всё? Он так и написал? – возмутилась Марита, дослушав до конца. – Это, по-шеллевски, называется «участвовать на равных»? А если убийца до тебя доберется?! А если его бешеная невеста доберется до тебя раньше убийцы? Боги, храните Аштара и даруйте ему десять прекрасных жен в награду за героизм!

Я не смогла бы поспорить, даже если бы пожелала. И верно, нарисованная перспектива не выглядит такой уж мифической, да и ревность Хинанды смешна до абсурда. Была бы смешна, если бы мне самой не почудилась некоторая почва... Я никогда прежде не участвовала во флирте, только в романах о нем читала, потому не могла с уверенностью сказать, что имел в виду Элвин каждой своей фразой. Меня сильно тревожили мысли об этом, меняли настроение невероятными скачками и мешали уснуть. Но мое волнение может быть следствием как раз неопытности! Элвин со мной просто вежлив и

ироничен, не особенно озабочен моим положением, но питает интерес к нашему общению. И на том спасибо.

Убедив себя в этом, я твердо решила быть чуть более решительной и поговорить с Хинандой, чтобы между нами этот вопрос никогда не всплывал. Ведь победа в силе, а не слабости. Но все равно немного опасалась, потому выбрала самое лучшее время и место – занятие магистра Ин-Тара. Там присутствует он сам и еще несколько учителей при каждой группе подготовки, то есть если демоница начнет меня убивать, то Аштару не придется удерживать ее в одиночку.

– Миледи! – позвала я у входа, специально дождавшись ее до начала урока. – Можно на два слова?

– Зови меня по имени, – скривилась она, – раз уж Элвин усадил тебя за наш стол, играет с тобой в мац-хе и считает интересной. Он все мне объяснил – и у меня нет оснований не доверять любимому. Кстати говоря, мне жаль, что твой гнилой женишок выставил такое условие: в университет отправил, а повеселиться здесь не разрешил. Ума не приложу, что тут еще можно делать? Но не расслабляйся, Айса, я за тобой слежу! Или что, ждешь моих извинений? Не дождешься, потому что я та, кто я есть, именно за это полюбил меня Эл, и вчера мои поступки полностью вписывались в мою природу!

Я удивилась и обрадовалась одновременно. Пусть следит – мне скрывать нечего! И ее по имени назвать я себя заставила, мне требовалась как раз с ней чуть больше тепла в отношениях:

– Рада слышать, Хинанда! И извинений не жду, ничего ведь страшного не произошло, – я скосила взгляд на Аштара, который застыл поодаль и не приближался. Вообще-то, страшное почти произошло, меня спасла практически случайность. Но лучше не нагнетать, потому перешла к главному: – Я хотела спросить про другое. Кто-то подложил записки и тебе, и мне. Этот человек и есть виновник! Но если в мое общежитие любой может пробраться без проблем, то ты живешь среди шелле – у вас в коридорах полно слуг и охраны.

Она свела черные брови на переносице, отчего стала выглядеть еще более хищно, но все же соизволила ответить:

– Ты же не возомнила себя самой умной, Айса? Конечно, мы с Элвином это уже обсудили. Он сказал, что мой листок пахнет кем-то

знакомым – точно кто-то из прислуги. И на том нить обрывается. Именно слуги обычно и приносят нам письма, оставляют в приемной или в двери. Записку для меня мог оставить любой в почтовом отделении, а работник просто донес до комнаты, не имея представления об отправителе.

Я попыталась воскликнуть от новой мысли, но Хинанда перебила:

– И это мы с Элвином уже сделали – зашли в почтовое отделение, убедились, что там отметки именно о вчерашнем отправителе нет, и наказали на будущее отмечать каждого. Но если наш с тобой шутник не идиот, то в следующий раз он устроит что-то новое!

Я немного расстроилась:

– Понятно. Я знала, что шелле хотят найти вора, но я своего возможного убийцу точно хочу найти не меньше...

– Ну, удачи тебе, – она попыталась пройти дальше.

По-моему, мы очень хорошо поговорили. После таких разговоров ведь сразу горло не режут в случае чего? Теперь ведь хотя бы переспросят, точно ли виновата? И захотелось закрепить результат небольшим продолжением:

– Прости за назойливость, Хинанда, но ты вчера сказала, что вы с женихом пошли наперекор семьям. Неужели даже для шелле могут быть пределы? Это просто любопытство провинциалки, не знающей о столичных порядках.

Она смерила меня презрительным взглядом, красноватые дымки прошли по воздуху ровными вертикальными полосами, подумала, зачем-то пожала плечами и ответила:

– К сожалению, да, никто не был в восторге, но мы с Элвином смогли их убедить – настоящая любовь не знает расчетов. Хотя браки между драконами и демонами не приветствуются, уж особенно между шелле, которые обязаны обзавестись наследниками титулов. По этой и еще множеству причин межрасовые союзы с демонами все воспринимают в штыки. Ты знаешь, что при смеси демонской крови с человеческой нередко возникают уродства, которые не исчезают даже через несколько поколений? – она скривилась в сторону зверолода Сегора, который как раз осторожно крался мимо нас в зал. – Кровь драконов самая сильная, она обычно побеждает. Но иногда бывают исключения. Думаю, ты и сама в курсе, просто строишь тут из себя простушку-сплетницу.

– Не в курсе, – честно ответила я, но от ее взгляда отступила.

Морт-шелле злобно ощерилась, будто не поверила:

– Ну да, конечно, и про отца Элвина ты, само собой, ничего не знаешь. Это ж только самые избранные слышали про такую незначительную семейку! Найди себе простушку для сплетен по уровню, Айса! Куда потерялась твоя рыжая соседка?

Я больше ее расспросами не донимала. Но в свободное время пошла в библиотеку, чтобы запросить титульный реестр. Сотрудники удивились, но доставили мне талмуд минут через пятнадцать.

Я нашла фамилию «Ео» быстро. Ну и что такого я должна была там прочитать? А ведь Хинанда от меня будто восторженного обморока своим сарказмом ждала. Ео – знатный род герцогов, как я сразу и предполагала, владеют обширными землями и замками близ Сердцевины. Издание реестра было старым и очень общим, потому подробно описывались только основатели рода – первые из них, кому императором был дарован титул «шелле». Семейю Майера по фамилии «Сао» я тоже отыскала – ого, а его род, оказывается, в дальнем родстве с императорским! Семейные древа, обрывающиеся еще лет триста назад, мне особых подсказок дать не могли, но я не обнаружила ни одного упоминания браков драконов и высших демонов. Видимо, это действительно редкость.

Я снова вернулась к странице Ео. Если Элвин – старший сын, то станет после смерти отца главой семьи. Если же не первый наследник, тогда тоже не пропадет – в нашем несправедливом мире сложно пропасть, будучи рожденным шелле. Но вероятность того, что он не единственный ребенок, очень низка. У этой расы длинная жизнь, и они традиционно не обзаводятся кучей детей – такого, как у нас, чтобы родилось трое или больше ребятишек, у них не бывает вовсе, крайне редко – два. Но намеки Хинанды я мимо ушей не пропустила – что-то интересное и общеизвестное есть про семейство Ео. Интересно, у кого можно спросить, чтобы не выглядеть деревенской дурой?

Я подговорила Мариту, чтобы во время ужина вдвоем допросить Аштара. Неприязнь к нему после двух спасений здорово уменьшилась: он может оставаться мерзавцем, но мерзавец на нашей стороне воспринимается легче любого другого.

– Я не понял, мы теперь с вами друзья, что ли? – очень удивился демон, когда мы без приглашения подсели за его столик.

– Ты все равно ужинаешь один, – заметила я. – А отсутствие информации делает из нас с Маритой двух идиотов!

– Кем вы и являетесь, – заметил он.

Но Марита зашептала, наклонившись немного в его сторону и этим будто загипнотизировав:

– Ну расскажи, Аштар, а то мы от любопытства с ума сойдем! Ведь ты в Центрине уже несколько лет живешь, точно во всяких титулах больше нашего понимаешь. Кто рождается в браках демонов и драконов?

– А какое отношение имеет твой вопрос к титулам? Драконы рождаются, потому что их кровь сильнее, – он удивился вопросу. – В смысле, обычно драконы, если демонская кровь не победит. Вам-то обеим какая разница?

– Нам – никакой, просто интересно! – заверила Марита. – То есть тоже может родиться зверолод? С таким же горбом и кривыми ногами?

– Не совсем. – Аштар почесал темные волосы. – А, понял! Вам тоже союз Хинанды и Элвина кажется странным?

– Именно! – Марита, чтобы он не отвлекался, еще и руку его тронула, но Аштар дернулся от нее, как от прокаженной. – Но что тогда, если кровь демона победит?

– Тогда рождается демон. Такой же, как любой чистокровный.

– И все? – мы с Мариной воскликнули хором и довольно разочарованно. В этом была вся интрига, над которой я полдня ломала голову?

Я поинтересовалась:

– Тогда в чем проблема? Ну, родится дракон или демон, какая разница? Почему Хинанда и Элвин вынуждены были воевать за свою помолвку?

– А-а-а, – протянул Аштар самодовольно, точно зная ответ на мой вопрос. – Вы еще не доперли? Тогда пока сохраню эту тайну, очень интересно наблюдать, как вы обе собираете сплетни, словно торговли на базаре. Ладно, для безродной крестьянки такое поведение простительно, но для княжны, – он скривился вместо того, чтобы закончить предложение.

– Какие же это сплетни, Аштар? – я немного обиделась, но подумала и признала: – Хотя ты прав, я здесь совсем о манерах

забываю.

Но Марита схватила его за локоть двумя руками и завопила:

– А мне можно! Я даже ниже торговки была! Не отпущу, пока не расскажешь!

– Пытать будешь? – красные огоньки плеснулись в ее сторону.

– Буду! – заверила Марита серьезно. – Боишься щекотки, нет? Черт, я понятия не имею, боятся ли демоны хоть чего-нибудь!

– Демоны боятся только других демонов, – он вдруг почти нежно ей улыбнулся. – Хорошо, отпусти только. – Аштар дождался, когда девушка отодвинется, лишь затем перешел к объяснению: – По каким-то тупым предрассудкам принято считать, что демоны – плохие правители.

Я ухода от темы не поняла, но само собой вылетело:

– Это не тупые предрассудки, а самый разумный подход, нам ли не знать! Мы ведь обе родились в Окраине, где как раз правит жуткий демон... Ой, продолжай, пожалуйста, Аштар! Мы внимательно слушаем!

Он хмыкнул:

– В дела Окраин Центрина не вмешивается, но в самой Центрине это возведено в закон – престол наследует только дракон, поскольку драконы могут жить и править очень долго, но – по нелепому стереотипу – они, в отличие от демонов, не склонны к лишней жестокости или несправедливости.

– Да уж, и почему я не родилась в Центрине с ее мудрейшими законами? – поникла Марита, припоминая нашего великого князя.

Но до меня наконец-то дошло главное – аж кровь в жилах заледенела:

– Подожди, Аштар, а при чем тут престолонаследие? Ты ведь сейчас не хочешь сказать, что Элвин – наследник...

Ему так понравился мой обескураженный вид, что он продолжил меня морально уничтожать:

– Нынешняя императрица – в девичестве герцогиня Ео. Отгадай, кто тогда сын императора?

– Что? – Меня новость почти испугала, настолько она была вопиюще-громадной. – Элвин носит фамилию матери? Но это все равно немислимо, чтобы наследник престола учился тут, не охраняемый армией телозащитников! Ого, зато теперь понятно,

почему подняли такой переполох из-за перстня его дедушки... Дедушка-то, выходит, тоже императором был, или так, мелюзгой-герцогом?! Черти лысые, как же мне даже в голову это не пришло? Я же в разговоре с ним не была достаточно почтительна!

– Да не наследник он, угомонись, Айса, – немного успокоил демон. – Второй сын императора. Потому и носит фамилию рода Ео: Элвин наследует герцогство, поскольку иных претендентов пока в их семье не рождено. Драконы вообще в этом смысле проявляют чудеса идиотизма, не производя достаточно детей, чтобы подстраховать титулы. Но если с его старшим братом что-нибудь случится, то престол империи перейдет к младшему. И в этом случае, конечно, никто не заинтересован, чтобы второе высочество состояло в браке с демоницей, которая может произвести на свет не дракона. Если на передачу драконьего титула демону еще могут закрыть глаза, то о воцарении демона на престол и речи не идет. Я вообще удивляюсь, как они все же добились помолвки! Но воевали за это право довольно долго. Об этом в Центрине все знают, а вы будто слепые и глухие клуши.

Я еще долго пыталась вспомнить, как нужно ровно дышать. Не первый наследник, но все-таки! Я вчера вечером сидела и болтала с сыном самого императора? И это именно Элвин говорил о том, как просят разрешения на брак у императора... то есть у его отца? Мысли перемешивались, вынуждали переосмысливать каждое произнесенное им слово. Кошмар какой-то! Стало почти до истерики смешно над тем, как я целых три минуты подряд верила, что он со мной флиртовал! Ну да, на демонице ему жениться как-то не очень, ведь она с небольшой вероятностью может родить ему демоненка. А на мне – это сразу отличный вариант! Зато я родить ему демона не смогу – вообще никого не смогу, потому что женишок мне женское нутро своей чернью выжег. Ха, Хинанда, я победила, но ты об этом даже не узнаешь!

– Ты чего хихикаешь, Айса, совсем от новостей спятила? – заметил Аштар.

– Немного, – я попыталась успокоиться. – Пойду прогуляюсь, голову проветрю и припомню, много ли дерзостей я сыну императора наговорила.

– Стой, а ужин?

Я на призыв Мариты не ответила. Аппетит пропал. Я – воспитанная и образованная дама, меня на то тренировали прекрасные учителя, а мать была строга в подобных вопросах. Потому совсем уж ужасного в разговорах я выдать не могла – так, только немного ироничное. И Элвин ни разу не разозлился. Но сами установки, усердно вбиваемые в мою голову, призывали склоняться перед высокими титулами.

Я шагала по каменной дорожке, не замечая ничего вокруг, потому вздрогнула, когда мне почти в ухо выкрикнули:

– Привет, говорю! Ау, Айса, в кого влюбилась, раз в облаках витаешь?

Передо мной стоял Майер, а за его спиной всего в шаге – он. Я бездумно присела в глубоком реверансе. Майер подначил:

– Красиво! А зачем? Еще и покрасней, как будто нас впервые видишь! Да я пошутил – не вздумай краснеть! – он со смехом выбивал меня из колеи еще сильнее. – Если свободна, пойдем – сыграешь с ним пару партий, чтобы мне не пришлось. А раз зову я, то Хинанда не придумает, что вы там страстно вдвоем уединяетесь.

Элвин смотрел на меня и как будто тоже ждал ответа.

– Как вам будет угодно, – я снова немного склонилась, соображая в очередной раз, какое обращение выбрать. И на свою голову назвала самое правильное: – Ваше высочество.

– О, теперь я еще и высочество, – выдал Элвин недовольно. – Светлость была, милорд был, теперь высочество, дальше что будет? «Великолепный бог мац-хе»? «Созидатель и каратель всея сущего»? Княжна, ты это специально делаешь? Если я к тебе шаг, то ты от меня три?

Я с трудом посмотрела на него и призналась, хотя было неловко:

– Стыдно говорить, но на самом деле я только что узнала, чей вы сын. Это меня не оправдывает, но все равно ощущаю себя весьма глупо. Меня сбило с мысли то, что вы носите фамилию матери!

– Только узнала, серьезно? – Элвин будто немного успокоился. – А я-то был уверен, что тут уже на входе каждую студентку предупреждают: «Эй! Сейчас здесь учится этот, как его, единственный холостой и самый симпатичный из монарших особ». Нет?

– Я не... нет, не каждую... – Уж понятия не имею, как отвечать на шутки самых холостых и симпатичных из монарших особ, кроме как

этим жалким бляньем.

– Давай, княжна, выпиши мне подряд пять реверансов, утешь свои стереотипы, а потом навсегда эту тему закроем и пойдем уже поиграем, если не против. Почему так смотришь? Властью, данной мне рождением, я приказываю перестать так смотреть!

Он точно издевался и наслаждался моим замешательством. Зато «высочеством» больше язык не повернулся назвать, я смело понизила планку до прежней:

– Милорд, вы ведь пошутили... про реверансы?

– Да, а про остальное я был полностью серьезен. Кстати, пока ты играешь со мной в мац-хе – тебя не убьют. Аргумент?

Он развернулся и пошел в сторону своего корпуса, Майер со смехом мне подмигнул и зашагал вслед за ним. Я подумала немного и тоже направилась туда же. Воспитание диктовало подчиниться без вопросов, но ничтожный опыт, который я успела приобрести в этом общении, подсказывал, что Элвин не разозлится, даже если я сейчас наотрез откажусь или просто пойду к себе, ничего не объясняя. Не разозлится, потому что сразу не ставит границу между своим положением и всеми остальными людьми. Граница эта существует, но не его волей установленная. Потому я пошла туда не по приказу, а потому что таковым было мое желание: поиграть в мац-хе с сильным противником. Который посылает мне смешные записки, иногда дает непонятные и неприменимые к жизни советы, ищет повода для встреч, а заодно еще и рожден императором и императрицей. Но последнее не так уж и важно на фоне прочего.

Глава 9

Майер почти сразу отвел меня в столовый зал, на ходу придумав предлог:

– Пусть он пока фигурки расставляет, а мы с тобой вино по бокалам разольем. Послушай, княжна, тебе не кажется, что Элвин уж больно заметно к тебе равнодушен? Тебе трудно понять, ведь ты его раньше не знала, но глаза хищника врать не умеют. А это именно такие глаза, когда дракон уже охотится.

– Не кажется, – я отступила. – А если бы показалось, то я сделала бы вид, что показалось! Мне одного недопонимания с его невестой по гроб жизни хватило. Да и у меня самой есть жених, вы ведь знаете.

– Ага, ага, – лениво протянул он. – Жених, от которого ты мечтаешь избавиться. Я просто подумал, что если бы Элвин немного отвлекся от Хинанды, если бы хоть увидел, что существуют другие девушки – да хотя бы на твоём примере – тогда...

– Что тогда? – я нахмурилась.

– Мы втроем много лет дружим, и это было почти неизбежно, что Хинанда сойдется с одним из нас, вот тебе и готовая пара. Они слишком хорошо друг друга знают, потому других не видят, любовь на все времена, как сами верят. Но жениться сыну императора на ней всегда было плохой идеей. Если молодым влюбленным сказать, что их союз крайне нежелателен, то их уже не остановить – небольшая симпатия превращается в грандиозное противостояние всему миру. Понимаешь мысль, Айса?

– Возможно, – отозвалась я неуверенно. – Если вы только сейчас не ведете к тому, чтобы ваш друг не женился на Хинанде, зато женился на мне.

– Нет, конечно! – Майер рассмеялся. – Ваш союз звучал бы еще смешнее. Ты же состаришься и умрешь, пока драконы неспешно свадебный банкет организуют. Быть может, ты не знаешь, но если дракон любит, на других не посмотрит и никогда не изменит. А коли хоть мысль такая возникла, то сразу же можно переосмыслить саму любовь – в нашем случае серьезный политический и не самый желательный альянс. Так почему бы не использовать возникшую

симпатию? Ведь она есть, я своего друга знаю уже почти два столетия, и ни разу не видел такой заинтересованности в какой-то другой девушке. Этому интересу не хватает только немного флирта и двусмысленных взглядов! Почему бы не показать Элвину, что он вообще способен увидеть кого-то, кроме Хинанды, что вся его любовь к ней есть лишь следствие долгой невозможности? Почему бы тебе не провести время в университете весело – потом в любом случае пригодится опыт, каким бы образом ни сложилась твоя судьба. Ну же, Айса!

Я так и застыла в дверях с пустым бокалом в руке, который он мне всучил. Альянс демоницы и второго наследника престола в самом деле не приветствовался, раз даже их близкий друг не в восторге. Представляю, что до помолвки происходило во дворце...

– Вы сейчас про веселье сказали в точности как Хинанда, милорд, – пробубнила я. – Только она как раз не одобрит, если я вдруг решу повеселиться именно с Элвином.

Он рассмеялся:

– Так я ей друг с тех же самых времен, потому иногда случайно в трактовах совпадаем! Я ее внимание отвлеку на себя, обещаю. И меня точно по имени начинай звать, я в списке престолонаследия даже не упоминаюсь, до такого киселя даже имперские секретари линии не отслеживают. Давай-давай, скажи «Майер», а потом вместе будем наслаждаться, как Эл бесится, что он среди нас останется единственным «милордом».

Его можно, его даже запросто! В сравнении.

– Майер, я ведь понимаю, что ты просто шутишь или проверяешь меня. Ты однажды упоминал про дворцовые интриги. Кажется, ты их случайно с собой сюда прихватил.

– Я спасаю императора от тоски, если этими маневрами заставлю лучшего друга подумать о помолвке еще раз! Ну и проверяю тебя заодно. Почему не подыграть вполсилы, если Эл вызывает в тебе тот же интерес?

Я не обернулась, чтобы глянуть на Элвина. Но случайно задумалась. Вызывает ли он во мне интерес? Я такой вопрос себе не задавала, мне вообще такие вопросы задавать себе не следует. Потому что если я проведу время в университете достаточно весело, тогда великий князь за мое распутство казнит многих. Или он имеет в виду

другое «весело»? Переспросить? А как о таком спросишь? «Не намекаешь же ты на какой-нибудь разврат?» И лицо-то у Майера какое славное: открытое и живое – смеется над моей обескураженностью и ждет хоть какой-нибудь реакции.

– Майер! – громко позвал Элвин от камина. – Ты же в курсе, что я слышу весь ваш разговор?

Я от этого признания едва не вскрикнула, но вздрогнула уж точно. И Майер ему ответил так же громко:

– Конечно, в курсе! Но у княжны это из головы вылетело! Неужели не было интересно, что она ответит?

– Нет, неинтересно, – ответил ему Элвин уже спокойнее. – Потому что ты все переврал. Княжна мне нравится совсем не в том смысле, на который ты намекал.

Майер плеснул в мой бокал вина, подтолкнул со смехом, я пошла к столику, пытаюсь унять волнение. Забавно они общаются, конечно, без подготовки в таком обществе с ума сойдешь. А Майер еще и подначивал:

– Слыхала, он сказал «нравится»? Ну и кто тут перевирает? О, Хинанда, и ты пришла! Заходи, заходи, дорогая, всегда рады тебя видеть!

Демоница действительно только вошла в центральный вход, а за ней и братья-маги. Последние приветливо со мной поздоровались. Но и Хинанда проводила нашу с Майером парочку взглядом и все-таки кивнула почти по-дружески. Наверное, это означало, что и она милостиво принимает мое присутствие в их компании. Хорошо, что не пришла двумя минутами раньше, а то еще мне пришлось бы головой отвечать за чужие шутки.

Мы начали партию, а вокруг сразу стало многолюдно и шумно – и оттого заметно спокойнее. При всех они ведь не будут так меня смущать! Однако через три хода Элвин выдал недовольство:

– Княжна, ты рассеянна! Зачем ты сейчас пошла кавалерией? Ты сама с собой играешь, а мои ходы не пытаешься просчитать?

– Простите, милорд.

Я вернула фигурки кавалерии на прежнее место, в самом деле ощущая растерянность и изредка поглядывая на Элвина, когда он наклонялся над доской. Ведь он и правда сказал «нравится». В каком же все-таки смысле? Вот ведь Майер, лысый черт, навел ненужной

сумятицы в мыслях! Ему бы самому пока Маритой интересоваться – та ни с кем не обручена, почти свободная красавица. И она точно для него может оказаться игрушкой поинтереснее, чем я, имеющая жениха, и Элвин, имеющий невесту.

– Ты совсем открыла престол, княжна, – Элвин покачал головой. – Слушай, ну хотя бы сделай вид, что тебе интересно играть! Или мы тебя просто заставили?

Я снова очнулась от мыслей:

– Не заставили, милорд. И, честное слово, я обожаю мац-хе. Но я годами играла в основном сама с собой, без соперника, потому мой уровень не может вас порадовать. И потому я умею просчитывать только собственные ходы, а не чужие. Ведь в вашу голову я не могу залезть так же, как в свою.

– Сама с собой? – дракон посмотрел прямо. – Звучит уж как-то слишком драматично. Тебя держали взаперти?

– Не совсем, – я улыбнулась. – Со мной хорошо обращались, вы не подумайте. Но все знали, что когда-нибудь я стану заложницей правителя Окраины и потому старались не привязываться, чтобы потом сильно не жалеть.

– Понятно, – он сказал это так легковесно, как будто я только что не сформулировала самую сокровенную тайну всего своего детства. – Кажется, в этом и есть твоя особенность, которая бросается в глаза.

– В чем же она, милорд?

Он снова поднял желтые глаза и непонятно улыбнулся:

– Ты не умеешь залезать в чужие головы. И никто раньше не пытался залезть в твою. Но когда это произойдет, ты сама удивишься, сколько демонов в тебе сидит, которым раньше не давали права голоса.

– Демонов? – мне не понравилось неприятное сравнение. – А, вы снова о смеси запахов?

– О ней, конечно. Закрой уже престол! Я шестой ход подряд делаю вид, что не замечаю всех твоих прорех! Мне еще никогда раньше не приходилось поддаваться так долго, так хотя бы начни уже стараться для победы. Хотя нет. Скидываем эту партию и начнем новую, в этой уже без вариантов.

Зачем же он поддавался? Что плохого в том, что он выиграет? А, ну да, сильному игроку хочется найти такого же сильного соперника, а его товарищи явно не испытывают удовольствия от мац-хе. Я иногда

поглядывала на них, сидящих полукругом в креслах и весело обсуждающих какие-то свои дела. И Хинанда выглядела довольной, ничуть не напряженной от моего присутствия. Видимо, Элвин ее успокоил окончательно – сказал что-то такое, после чего даже ревнивое нутро демона улеглось. Тогда что же именно он сказал? Что я ему «нравлюсь совсем не в том смысле»? А в каком нравлюсь? Да чтоб Майеру теперь до конца жизни икалось, ирод пустоголовый!

Витай заметил мой взгляд на них и поинтересовался:

– А ты что изучаешь в университете, Айса? Какие успехи в учебе?

– Да ничего интересного не изучаю, – призналась я честно, а потом припомнила: – Хотя у меня открылся неожиданный талант в кулинарной магии. Кто бы мог подумать – уж точно не моя маменька. Я же раньше к кастрюлям близко не подходила, а теперь рискую стать самой лучшей поварихой факультета!

– Ты – поварихой? – засмеялась Хинанда. – Вот уж нашла чем хвастаться!

Я пожала плечами, не принимая ее высокомерие близко к сердцу:

– Не хвастаюсь, Хинанда, просто отвечаю. Вы уже знаете, что мой жених вдохнул в меня часть демонской силы? Она должна была пойти на красоту, а пошла на рецепты. Как хотите, но я считаю этот результат весьма забавным!

Я скосила глаза на Элвина, но он опроверг мое предположение:

– Я друзьям еще об этом не рассказал, но собирался, если ничего секретного нет. Просто случай действительно уникальный, мне было интересно послушать мнение магов.

Витай тотчас отставил бокал и встал, протянул мне руку, тоже поднимая и с любопытством заглядывая мне в глаза. Провел в центр гостиной, как будто приглашал на танец, и выглядел притом зачарованным.

– Вот мы и поиграли, – проворчал Элвин, но пошел туда же, куда все остальные – встать кругом вокруг нас.

– Как интригующе! Я о таком читал! – Витай произносил слова медленно, будто сам с собой делился размышлениями. – Только достаточно старый демон способен на подобное. Магия должна настояться, как вино хорошей выдержки. И что же, Айса? Ты получила крохотную часть его силы? Это поразительно!

– Да не особенно, – я ощущала себя крайне неловко от такого интереса. – Эта магия должна улучшить мою внешность. Сомневаюсь, что ее хватит на что-то еще, кроме кулинарии.

– А почему бы не попробовать? У нас других подопытных все равно под рукой нет! – настаивал Витай. – Брат, поставь щит на всякий случай, чтобы никого не поранить. Хинанда, ты можешь показать какой-нибудь самый простой демонический трюк, чтобы Айса его повторила?

Та недовольно закатила глаза:

– По-моему, дурацкая затея, а мне еще сегодня задание надо заканчивать. Ладно, Айса, попробуй стряхнуть с руки дым – он изнутри пойдет и выплеснется в воздух, если получится. Безобидная штука, так что не мучайся со щитом, Веран.

Я видела черные вихри у самой Хинанды и Аштара – мощные, плотные и совсем небезобидные. Хотя они чистокровные демоны, моя сила не может сравниться с их. Я попыталась выполнить, потрясла сначала одной рукой, потом другой, резко развернулась, как делал Аштар, но и так из пальцев ничего не просочилось. А заинтересованный Витай все подгонял и просил еще раз попытаться. Минут через двадцать все начали терять интерес к моим потугам, а я его лишилась уже после первого эксперимента.

– Ладно, господа исследователи, – подала голос Хинанда, – мне все-таки пора возвращаться к себе.

– Подожди! – окликнул Веран. – Мы тоже пойдем. Попробуем в другой раз, Айса. Наверное, это слишком сложно для незначительной капли силы. Надо потом испытать на словесных заклятиях, как в кулинарных рецептах!

Поскольку все расходились, включая и Майера, я тоже поспешила к выходу – мне точно не следовало оставаться с Элвином наедине, даже чтобы доиграть брошенную партию. Но маги с демоницей за разговорами не заметили, как вышли со мной на улицу, а потом и проводили по темному двору до моего корпуса. Я ощущала себя не меньше, чем императрицей! А кого еще сопровождают сразу трое шелле? Хотя они между собой обсуждали только, на что же может быть способна демонская сила, если ее передать таким образом, и как ее наличие вообще проверить.

– А что конкретно делал твой жених? Как это было? – Витай снова меня допрашивал.

Я без эмоций описала:

– Он сначала руку мне к животу приложил – ну, чернь запустить, это было больно, но быстро прошло. А потом как будто поцеловал. Думаю, что силу он вливал во время поцелуя, но я не могу быть уверена.

– Стоп, какую еще чернь? – Хинанда резко дернула меня за локоть, заставляя остановиться.

Я от усталости, наверное, ляпнула лишнее. И теперь пришлось пояснить, хотя при мужчинах о таком говорить было стыдно:

– Ну... чтобы я потом ребенка не могла зачать. Ведь от людей демоны чаще всего производят зверолодов, исключения так редки, что мера...

Хинанда почему-то застыла на месте, и даже красные дымки перед ее глазами полностью растворились в воздухе.

– Я правильно поняла, тебя лишили права стать матерью? Великолепно! Это и будет твоя жизнь, АЙСА? Разве ты на такое соглашалась?

Вопросы морт-шелле были так глупы, что впору было расхохотаться.

– Нет, Хинанда! – нервно ответила я. – Моим мнением как-то забыли поинтересоваться! Наверное, моему жениху очевидно, что в мире больше не нужны зверолоды?

– И что? – она сверлила меня пронзительным взглядом. – Я – демон. И если бы я не полюбила дракона, то могла бы полюбить человека, всякое в жизни бывает. Но тогда именно я могла бы стать матерью зверолода. Они отвратительны – уродливые, жалкие, как люди, но не так сильны, как демоны. Но разве любовь нуждается в условиях? Если у меня родится ребенок с тремя ногами и рогом на лбу, то я разорву глотку любому, кто назовет его несимпатичным! Я вытащу кишки наружу всякой твари, которая посмеет только косо на него посмотреть!

Я вскинула руку, прерывая гневный поток:

– Я поняла тебя, Хинанда, но меня все равно об этом не спрашивали, потому сама я ничего не решала.

Войдя в свой корпус, я замедлила шаг. Мне всего восемнадцать – я, наверное, чего-то пока не понимаю, раз для меня всё не так очевидно, как было для Зиды или Хинанды. Может, мне даже повезло, что Зохар не спрашивал? Или это станет моей главной бедой в предстоящем браке, как пророчила старая нянька? Я не знала. Но зато поняла другое – почему Элвин полюбил такую неподходящую ему девушку, почему не посмотрел на ее расу, почему не замечает ее недостатков, почему не отыскал себе изящную красавицу, а остановился на этом живом устрашающем оружии с чудовищным характером. Просто драк-шелле Ео уважает в людях характер, а Хинанду хрупкой уж точно не назовешь. Хинанда не защищается, она атакует, и спасите боги того, кто посмеет напасть на нее или ее любимых. Неожиданно вся мерзость ее характера повернулась для меня другой стороной и окрасилась уважением. Такую женщину выбрал бы лишь сильнейший из сильных, не беспокоящийся о сравнении, и такие женщины не являются приложением к кому-то, они свое место в любом случае отвоюют.

Я шла и старалась радоваться за них, теперь понимая их пару лучше. Радовалась, несмотря на небольшую горечь внутри, природу которой совсем не понимала.

Глава 10

За обедом, на который Марита опоздала из-за урока, у меня состоялся довольно странный разговор, имеющий весьма серьезные последствия. Когда Аштар подсел за мой столик, я и не думала напрягаться – уже привыкла к нему и не опасалась по инерции. Демон теперь был ближе к другу, чем к врагу, но на самом деле – всегда посередине.

И он это подтвердил, начав меня отчитывать:

– Зачем ты сближаешься с шелле, Айса?

– Ты за мной следишь?

– Присматриваю, – поправил он. – Так и зачем? Какова твоя цель? Неужели через них решила избежать неминуемой свадьбы? Спешу тебя огорчить: у Мариты еще может выйти, хоть и с ничтожной вероятностью, но у тебя – вообще нет. Уж не знаю, почему магия отца работает так медленно, но ты не особенно-то хорошеешь.

Я не могла ему рассказать про наше знакомство через украденный перстень, это все еще было тайной. Но Аштару и незачем знать – познакомились просто, общаемся... и да, возможно, ищем шанс выбраться из петли, если таковой подвернется. Не демону нас осуждать за желание жить!

Но голос мой прозвучал ровно и спокойно:

– Спасибо за комплимент, Аштар. Вряд ли я могу надеяться, что твой отец меня отпустит, но если я не стану красавицей, то, возможно, он не захочет увидеть меня в своей постели. Это ли не выигрыш?

– А спросил-то я вообще о другом, Айса, – он осклабился. – Чего ты ждешь от шелле? Если моего отца ты боишься больше смерти, тогда это вариант: коли ты умрешь от руки шелле, то мой отец не сможет никого в этом обвинить. Так ты этим высокопоставленным снобам все-таки пытаешься понравиться или взбесить, чтобы тебя прихлопнули безболезненно и быстро?

Уже в который раз мне намекают на сведение счетов с жизнью, но когда подобное звучит из уст сына моего жениха как вполне себе вариант, то настроение скатывается в полную апатию. Я что-то

пробурчала в ответ, поспешила закончить трапезу и исчезнуть с его глаз.

Но Аштар, сам того не ведая, дал мне гигантскую подсказку! Два раза происходило нечто, могущее закончиться моей кончиной – и именно от рук шелле! Я понимала, что где-то в университете может водиться мой потенциальный убийца, который оба раза и организовал, но одну деталь Аштар поставил на нужное место: если меня убьет шелле, то моим родителям, их подданным, директору университета, слугам, охране, всем посторонним ничего не будет! Только если это сделает шелле, тогда ни один невинный человек за мою гибель не ответит! В этом случае претензии будут сняты со всех – включая Аштара, конечно. Он обязан нас с Маритой защищать, но если нас казнят какие-нибудь драконы, да еще и родственники императора, тогда что он может поделать? Демонский сын силен, но не всемогущ.

Мысль сначала показалась тонкой, несурзной, но чем дольше я ее прокручивала, тем яснее она становилась. Кому-то нужна моя смерть, но так, чтобы никто больше не пострадал! Убийца-гуманист с добрейшим сердцем? Но какая мне разница, если я только что придумала идеальный выход?

Я забыла о занятии садоводства и побежала в корпус, в который успела протоптать дорожку. И меня опять не остановили – одного приглашения шелле достаточно, чтобы слуги меня больше ни о чем не спрашивали. Я постучалась к Элвину, но дверь оказалась заперта и даже слуга рядом не топтался. Пришлось ждать до конца урока, и, наконец, со стороны центрального входа раздались голоса. И я была даже рада, что драк-шелле идут вместе, мне было не по себе оставаться наедине с одним.

– Княжна? – Элвин начал улыбаться еще до того, как повернул в свое крыло, ведь передо мной появился уже с этим выражением. – Я твой восторг с улицы почувствовал. Что же такого случилось? Мой отец разводится с моей матерью и женится на тебе? Или империя официально лишила все Окраины суверенитета?

– Добрый день! – я сторала от нетерпения, потому иронию пропустила мимо ушей. – Шутка забавная, но от правды дальше, чем я от Сердцевины. Мы можем поговорить? Если вы не заняты, конечно!

Элвин прошел первым, Майер жестом пригласил войти меня и последовал за нами внутрь. Я пыталась рассказать все разом, но от

волнения сбивалась, а по их смеху понимала, что все еще не добралась до сути. Потому даже обрадовалась, когда дверь позади хлопнула, впуская и Хинанду. Я и с ней поздоровалась, а потом начала заново:

– Я понимаю, что прошу о немислимой услуге! О такой услуге, которую ничем не оплатишь! Я говорю и за Мариту тоже – она ведь красива, и, может, еще приглянется кому-то, – я с надеждой глянула на Майера, но драк-шелле ждал внятного продолжения: – Я от своего и ее имени готова поклясться, что мы согласны на любую работу, научимся чему угодно, никогда не возразим и не поднимем голову, если таково будет ваше желание. Любой вариант видится лучше, чем уехать к Зохару. Особенно Марите – понимаете, ей отведено ровно столько лет жизни, пока она хороша собой, а люди старятся слишком быстро, чтобы ей успеть хотя бы надышаться...

– Переходи уже к делу, княжна, – поторопил Элвин.

Я глубоко вдохнула и выпалила:

– Обвините нас в краже перстня! Обвините и казните за это! Мой возможный убийца именно этого и добивался – моей смерти, чтобы больше ни одному человеку это не аукнулось! Объявите о том, что мы казнены – и мы с ней будем свободны от любых обязательств. Две воровки, сами напросились! А взамен мы будем служить вам как самые преданные рабыни! Какова вероятность встретить в Сердцевине или в ваших родовых замках кого-то из Седьмой Окраины, кто нас еще и по лицам знает?

– Рабыни? – Элвин поморщился от этого слова. – Княжна, а с чего ты взяла, что у меня в рабынях будет лучше, чем у твоего великого князя в супругах?

Я вмиг остыла, он удачно потушил весь мой восторг. Но будто бы проверял мою решимость. Да, я плохо разбираюсь в людях, но ведь видно, что он не из тех людей, кто наслаждается криками боли. Или я и в нем ошиблась, как ошибаюсь почти в каждом?

Майер тоже не разделял моей радости:

– И с чего ты взяла, что нам не хватает верных слуг, Айса? За место горничной в моем доме юные девицы Сердцевины глотки друг другу грызут. Марита хороша, это верно, но ведь великий князь прав в своей жестокости – хороша она будет еще лет десять, а потом с ней что делать? Что для дракона человеческое десятилетие?

Я отступила и опустила голову, соображая. Да, вообще не подумала посмотреть на ту же ситуацию их глазами. Обманулась их приветливостью, их приглашениями и пустыми разговорами, приняла за дружескую симпатию, но для них обсуждение наших бед – мелочи, кратковременный побег от скуки. Им незачем даже пальцами шевелить ради нашего спасения. Но глаза Элвина отчего-то показались мне веселыми, когда он обратился к невесте:

– А ты что думаешь, Хин?

Демоница шагнула вперед, прошла мимо него и села в кресло возле камина перед игровой доской. И отчеканила после паузы:

– И ты как будто уже догадываешься, что я думаю, Эл? Да, я на эту аферу согласна! Доволен? После того, что сделал с ней Зохар, она имеет право хотя бы от него сбежать! И нет, мне их служба тоже не нужна. Вытащить их отсюда и пусть катятся по империи, ищут новые неприятности. Но в тех они хотя бы сами уже будут виноваты. Любое существо имеет право сам выбирать беды, в которые вляпывается!

– А что с ней сделал Зохар? – переспросил Элвин.

Ему мы не ответили, поскольку это было не так уж важно, а у меня перехватило дыхание. Боги, кто бы мог подумать, что самой главной поддержки я дождусь именно от Хинанды? От морт-шелле, которая должна бы собой олицетворять все самое худшее от демонов, но почему-то как раз она приняла на себя роль важнейшей участницы моей судьбы. Да, у нее самый привлекательный и самый потрясающий жених на всем белом свете – надеюсь, этого хватит, чтобы одарить ее всем, чего она заслуживает?

Майер пожал плечами и пошел к другому креслу.

– Не все так просто, как тебе хочется считать, Айса. Казнь за воровство у шелле должна быть публичной.

Я об этом подозревала, но испугаться не успела, ведь Хинанда вновь нашла вариант:

– Необязательно придумывать именно казнь! Мне показалось, что они пытаются соблазнить Элвина, я вышла из себя и обеих прикончила. Делов-то! Изобразу потом виноватый вид, вышлю Зохару компенсацию за свой горячий нрав. Он точно поверит, ведь с демонами иногда такие милые вспышки гнева случаются.

– А тела? – Элвин обернулся к невесте. – Никто не поверит, если не передать великому князю огромной Окраины тела. Здесь одного

слова будет мало, слишком подозрительно. Или вы все считаете тысячелетнего демона наивным тупицей?

Хинанда повела плечами несколько раздраженно, как будто к ней придирались:

– Ну не знаю... Может, я совсем вышла из себя от ревности? Найдем двух девок похожей комплекции, я за ночь из них такое сотворю, что матери родные не узнают. Пусть потом великий князь гадает, которая из них была красивой, а которая – благородной.

Я содрогнулась от услышанного. Элвин глянул теперь на меня:

– А на такое согласна, княжна?

Освободиться, принеся в жертву двух других девушек? Даже мой убийца пытается спасти невинных. А я кем же буду, если на такое пойду? Стану хуже собственного палача?

– Нет, на такое... нет.

– Вот вопрос и закрылся сам собой, – констатировал он. – Садись, тогда в мац-хе одну партию распишем. Уступите нам места? Конечно, если сами не хотите присоединиться.

– О нет, избавьте боги от такого занудства! – Майер тут же отскочил от доски. – Пойдем, Хин, прикажем подать нам чая.

Они ушли в столовый зал, а я заторможенно смотрела в спину Элвина. Красивый, стройный, невероятно умный, но такой равнодушный – он только что шлепнул меня с небес на землю, разрушил надежду, но как ни в чем не бывало зовет поиграть? Хинанда, хоть и предложила самый демонический из выходов, но ведь вообще не была обязана даже пальцем шевелить. С чего я придумала, что Элвин обязан? Но капля сочувствия в таком случае не помешала бы, любой человек на его месте ее бы изобразил.

В кресло я села, но к фигуркам не притронулась, наблюдая, как он расставляет свои.

– Почему ты так смотришь, княжна? – Элвин спросил, даже не поднимая головы. Лишь когда закончил, поднял лицо и глянул прямо.

Я не должна была говорить, я не имела никакого права на любые претензии, но почему-то не удержала искренность внутри, иначе она меня бы после сожрала:

– Потому что вам все равно, милорд. Вам партия со мной интереснее, чем моя жизнь. Это не обида, не подумайте, я просто мыслю как человек, а сейчас пытаюсь понять ход мыслей дракона.

– Почему же все равно? – Он оторвал от меня взгляд и устремил его к камину. – Я как раз начал думать.

– О чем же?

Он упер руку в подлокотник и длинным пальцем потер висок неосмысленным жестом. Я зачарованно наблюдала за его пальцами – слишком изящными, они подошли бы музыканту, а не двухсотлетнему избалованному отпрыску императора, которому никогда не придется что-то делать своими руками. Но слушала его ответ внимательно:

– Княжна, тот, кто желает твоей смерти от рук шелле, к этому моменту уже должен понять, что как раз шелле тебя не убьет. Нас уже многие видели вместе, он или она точно в курсе, что ты успела познакомиться со всеми нами. И вполне может допускать, что мы к тебе благосклонны. А это означает, что план провален.

– Да, милорд, наверное, вы правы, – я теперь тоже об этом задумалась.

– И вот теперь развилка, княжна. Что он будет делать дальше – отступит и оставит тебя в покое или же просто убьет, раз идеально не получилось? Насколько ему важна твоя смерть? Или нужна была смерть только от рук одного из нас? Если верно последнее, то не правильнее ли мне официально объявить, что ты под моей защитой? На случай, если он не знает о нашем общении, то мое слово окончательно даст понять, что шелле тебя не тронут, ведь я даже среди шелле стою достаточно высоко. Или это, наоборот, подтолкнет его больше не мучиться с мудреными тактиками и просто воткнуть в тебя нож? Так что же тебя быстрее убьет – моя протекция или ее отсутствие?

– Не знаю... – я вновь похолодела. – Представления не имею! Я даже вообразить не могу, кому я настолько могла помешать!

– Тихо, тихо, – успокаивающе проговорил он. – Я пока думаю – ты ходи.

Так мы ни до чего и не додумались, а партию я продула. Сразу после попрощалась и ушла, чтобы рассказать обо всем Марите – вдруг у нее какие-то идеи возникнут? Но она где-то гуляла, а вернувшись, предсказуемо уселась корпеть над учебниками.

На вечернюю молитву она села рядом на пол, это уже вошло в привычку. Но соседка все еще иногда сбивалась в словах. И когда позади меня распахнулась дверь, Марита вскрикнула и вскочила на

ноги. Неужели я ее не предупредила, что молитву прерывать нельзя, даже если крыша обрушится?

– Милорд? – пропищала она. – Что-то случилось, раз вы пришли в такое время?

«Милорд?!», – подумала я с еще более истеричной интонацией, но тихое песнопение продолжила. Однако была в молитве не слишком усердна, постоянно внутри отвлекалась на мысль: кто из них пришел и зачем?

А я как будто им даже не мешала.

– М-да, – по голосу я узнала Элвина. – Простите, что без стука, но хотелось узнать, насколько просто проникнуть в вашу комнату. И теперь вообще не удивлен, что перстень так легко подкинули. Это ведь даже не замок! И пахнет здесь вами и... кем еще? Что-то знакомое, но не человек, с которым я часто встречаюсь...

– Служанки, может быть? – предположила Марита. – Они убирают здесь раз в неделю. Еще охранники заглядывали, когда обыскивали...

– Может быть.

Элвин беспардонно прошел дальше, будто вообще меня не замечая, осмотрелся. Я продолжала напевать заученные с раннего детства слова – это была самая серьезная проверка моей веры, раз я даже при таком вмешательстве в личное пространство не сбилась!

– Собирайтесь обе, – Элвин случайно или нарочно попал в мой распев, мелодично протянув эту фразу. – Я понял, что это лучший вариант. Здесь до княжны добраться – раз плюнуть. Пусть попробуют провернуть то же в моей комнате. Вряд ли на нее будут нападать при свете дня, хотя не исключаю. Но лучше сделать, чем не сделать. Почему стоишь, Марита? Я же сказал – собирайтесь. Подруга сейчас поможет. Это же обычно ненадолго? – он кивком указал вниз, на меня.

Слова закончились, я перешла к трем циклам дыхания. Лишь после них расцепила руки и резко подскочила на ноги. Постаралась не кричать слишком нервно:

– Милорд, ваша тактичность изумляет! И зачем переезд?

– Для твоей безопасности. Показываю, что мне не все равно.

– Но не в ваши же покои! А что скажет Хинанда?

– Завтра с ней поговорю. Насколько я понял сегодня, моя прекрасная морт-шелле не против вам помочь, она уже вписала вас в

круг оберегаемых лиц. Следовательно, я могу прикрыть свое желание ее желанием, и никаких пробелов. Почему снова так смотришь, княжна?

– Потому что не ожидала! – я зачем-то это почти рывкнула, что было крайне неуместно. – И это... как-то двусмысленно!

– Так я поэтому вас обеих и зову, – улыбнулся драк-шелле. – Будете меня вместе ублажать до утра, а моей невесте ничего не скажем. Согласна? А, ты ведь уже сегодня это пообещала – от себя и от Мариты. Что там было про рабынь, которые не возражают и не поднимают головы, готовые к любой работе? Тебе такая работа точно должна была в голову прийти! Неужели шутила?

Его желтые глаза смеялись надо мной, а зрачки от полумрака чуть расплзлись в стороны – стали почти овальными.

– Похоже, это вы сейчас шутите, милорд, – я произнесла обиженно.

– Ну наконец-то мы друг друга начали понимать. Собирай вещи. Если тебя прикончат, то точно не под моим крылом, а значит, ты перестанешь на меня так укоризненно смотреть.

Вещей у меня было много, но все они в ближайшее время не понадобятся. Мы, переглядываясь, скидывали одежду и учебники в мешки, и обе выглядели изумленными. Вообще-то, это был широкий жест! И правилами университета вроде бы не запрещенный. Да и Марите лучше чаще мелькать под носом Майера или братьев-магов, если она хочет кому-то из них понравиться. А уж насколько мне там будет спать спокойнее...

– Пока достаточно, – Элвин взял мешок из моей руки. – Идем?

– Да, милорд. Благодарю! – опомнилась я, хотя с этого и надо было начинать.

Но Марита в коридоре подалась ко мне и прошептала:

– А что скажет Аштар? Ведь он рано или поздно узнает, что мы не ночуем в своей спальне!

Мне казалось, что Аштар ничего не скажет – ему все равно, если мы живы и здоровы. Но я ответила ей, прекрасно понимая, что дракон слышит каждое слово:

– Тогда расскажем ему, что драк-шелле Ео, второй сын самого императора, приказал нам с тобой ублажать его каждую ночь самым порочным образом. И если Зохару нужны подробности, то пусть он у

драк-шелле о них и спрашивает! Ври что угодно, Марита, лишь бы мы были в безопасности и старый демон общался с господами поверх наших с тобой голов.

Элвин обернулся, глянул на меня, едва сдержав смех. Но Марита была в ужасе:

– Ты с ума сошла, безумная княжна?! Зохар не у шелле спросит – он у нас спросит!

– Марита, мы уже завтра переселимся к Хинанде. Она ревнива, то есть сама не оставит нас в покоях своего жениха. Потому перестань так бояться за нашу честь, на которую никто не претендует. Я бы сказала – «к сожалению», но мне титул мешает так сказать. А тебе можно, говори.

Теперь Элвин уже смеха не сдержал. Надеюсь, он понял, что я тоже просто шучу, а на самом деле пытаюсь поднять ему настроение в благодарность за участие.

Глава 11

Мы с Маритой были готовы спать даже на полу перед камином, но Элвин провел нас за кабинет, от которого вглубь здания потянулся очередной коридор. Там уже объяснил:

– Гостевая спальня направо, размещайтесь в ней.

Гостевая спальня в студенческой комнате? Вот это я понимаю – размах. Представляю, как шелле живут в своих дворцах, если даже на учебе располагаются в таких условиях. Мы заглянули, обе охнули, разглядев большую кровать, на которой вместе точно удобно поместимся. Марита начала так громко восхищаться, что я опять поймала себя на высокомерном покровительстве – захотелось прикрыть дверь, чтобы больше никто ее чистосердечностью не умилится. Однако Элвин позвал из пока еще открытого проема:

– Княжна, можно тебя еще на два слова, пока твоя подруга раскладывает вещи?

– Конечно, милорд.

Я вышла к нему и пошла рядом, поскольку он уводил меня подальше от комнаты. Я чуть позже поняла, что он не хотел быть услышанным:

– Сейчас уже можно не изображать, что мне ваше положение безразлично, ведь самим фактом переселения я себя выдал. Или выдал то, что хочу порадовать свою невесту участием, это не так уж и важно. Но мне даже нравится наблюдать, как вы с Маритой держитесь друг за друга – две девчонки, которые ни при каких других обстоятельствах не могли бы сойтись. Разные, но в чем-то похожие.

– Одной бедой мы похожи, милорд. Не могу понять, к чему вы клоните?

– Опять к смеси запахов. Ты не пахнешь Аштаром, княжна, и никогда им не пахла. В отличие от Мариты.

– Что? – я воскликнула от изумления слишком громко.

– Тихо. Пойдем на балкон. Я не был уверен, должен ли сообщать тебе, но ты ей близка, потому лучше знай. Чтобы мне еще и в ее проблемах не пришлось разбираться.

Я на свежем воздухе часто задышала и бесконечно оглядывалась назад, переспрашивая для уверенности:

– Это точно?! Я про запах. Но этого не может быть, милорд! Она бы ни за что так не опустилась!

– Опустилась? – дракон усмехнулся. – Спокойнее, княжна. Ничего настолько вопиющего у них не было – скорее всего, объятия. Может, поцелуй, но не больше. Но твое осуждение смешно. Особенно после того, как ты ее пыталась приткнуть в любовницы к любому шелле.

Элвин, к сожалению, верно заметил, хотя и расставил немного другие акценты, которые сразу переворачивали всю историю иным боком:

– Вы не понимаете, это не осуждение, а страх за нее! Аштар не сделает ее свободной от отца, у него прав еще меньше, чем у шелле, но смертный приговор он ей подпишет. Как же я была слепа! Ведь уже давно понимала, что она в него влюбляется... да и она ему сразу понравилась, он этого не мог скрыть... О, теперь понятно, почему она беспокоилась только о том, что подумает Аштар о нашем переезде! Когда же она успела так влюбиться? Как мало надо времени, чтобы влюбиться? Боги, что же будет?

Элвин над моими тревогами почти смеялся:

– Что будет, решат не боги, а сама Марита. Выдохни, княжна, это становится слишком забавно. Запах едва уловимый. Возможно, она просто споткнулась, и Аштар помог ей подняться. В процессе случайно потерся губами о ее губы. Неловкое движение, на свете и не такое случается.

– Вы надо мной издеваетесь, милорд? – поняла я.

– Немного. И уже пожалел, что вообще об этом сказал. Бедная Марита, с такой защитницей нет ей спасения.

Но я сокрушенно покачала головой:

– Просто если может спастись лишь одна из нас, то я уступила бы ей эту возможность. Но если вы чуете чужой запах на ней, то и Майер сможет – выходит, что Марита сама упускает свой шанс с ним. Даже если он завтра в нее влюбился бы без памяти, если бы назвал своей фавориткой...

Элвин устало вздохнул, совершенно не разделяя мою тяжесть:

– Если Майер влюбится, то ему будет плевать, кто целовал ее и кто был с ней до него. Всем на это плевать, если влюбляешься по-

настоящему. А драконы наполовину любить не умеют. Я ни за что не поверю, что у рыжей красавицы в ее селе не было какого-нибудь ушлого сына кузнеца, который уже добрался до ее губ.

Про поцелуи я не знаю, мне было неудобно с подругой заводить такие темы. И ведь поцелуи не всегда остаются только поцелуями, если чувствам потакать. А у нашего великого князя по поводу невинности особый заскок, но там и о влюбленности речи не ведутся. Надо будет как-то оградить Мариту от Аштара, чтобы они не совершили непоправимого. Или Элвин прав? Мариту может спасти только Марита? Я так глубоко задумалась, что не уловила его приближения – дракон шагнул ко мне и наклонился, чтобы наши глаза стали вровень.

– ...они раньше были, княжна?

Что? О чем он спросил, я пропустила начало предложения. Но сама поза была однозначной, особенно на фоне последней темы. Мы стояли здесь, на балкончике, который виден со двора – и в такой близости, когда между нашими лицами не больше длины пальца. Я кожей чувствовала его дыхание! И меня странно затрясло, я нередко волнуюсь в его присутствии, но эта дрожь была принципиально иной – трудной какой-то, тянущей вниз. Элвин хочет меня поцеловать? А я что же сделаю, если действительно хочет? Меня никто не целовал, кроме мерзкого жениха, никто даже не приближался настолько, чтобы я ощущала губами чужое дыхание и сама боялась выдохнуть, ведь тогда и он ощутит мое...

Я невольно посмотрела на его губы, от чего бросило в жар, как будто меня в котел с кипящей смолой бросили. Бесконечно красивый, интересный, странный, отстраненный дракон, который часто улыбается, но не сейчас – губы сложены, будто он сосредоточен, ждет... или охотится? Богиня, спаси меня от этого соблазна! А если Марита с Аштаром чувствуют такое же притяжение, то, может быть, у них и выбора-то не было? Ведь у меня сейчас даже разум испаряется! Далекий и близкий Элвин, чужой, не мною любимый...

Я резко отстранилась, вспомнив о Хинанде. Клянусь, не будь ее, то я сама бы его поцеловала. Но эта девушка встала на мою защиту, когда никто не захотел! Дело уже давно не в страхе перед ее ревностью, а в уважении к ней конкретно и к их паре.

– Ты чего, княжна? – Элвин от моего маневра вскинул бровь. – Замерла, как будто я тебя ударил, а теперь смотришь как на врага империи. Я спросил – какого цвета у тебя были глаза?

– Что? – я пискнула и с трудом задышала. – А-а... зелено-карие... в смысле, почти зеленые, но... А что?

– Значит, я не ошибся, – он улыбнулся довольно. – Твои глаза стали серыми. Ты не заметила, когда это произошло? Это так демонская магия работает?

Я вскинула обе руки к щекам, но мне требовалось зеркало, чтобы убедиться в изменениях. То есть он мои глаза разглядывал, пока я себе всю свою загубленную жизнь перед глазами прокрутила? О боги, меня нужно отправить к лекарям – пусть проверят мою голову!

– Не заметила! – нервно сказала я. – Мне нужно срочно посмотреть! Спокойной ночи, милорд!

Позорное бегство выглядело самым лучшим выходом из настолько неловкой ситуации, а дракон, быть может, даже и не угадал причину моей взвинченности. Хотя, безусловно, скачок эмоций заметил.

Зеркало в нашей новой комнате подтвердило: радужки изменили цвет на чистый серый оттенок, каким бывает старый мрамор, только с ровными прожилками, расходящимися от зрачка подобно темным лучам. Довольно необычно, и будто само лицо от этого стало выглядеть иначе, хотя в чертах я никаких трансформаций не уловила. Надо же, какой необычный цвет...

– Айса, ты чего там разглядываешь? – позвала Марита.

Она уже разобрала постель и сияла счастьем под белоснежным пуховым одеялом. Но я глянула на нее строго и подбоченилась – почти как собственная мать:

– Обо мне потом поговорим! Сначала расскажи, что у тебя с Аштаром!

Она тотчас насупилась и начала отбиваться:

– Или ты сначала расскажи, что у тебя с драк-шелле Ео!

– У меня с драконом ничего!

– Вот и у меня с демоном ничего!

Она отвернулась спиной. Я в том же раздражении переделалась в ночную сорочку и заняла свободную половину кровати, потянула на себя часть одеяла, чтобы тоже этой нежностью насладиться. Оно было

большим – с лихвой на обеих хватило бы, если бы мы не улеглись на самые края постели. Потому мне пришлось нехотя пододвинуться к подруге. И она поступила так же. Полежали, попыхтели, повздыхали. А потом Марита прошептала почти неслышно:

– Я сама знаю, что это ошибка. Что если даже Аштар захочет – не сможет меня освободить. И больше такого не повторится. Просто... Знаешь, Айса, когда я смотрю на него – я будто другой делаюсь. Той, которой все становится неважным, даже собственная судьба, лишь бы хоть разок прикоснуться... Той, на которую мужчины всегда смотрели, а мне нужно, чтобы смотрел только один. Не вижу его недостатков, не слышу его грубых слов, а каждый его взгляд как будто пером по коже. Да где тебе понять, если я сама этого не понимаю?

Я, наверное, совсем-совсем немного понимала. Но ее надо было приободрить:

– Да ты так еще скоро поэтессой станешь! Ишь, куда тебя науки завели, даже меня от твоих описаний пробрало, так красочно вышло! – похвалила и все же закончила вопросом, который беспокоил: – Вы целовались, Марита?

– Один раз, – она почти прохныкала. – Сегодня. Вышли из столовой, коснулись руками неловко – и мир остановился. Я даже не помню, как мы начали, а потом оттолкнули друг друга и в разные стороны унеслись. Не смейся и не злись. Я сама на себя позлюсь за нас обеих.

– Не буду. Спи, Марита, и пусть богиня подарит тебе смирение.

Мне даже такое признание было в диковинку – каким-то преувеличенным, слишком эмоциональным. Но раз подруге трудно, то от меня требуется только помощь. Все-таки как хорошо, что Элвин просто рассматривал мои глаза, а все остальное я надумала!

* * *

Засыпая, мы не подумали об одном – о моем незагруженном учебном графике. Потому я попала в небольшую неловкость: ранним утром я не пошла с Маритой на завтрак и еще часок повалялась в постели с книжкой. Потом собралась, причесалась, направилась на выход, а дверь из гостиной в коридор оказалась запертой. Хлопнула

себя по лбу – ну, конечно! Элвин наверняка слышал, как Марита уходила, и решил, что мы с ней побежали в общую столовую вместе, потому отправился на свои занятия и затворил дверь. Скорее всего, если постучу – мне снаружи откроют слуги. Но я, честно говоря, не так уж сильно рвалась на урок географии, чтобы изобретать хоть какие-то стратегии. Экзамен по этому предмету я определенно сдам на высший балл, мой класс еще даже не перешел к изучению других стран и материков.

Потому я пожалала плечами и решила устроить себе свободное время в шикарном апартаментах. Мне этого немного не хватало – изящных картин на стенах и широких пространств. После княжеского замка жизнь в малюсенькой комнате на двоих была непривычной, поначалу немного давила теснота, а здесь обстановка даже роскошнее, чем дома. Я покрутилась возле камина, вспомнила несколько балльных танцев, напевая мотивы себе под нос, потом пошла в столовый зал – взяла с блюда кусочек мармелада, который подавали то ли на завтрак, то ли на ужин, прошла вдоль почти всего помещения, замерла перед открытой спальней Элвина. Мне и туда хотелось зайти, но я удержалась. Лишь издали заглянула, зацепив взглядом край большой кровати и шкафа для одежды. Зачем мне это любопытство? Да и дракон может потом почуять, что я там была – будет очень стыдно.

Вернулась вприпрыжку назад, а в кабинете, который был проходной комнатой от дальнего коридора к столовой, осмотрела книжные полки. Элвин наверняка позволит мне прочитать вон тот исторический роман про период правления императора Ринтао. Книгу, однако, в руки брать не стала – сначала спрошу разрешения.

И как раз когда я намерилась вернуться в гостиную, услышала вдали голоса. Похоже, владелец хором вернулся, и не один. Я было выглянула из кабинета, но остановилась, поняв, что Элвин с Хинандой говорят о нас. Демоница смеялась:

– Да перестань, Эл! Конечно, я заберу Айсу с Маритой к себе, никаких проблем не вижу. Я не настолько неуживчива, как шутит Майер!

Я была рада услышать, что она не против его решения и, как я и надеялась, позовет нас к себе. Но голос Элвина прозвучал достаточно сухо и однозначно:

– Я сказал – нет. Они останутся здесь.

– Но почему? – она все еще посмеивалась, хотя я уловила появившееся напряжение. – Да, мои покои не такие громадные, но почему-то уверена, что наши бродяжки не откажутся пожить в стеснении!

Мы с Маритой бы не отказались, только благодарили бы громко, а подслушивать – очень нехорошо. Мне следовало или выйти к ним, или тихонько удалиться в свою комнату, но я не могла себя заставить сдвинуться с места. Особенно после того, как Элвин повторил:

– Нет. Я тебе это еще десять раз скажу, если недостаточно очевидно. Они будут жить здесь.

Хинанда перестала разыгрывать радушие – у меня от смены ее интонации мороз по спине пробежал:

– Неужели? Я так понимаю, что одну из них – рыжую – я вполне могу забрать. Угадала? Ты бы Мариту даже не позвал, если бы она не шла в комплекте с маленькой княжной. Не пора ли объясниться, дорогой?

Он ответил, будто уже успел это обдумать и не собирался уступить:

– Просто так я буду уверен, что она защищена. Если возможный убийца окажется настолько нагл, чтобы пробраться в наш корпус, я хочу оказаться через стенку, а не на другом этаже.

– Ого! – Хинанда начала изливаться ядовитым сарказмом. – А я, получается, безобидный котенок, который не сможет никого защитить? Тебе напомнить о составе моей крови? Там не так уж много ингредиентов: демоны, демоны, любовь к тебе, ярость, еще два раза демоны и умение столовой зубочисткой остановить хоть целый отряд наемных убийц! Сомневаешься? Где у тебя здесь зубочистки?

Элвин говорил спокойно:

– Хин, я не это имел в виду, не перекручивай.

– То есть я перекручиваю?! – морт-шелле уже слишком сильно подняла тон, так скоро и кричать начнет. – Какой там убийца, Эл? Какой-нибудь жалкий недотепа, которому старый демон когда-то крови попил, вот он и решил отыгаться на невесте Зохара! По-твоему, я не смогу остановить такого придурка, если он заявится?! Или уже начнешь говорить прямо?

Элвин же по-прежнему произносил слова размеренно, как будто вообще не заразился ее раздражением:

– Я прямо и говорю – нет. Они останутся здесь, потому что так мне спокойнее. Это все? Или еще поругаемся?

– Мы только начали! – она немного по-звериному зашипела. – В прошлый раз ты мне все объяснил – и я поверила! Ведь дракон, если любит, на другую не посмотрит! И что же мне делать, дорогой, если ты смотришь? Уже только дурак не заметил, что ты на нее смотришь! Еще вчера я хотела ее защитить, спасти бедную девчонку от печальной участи, но сегодня – снова прикончить. И, право слово, ты этому заметно способствуешь!

– Не придумывай, – Элвин все еще пытался ее успокоить, но это вряд ли помогало:

– Seriously? То есть ты каждого студента в университете по запаху со ста шагов узнаешь? У каждого пытаешься угадать настроение и ловишь любые изменения эмоций? Каждого притащил бы сюда и не выпускал, даже рискуя поругаться со мной или вызвать шуточки Майера! Ну, давай уже честно!

А ведь она права – он действительно ловит мою радость или расстройство, но я считала, что у него это получается неосознанно, со всеми, с кем общается. И иногда он был так точен в формулировках, что я лишь диву давалась. Я заволновалась – и сейчас Элвин наверняка уже знает, что я здесь: слышит звуки моего присутствия или ощущает мое волнение.

– Ну... может, не каждого, – Элвин будто задумался. – Но это просто любопытство. К магии, которой я раньше не встречал. Представляешь, Хин, у нее вчера цвет глаз изменился...

– Цвет глаз?! – от такого вопля даже дверь, за которой я стояла, дрогнула. – А реснички у нее на полмиллиметра не выросли?! Ты надо мной издеваешься?!

– Да нет же, Хинанда, перестань себя накручивать, – его голос сделался мягким и почти вибрирующим нежностью. – Это просто интерес. Неужели ты думаешь, что я стал бы тебя обманывать?

– Не думаю, – демоница вдруг за секунду остыла и заговорила совсем тихо: – Не обманывал бы только ты сам себя. Знаешь, раньше весь мир твердил, что мы не можем быть вместе – и я ни на секунду в это не верила. Но теперь впервые за все время усомнилась. Не мир нас разлучит, Эл, никто на это не способен. Кроме нас.

– По-моему, ты слишком сильно разошлась из-за моей пустой прихоти, – дракон, кажется, улыбнулся.

Но невеста ему ответила холодно:

– Если ты осознанно морочишь мне голову, Эл, то я даже тебе такой обиды не прощу. До завтра, мне надо остыть.

– Хинанда, да подожди ты!

Ответом ему был грохот, с которым демоница хлопнула дверью.

Вот такой разговор я точно не должна была застать. А теперь мялась в кабинете, пытаюсь провалиться сквозь землю. И почти не удивилась, когда он позвал:

– Выходи уже, княжна, я чувствую, что ты там.

Я резко вдохнула и распахнула дверь. Сразу же извинилась:

– Прошу прощения, милорд, я просто не знала, куда деться. Я не хотела стать свидетелем, но растерялась. И мне жаль, что вы поссорились!

– Не обращай внимания, княжна. Хинанда ведь демон, для них это нормально – иногда поднимать тонус в отношениях, они без острых эмоций жить не могут. Не хочу разочаровывать, но причина вообще не в тебе. Не было бы тебя – покричали бы на другую тему. Боги свидетели, далеко не в первый и не в последний раз. За это их расу некоторые ненавидят, а я ценю каждое нескучное мгновение.

Он широко и вообще без напряжения улыбался, словно сам был уверен в правдивости сказанных слов, и я тоже в ответ выдавила неловкую улыбку:

– Тогда слава богам, что ничего серьезного. Ладно, я оказалась тут запертой, но теперь мне оправданий нет – потому побегу на следующий урок.

Он забавно и почти виновато скривился:

– Вообще-то, это моя оплошность. Я запер тебя и думал вернуться раньше, но сначала меня задержал директор, а потом Хинанда. Чувствовал, что ты еще в комнате, когда уходил, а потом хотел увидеть до твоего класса.

– Увидеть до класса? – я повторила почти эхом. – Зачем?

– Я не успел придумать. Не знал же, что опоздаю, и тебе придется спрашивать об этом вот так в лоб. Ну, допустим, я собирался показать тебе, как отпирается замок. Да, теперь сам слышу, что звучит предлогом. Надо было лучше подумать. Или не опаздывать.

Он в этот момент не улыбался, а выглядел сосредоточенно и немного обескураженно, как если бы сам удивлялся тому, что произносит его рот. И я осторожно уточнила:

– А ваша невеста и друг не преувеличивают, что ваше внимание уж как-то слишком зациклено на мне?

Он тряхнул головой, как если бы пытался отогнать какую-то мысль:

– Черт, теперь и мне так начинает казаться. Я же твое присутствие уже через несколько стен чувствую, – он ответил, но вдруг вскинул голову и бодро добавил: – Ладно, не важно, пойдем покажу, что делать с замком.

А по-моему, это было как раз важно. Но не переспрашивать же! Даже если от непонимания у меня пальцы затряслись. Интерес у него ко мне есть, это точно. Но обычное ли любопытство или что-то большее, раз он сам удивляется?

Элвин окончательно перемешал мои мысли, когда перехватил мою руку, потянул на себя, но потом развернулся и прижал к замку, поясняя:

– «Тъяс» – это заклинание. Совсем простое, но сработает с твоим именем – я в затвор добавил, чтобы вы с Маритой могли пользоваться, когда меня здесь нет.

Я постаралась аккуратно вытащить свою ладонь из его захвата, а под иронией скрывала скачущую прыжками нервозность от безрезультатности попытки:

– А разве вы знаете мое имя, милорд? Удивлена, ведь вы меня только «княжной» всегда называете.

– Проверь на замке, княжна.

Я и прошептала, раз он снова направил мои пальцы к скважине:

– Тъяс Айса!

Затвор тут же щелкнул. Наверное, это бытовое заклинание, которое подвластно даже человеку без магических сил. Удобно. Но руку-то теперь как вернуть? Элвин поднял ее ладонью вверх и зачем-то закрыл глаза. Может, пытается уловить какие-нибудь новые запахи? И для этого ему непременно нужно слегка поглаживать мою кожу большим пальцем. Затем тихо, задумчиво произнес, но как будто обращался больше к самому себе:

– Это не романтика, княжна, точно не она. Наверное, ты просто забавная и странная, вот я и не могу оторвать от тебя внимание. А остальные надумывают. Майер – потому что заражен общим недоверием к моей помолвке с морт-шелле. Хинанда – потому что в принципе готова ревновать даже к табурету. Но это не романтика, не может быть она.

– Вот и славно... – прошептала я, а сердце затрепыхалось у самого горла. – А то бы мне не хотелось расстраивать Хинанду. Сразу по нескольким причинам. Я, пожалуй, пойду, если вы вернете мне все мои конечности.

Прозвучало действительно иронично – я весьма постаралась, чтобы так и получилось. И Элвин усмехнулся, немного сбавляя повисшее между нами напряжение. Отпустил и руку, и меня. А мне еще половину следующего урока казалось, что кожа горит, как будто он все еще ведет по ней большим пальцем.

Глава 12

Про Элвина я думала недолго. Вернее, думала, пока не дозрела до простого вывода: это я ошиблась, что сознание долгожителей ничем не отличается от обычного человеческого! Они просто обязаны мыслить другими категориями, иначе относиться к событиям и с нашей точки зрения быть немного странными. Удивительно было бы, если бы двухсотлетний драк-шелле был бы мне так же понятен, как мясник в нашем замке. Вот мне и сложно осознать, что у них там в их головах творится, мне не дано этого понять! Успокоившись этой мыслью, я перешла к следующей.

Хинанда в порыве ревности выдала ту самую версию, которая у меня была первой: кто-то хотел отомстить вовсе не мне, а негодяю Зохару, убив его невесту. Но на тот момент я думала, что знаю всех, приехавших из Седьмой Окраины, а Аштара и Мариту давно не подозревала. И выпустила из головы еще одного человека – повариху Тайшу. Прохладное знакомство с той теперь заиграло новыми красками. Мы встречались с ней еще пару раз в общестуденческой столовой, но землячка лишь сухо и вежливо отвечала на мои приветствия. Да, простая работница не была обязана бросаться мне на шею от восторга, но на воспоминание о моей матери она частичку тепла отыскала, со мной же спешила как можно быстрее распрощаться. И Зохар определенно мог ей чем-то навредить – ей самой, сестре, матери, прабабушке или кому угодно, из-за чего можно захотеть навсегда покинуть Имельское княжество и желать зла обидчику. Чем больше я об этом думала, тем сильнее казалось, что все линии на Тайше и сходятся. А кто еще мог беспрепятственно войти в комнату шелле и взять перстень, если еду подают прямо в покои Элвина? Кто мог украсть ключ от нашей комнаты? Ведь повара наверняка живут где-то неподалеку от прочего персонала, включая уборщиц и ключниц. За каких-то пару часов я смогла придумать Тайше и мотив, и все способы осуществления уже произошедшего.

Единственное, чего я так и не смогла сделать – возненавидеть ее за риски, которым она меня подвергла. Вполне возможно, бедная женщина живет в ненависти к старому демону десятки лет, но раньше

она не имела шанса Зохара даже уколоть. И тут являюсь я – хоть какая-то отдушина для истерзанного сердца. И ведь она старалась сделать все возможное, чтобы, кроме меня, никто не пострадал и никто не ответил за мое убийство. Я думала почти целый день, а потом решила сделать тот же ход, который уже предпринимала и который привел меня к победе: пойти, открыто посмотреть в глаза и рассказать честно, как есть. Можно начать с того, что Зохара моя смерть расстроит максимум на десять минут, а в ненависти к нему я точно на ее стороне.

Мне пришлось долго ждать после ужина, когда повариха освободится. И Тайша явно не спешила, она могла бы выйти ко мне на несколько минут, отложить ненадолго посуду или нарезку бекона, но предпочла заставить меня ждать. И, как ни крути, это тоже знак – женщина не горела желанием разговаривать со мной вообще или даже догадывалась, для чего именно я так назойливо вытаскиваю ее на беседу. Скорее всего, она вообще улизнула бы в здание для персонала, если бы я не караулила ее.

– Тайша! – я позвала решительно, когда та все-таки вышла. – Мы обязательно поговорим, чтобы ты не наделала других глупостей!

– О, сударыня? – пожилая повариха фальшиво удивилась. – Все-то ждете? Я уж думала, вы отправились почивать. Что-то случилось?

– Да! – я сделала еще шаг, но остановилась на небольшом расстоянии. Опасливо поежилась и предупредила: – Только попробуй на меня наброситься – я сумею за себя постоять!

– С какой стати мне на вас набрасываться? – она боязливо отступила, как если бы действительно не собиралась ничего подобного вытворять.

– Потому что ты два раза уже пыталась меня убить – руками шелле. Верно?

– Да что вы такое говорите? – она всплеснула руками. – Сударыня!

– Прекрати, Тайша, – меня раздражали ее неумелые попытки скрыть правду. И тогда я начала привирать: – Доказательства при нужде отыщутся! Если я укажу драк-шелле Ео на тебя, то уверена, что он почует твой запах и на перстне, и в моей спальне. Ты ведь знаешь, что бывает за воровство у шелле? О, смотрю теперь ты начала бледнеть!

Вряд ли запах на перстне до сих пор сохранился, уж слишком много времени прошло. Но мне нужны были ответы сейчас, потому что стоило надавить.

– Сударыня Айса! – она почти взвизгнула и замахала руками. – Зачем вы на меня наговариваете? Какой перстень? Зачем мне вообще желать вам зла?

Я покачала головой и уже без опаски подошла к ней совсем близко – женщина перепугана тем, что поймана, сейчас точно не поднимет на меня руку. И никогда не поднимет, если я успею сказать ей то, что собиралась:

– Но я здесь без Элвина Ео, как видишь, то есть пока не хочу для тебя неприятностей. Я предполагаю, что ты за что-то ненавидишь моего жениха, но будь уверена – я ненавижу его не меньше. Да и он ко мне большой любви не питает. Подумай об этом, Тайша, если решишь предпринять новую попытку. Стоит ли оно того? Ведь ты выглядишь хорошим человеком, который вряд ли хочет убивать таких же жертв Зохара, как ты сама.

Тайша вдруг успокоилась, выпрямилась и начала бездумно поправлять темно-коричневую юбку, засаленную по бокам в местах, не прикрытых фартуком. И отвечала, глядя мне прямо в глаза, решительно и немного надменно, что может себе позволить лишь тот, кто абсолютно уверен в собственной правоте:

– Вы не ошиблись, сударыня, я хороший человек. Наверное, что-то дурное делала, но за всю свою жизнь никому большого зла осознанно не причинила! Сердце у меня доброе – иногда я сама от этого страдаю. А жениха вашего, великого князя Седьмой Окраины, клянусь богами, ни разу не встречала.

– Может быть... – я немного растеряла свою уверенность. – Но про Зохара ты точно знаешь!

Она округлила глаза, уже почти напирая на меня:

– Конечно, знаю! Про него такие страшные сказки рассказывают, что я с детства мечтала в Центрину уехать и жить здесь, подальше от тех историй, которые частично могут оказаться правдой. Я из семьи свободных купцов, нас великий князь никогда особенно не обижал, ведь от торговли идет хороший налог в казну Окраины. Да и красивых девок мой род не производил – в этом наше счастье. Но я все равно не хотела оставаться там, а отец, понятное дело, не желал меня из дома

отпускать. Знаете это ощущение всех отцов нашей Окраины, когда попрощаться с дитем страшно, а оставить еще страшнее?

Она замолчала, чтобы перевести дыхание. Эту же историю вкратце я от нее уже слышала при нашей первой встрече. Но сейчас не перебивала, надеясь уловить хоть какую-то дополнительную подробность, способную меня убедить в одной из версий.

– Продолжай, – потребовала я.

– А княгиню Имельскую, вашу матушку, я встретила, когда мы шелка для платьев в замок привозили, задолго до вашего рождения. Она ненароком услышала мои разговоры с отцом, а потом подошла и пожелала: пусть случится со мной счастье на чужбине, раз я остаться в родных краях не хочу. И пообещала помочь с оплатой за учебу и устройством. Прекрасная женщина с чутким сердцем, никогда ее поддержки не забуду! Я в Радожке на повара выучилась, потом в университет на службу приняли, замуж за хорошего человека вышла, он тут же в работниках служит. И пусть жизнь моя непроста, но я не вздрагиваю по ночам от мысли, что утречком придет великий князь и заберет меня или детей моих себе на потеху. В Седьмой Окраине иначе: мы там все ели страх вместе с хлебом.

Я отвела от нее взгляд. Рассказ либо очень хорошо продуман, либо является чистой правдой. Ну и зачем ей вообще меня убивать в таком случае? Или она прекрасно разыгрывает невинность. Я задумчиво спросила, заранее уверенная в ответе:

– И больше здесь нет никого, кто знал бы и ненавидел Зохара до желания меня убить?

Тайша снова заволновалась и начала причитать, как будто убаюкивала мою бдительность искренним участием:

– Среди работников никого нет! А про студентов вы и сами знаете, я видала вашу троицу за ужином в столовой. Кто-то нападал? Почему же вы в охрану не сообщили? Здесь много родовитых студентов учится, так и вы не из простых – если есть угроза...

Я перебила:

– Нет, не надо ни с кем говорить, Тайша. И я все еще тебе не верю. Просто пока не могу придумать другой мотив. У тебя глаза горят, когда ты про маму мою говоришь, ты определенно не захотела бы убить ее дитя просто так, без весомого повода. И даже ради какой-нибудь мести Зохару – вряд ли...

– Мести? – Повариха тоже задумалась. – Если уж убивать из такой мести, так сына его. Хотя до демонского отродья и лысый черт не доберется... Ну тогда скорее вашу подругу, которая ему в наложницы отписана! В мире меньше найдется девиц благородных княжеских кровей, чем с ее личиком. Но и ее за что? Сомневаюсь, что бедняжка сама выбрала судьбу стать любовницей жуткого чудовища...

Я развернулась и ушла, не попрощавшись и не дослушав ее рассудительные причитания. То, что она осведомлена об Аштаре и Марите, меня не удивило: служанки и в нашем замке меж собой все сплетни обсуждали и часто знали больше многих господ. Но Тайша правильно сказала – если бы мстили Зохару, то и Марита попадала бы под удар. Хотя до нее просто очередь могла не дойти, и надо предупредить подругу, чтобы тоже на всякий случай остерегалась.

В покоях Элвина уже давно все разошлись, время было позднее, но Марита меня ждала и рассказ выслушала. Однако смогла лишь в ответ пожать плечами: дескать, и сама не знает, можно ли обвинять Тайшу. Ведь я по ее душу побежала только по той причине, что других подозреваемых нет, а заодно из-за того, что она со мной была недостаточно приветлива в первую встречу. И это какой-то не совсем верный подход. Если виновна Тайша, то она меня услышала. Если же не она, тогда и вовсе никто. Неужели просто совпадение, и никто меня на самом деле подставлять не собирался? Тогда отныне и до самого моего отъезда из университета наступит приятное затишье.

* * *

Затишье действительно наступило. В совпадение я поверила бы легче, если бы записку не подложили Хинанде – это было слишком рискованно, чтобы на такое пойти ради банальной шутки. Но ничего плохого больше не происходило. То ли Тайша передумала, то ли неведомый убийца не мог теперь до меня добраться. Мы ходили с Маритой на уроки, обедали и завтракали в общей столовой, обычно под присмотром Аштара, но на ужины оставались в покоях, не рискуя выходить в вечернее время. Мы как-то незаметно, но оттого не менее удивительно, влились в компанию шелле.

Хинанда тоже заходила – она некоторое время еще дулась и недовольно посматривала на жениха. Но Элвин вел себя так, будто его не в чем обвинить. И вправду, повода не было: он даже больше своих странных фраз при мне не произносил. Потому и Хинанда оттаяла, теперь она снова целовала его сразу после входа и улыбалась, а я улыбалась, глядя на них. Это хорошо, когда непонимание разрешается без серьезных волевых усилий и споров. Вот только Марита вообще не участвовала в плане по очарованию какого-нибудь герцога: то ли с меня брала пример, то ли действительно увлеклась науками и только по этой причине обычно старалась спрятаться в нашей спальне вместо расслабленных разговоров в гостиной.

Похолодало как-то слишком скоро – еще вчера мы бегали на улице в легких накидках, а сегодня мигом продрогли, едва выйдя из корпуса после урока по манерам. Дома, как и во многих приморских регионах, таких резких перепадов не бывает, потому нам обоим было непривычно. Мы с Маритой переглянулись и побежали в наш прежний корпус, поскольку там остались мои плащи с меховой оторочкой, которые я даже не думала еще распаковывать. Принарядились, покрутились возле зеркала и со смехом побежали уже в здание шелле. Накидка Марите шла чрезвычайно, а лисица на воротнике будто еще сильнее подчеркивала яркость рыжих локонов. Мы уже давно сговорились не наряжать ее, но с теплой одеждой у самой соседки была беда, потому обе решили, что выбора нет. Да мы теперь и гуляем только в дневное время и там, где много народу.

Марите нравилась добротная, красиво сшитая одежда – и она этого не могла скрыть. Да она вообще ничего не могла скрыть, особенно радости! Потому ее веселый бег вприпрыжку означал для всех свидетелей: посмотрите только, моя мамуся была бы в восторге, увидев на доченьке такую материю! Она так и доскакала до угла здания, а потом замерла. Я почти врезалась ей в спину, но даже переспросить не успела – разглядела причину резкой смены ее настроения собственными глазами.

Здесь, в небольшом уединении от посторонних глаз, в довольно прохладную погоду скрылась любовная парочка. Аштара я узнала по широкой спине и иссиня-черным волосам. А его подружке точно не было холодно – скорее наоборот... Мы отчетливо видели голое бедро, бесстыдно вынырнувшее из-под шерстяной юбки, чтобы обвить его

талию. Марита вскрикнула, а потом зажала рот ладонью, по которой потекли безудержные слезы. Я попыталась схватить подружку покрепче за локоть и увести отсюда, но и демон ее возглас услышал. Аштар оглянулся и тоже остолбенел – точь-в-точь как она сама.

– Марита! – Он тут же оставил свою почти любовницу без внимания и понесся к нам. – Марита, послушай!

– О чем тут слушать? – она закричала истерично, похуже ревнивой Хинанды. – Я ведь полюбила тебя, беса недостойного, а ты!

Полюбила? Я теперь и тащить ее перестала. Они же вроде бы только один раз целовались, зачем же она сразу его полюбить решила?

Аштар меня нагло от нее отпихнул, а красавицу схватил за лицо, нашептывая судорожными выдохами:

– Не плачь, Марита, только не плачь. Ты мне очень дорога, потому не плачь из-за меня!

– Дорога?! И у тебя язык поворачивается?! – она закричала еще громче. – Тот самый язык, который ты вытащил сейчас изо рта какой-то девки?

Та уже тоже поняла, что здесь лишняя. Недовольно покривилась, но ей хватило ума поспешить пройти мимо и не участвовать в этой ссоре. Аштар отстранился и произнес почти изумленно:

– Конечно. Я же демон. У каждого из нас внутри слишком много злости – ее обязательно надо выплескивать: в драках, в убийствах или страсти. Последнее – самое цивилизованное решение для демонов Центрины, если мы хотим жить в ладу с местными законами. Тебя я даже тронуть не могу, так куда мне следует направлять свою энергию? Ты точно уверена, что предпочтешь по несколько трупов в неделю, или все-таки мне лучше иметь нескольких любовниц в неделю?

Признание было столь диким, что Марита от изумления притихла и отступила от него, произнося слова теперь намного тише:

– Ты намекаешь, что... что так всегда? Даже если бы мы были вместе?

Он тяжело выдохнул, а из его рук заструился черный дым – наверное, знак очень дурного настроения.

– Во-первых, Марита, мы с тобой вместе не будем. Ты и сама это знаешь. Я могу любить тебя, могу разорвать ради тебя весь мир, но я не проведу с тобой даже одной ночи, чтобы тебе не пришлось потом за это пострадать. Во-вторых, – он явно не придумал это пункт,

поскольку закончил нелепым: – Я демон! Разве ты только сегодня узнала, что я демон? Так по какой причине ты сейчас льешь слезы: по своей несбыточной мечте или своим ожиданиям?

Она побежала от него сама, я через секунду рванула следом. Но через некоторое время Марита остановилась и развернулась с нервным криком:

– Мне нужно побыть одной, Айса! Я переночую в нашей комнате. Мне просто нужно побыть одной!

Я понимала, что она не в себе и очень переживает, но осторожно напомнила:

– Марита, опасность может грозить и тебе... Нам лучше пойти к Элвину.

Но она снова залилась горячими слезами и заорала, будто именно во мне разглядела врага:

– Иди к своему Элвину, иди! А меня пусть убьют сегодня же! Понятно тебе? Я имею право на свой выбор! Зачем мне жить с разбитым сердцем?

Я, конечно, оставила ее в покое. Но долго ходила перед дверью в общежитие, входила и подкрадывалась к нашей двери, надеялась, что она сама решит меня позвать. Слышала только рыдания. Неужели это так больно, когда сердце разбивается? Но ее злость на Аштара я разделить не могла. С моей точки зрения, он поступил не как демон, а как благородный рыцарь. Наплевал на свою симпатию, на ее влюбленность и сделал все возможное, чтобы выпустить пар каким угодно образом, только не за счет нее.

Уже темнело, а я все мялась и не знала, как правильно следует поступать хорошей подруге. Подошел Аштар, постоял немного рядом, помолчал многозначительно и сказал тихо:

– Иди, Айса, я пригляжу за ней.

– Уверен?

Лично я уверена не была. Но выглядел демон так, как если бы его сердце тоже сегодня разбили. И Аштар подтвердил эту догадку своей искренностью:

– Более чем. Пока моя Марита здесь, я спасу ее – от кого угодно, от себя и от нее самой. Я никогда не чувствовал такого, чтобы всё, кроме нее одной, сделалось неважным. Даже мои желания.

Я кивнула и пошла от него, но через два шага остановилась и оглянулась, чтобы произнести:

– Спасибо, Аштар. Хотя удивительно, что именно Зохар породил такого сына.

Он грустно усмехнулся:

– Наверное, потому что я всего лишь семнадцатый. Отец совсем меня не воспитывал.

– Рада этому! Но прошу – не склеивай сердце Мариты заново. Я раньше знала, что она к тебе привязалась, а теперь начинаю понимать, почему она привязалась именно к тебе. Но пусть ее сердце остается разбитым, если ты хочешь ее спасти. Ведь только шелле может ее освободить, а она даже не пыталась им понравиться, потому что смотрела в твою сторону. Спасется только одна из нас, но именно ее влюбленность в тебя выбила ее из этого соревнования. Понимаешь?

– Знаю. И знаю, что если она захочет, то очарует любого дракона или маг-шелле. Но ты решила заодно замучить меня еще и ревностью?

– Наверное, это справедливо?

Я этим вопросом и закончила наш разговор. Как все-таки жаль, что он почти такой же бесправный, как мы... Как же жаль. Даже если Аштар всегда будет жестоким демоном и распутником, он все равно многократно лучше своего папаши.

* * *

Знакомый слуга поздоровался со мной приветливо, распахивая дверь. Я вошла понурая, все еще размышляя о превратностях судьбы и слишком скорых чувствах, способных так терзать душу, но вздрогнула от радостных криков. В гостиной сидели четверо: Элвин, Майер и братья Кеймары. Маги и заголосили возбужденно при моем появлении, как если бы здесь меня давно ждали.

– А где злодейка? – успел спросить Майер.

Я не ответила, поскольку маги меня схватили за руки и потащили в центр комнаты: то ли закружить в непонятном танце, то ли разорвать, то ли заговорить до смерти. Они объясняли свой азарт, перебивая друг друга:

– Мы вчера наконец-то получили ответ отца, АЙСА! В смысле, мы сразу написали ему, когда узнали о твоём случае, но вчера получили его ответ!

– На какой вопрос? – я уже даже вырваться не пыталась.

– Мы ему рассказали, что тысячелетний демон вдохнул в тебя магию – и это изменяет твою внешность. Наш отец на сегодняшний день считается сильнейшим колдуном империи, ему нет равных! И уж поверь, он знает намного больше нас обоих. По крайней мере, он в точности описал саму процедуру и суть этой магии.

– А я описала не в тех красках? – я немного раздраженно уставилась на Витая.

Тот и ответил:

– Не в тех! Нам нужно было уловить зерно, которое сразу не уловили. В общем, твой случай его не удивил. Такое делают редко, но прецеденты были. Например, когда демону нужно жениться, а жена никак не вписывается в предпочтения! Или когда у старого демона рождается не слишком приятный внешностью отпрыск. Зверолюда такой ерундой не исправишь, но кривой нос сделать прямым вполне можно. Демоны, накопившие запас лет для такой магии, в прямом смысле вдыхают каплю силы, как субстанцию, которая может сидеть в человеке пару лет, постепенно его меняя и иногда создавая магический фон. Ну, как в твоём случае, когда тебе начали лучше прочих удаваться кулинарные заклинания! Но субстанции так мало, что она работает только на чистое демоническое колдовство, то есть на уменьшение. Демоны учатся и увеличивать материю, но для этого им нужно приложить больше усилий и иметь значительные способности, а твоей капли на то уже не хватает!

– И в чём причина буйства? – я все-таки смогла отнять у Витая руку. – Вы сейчас описали все, что мы уже знали. Ваш благородный отец тоже прыгал над письмом и восторгался непонятно чему?

– Вряд ли, – Веран заговорил спокойнее. – Но он натолкнул нас на одну идею. Мы с получения его письма из книг не вылезали. И сейчас у нас назрела гипотеза! Послушай! Только... – он неожиданно отстранился и улыбнулся многозначительно: – Только при условии, если ты хочешь стать сильнее.

– Хочу, – без раздумий выбрала я. – Даже если вы мою красоту вспять повернете – все равно хочу. Вряд ли это спасет меня от

замужества, но лучше быть сильной, чем слабой.

Я на этой фразе глянула на Элвина, ведь почти процитировала его совет. Однако он даже не заметил моего внимания – драк-шелле с интересом смотрел на друзей и ждал, когда они дойдут до главного. И Витай, услышав мое согласие, вновь прибавил интонации восторга:

– Это просто версия, Айса! Но мы искали во всех книгах хоть что-то, способное в данном случае помочь. Смотри, – он выдвинул передо мной сжатый кулак, – жених вдохнул в тебя силу, ее мало, но она есть. А магия колдунов, в отличие от демонской, как раз по природе своей направлена на увеличение! Что, если мы с Вераном сможем эту каплю в тебе нащупать и увеличить самыми примитивными заклинаниями? – Он показал раскрывающимися пальцами изменение размера. – Это примерно так же, как я могу усилить ветер. Строго говоря, не так же, но почему бы не попытаться?

– Давайте, конечно! – я теперь тоже вдохновилась. – Что нужно делать?

– Нет-нет, подожди, – охладил наш пыл его брат. – Ты не до конца поняла. Это только гипотеза – может слабо сработать, может дать нулевой эффект, а может привести к каким-то непредсказуемым последствиям.

– Мои глаза снова станут мутно-зелеными? – пошутила я. – Согласна!

– Нет же, – он все еще размышлял. – Вообще-то, анализ самой процедуры ни о каких серьезных последствиях не говорит – там нечему взорвать тебя изнутри, и магии слишком мало, чтобы тебя убить. Притом ожидаемый эффект весьма незначителен. Но вряд ли кто-то раньше это пытался сделать, потому черт его знает. Ты можешь выйти из этой комнаты уродиной. Или не выйти вообще, если скачок сил вызовет атрофию мышц, к примеру.

Последнее немного испугало. Хотя, может быть, великий князь не захочет жениться на калеке? Тогда риск еще более оправдан. Если бы я знала, что этот аргумент сойдет, то я бы сама себе ноги переломала. Я посмотрела на Элвина – он тоже скосил на меня взгляд. Он не подгонял и не уговаривал, просто ждал моего решения. А я именно в его глазах не хотела выглядеть трусихой. Драк-шелле мне никто, его одобрение для меня ничего не значит, однако одна чаша весов сразу поползла вниз.

Я снова глянула на магов:

– А если получится, и демонской силы станет во мне больше, то не означает ли это, что я и характером сделаюсь чуть-чуть ближе к демонам?

– Очень сомнительно, – неуверенно ответил Веран. – Хотя некоторая связь между природой магии и сутью ее обладателя имеется...

– Тогда приступим! – решила я. – Мне как раз этого в характере и не хватает.

Я не соврала – мне уже давно опостылело быть такой жалкой. И, вероятно, мне не столько магия нужна, сколько решимость. Прибавить бы хоть немного той ауры силы, которой обладают Хинанда и Аштар.

Глава 13

Обоих маг-шелле мой ответ, конечно же, сразу поверг в экстаз – они явно на него и надеялись. Витай побежал к креслу, поясняя:

– Мы выписали все возможные заклинания, способные увеличить нематериальные субстанции. И лучше подстраховаться, как мы обсуждали!

– Да, это обязательно! – Веран снова взял меня за руку, поворачивая к себе. – Самая сильная магия у драконов. Потому вначале мы воспроизведем тот же обряд, только не со старым демоном, а с молодым драконом. Майер или Элвин, поможете?

Поскольку Элвин не шелохнулся, Майер оказался рядом со мной, готовый содействовать. Мы оба внимательно слушали каждое слово:

– Ему всего двести – этого мало для передачи, но нам много и не надо. Суть вот в чем – нам нужно обнаружить средоточие твоей силы. Если повторить процедуру, то дыхание дракона прицепится к той же точке, хотя похожего результата не даст и почти мгновенно рассосется. Но это поможет направить уже наше заклинание.

– Хорошо, выполняю. Что делать? – Майер выглядел сосредоточенным.

Витай покрутил в руках исписанный листок и отступил на шаг, готовясь в любой момент начать. Ответил уже между делом:

– Просто попытайся собрать свою магию на вдохе, а потом выдохни ее в рот Айсе. Если подсветишь серебром или золотом, то будет еще удобнее.

Майер подался ко мне, но вдруг резко вздрогнул, а потом широко улыбнулся:

– Видимо, не я буду вдыхать?

– Не ты, – ответил Элвин, которого я только сейчас рассмотрела за его спиной.

– Брат, все внимание на Айсу! – скомандовал маг. – Следи, где осядет. Я сразу начинаю читать, ты присоединишься.

– Да, поехали!

После распоряжения Верана, Элвин шагнул ко мне, наклонился и зачем-то перехватил меня за затылок, как будто я собиралась его

отталкивать. Но у меня и мысли такой не возникло – я тоже загорелась идеей проверить безумную версию. Дракон и наклонялся как-то неспешно, не отводя желто-оранжевых глаз от моих, а зрачки его по мере приближения сужались. Его что-то напрягает в нашей позе? А! Он, наверное, магию на вдохе собирает!

Я приоткрыла рот и почти вскрикнула, когда заметила золотистый дымок, выходящий из его губ. Вот зачем он меня придерживал – я же от удивления могла отшатнуться. Но теперь даже подалась к нему ближе, чтобы не упустить ни капли бесценного дыхания. Наши губы слегка соприкоснулись. Это было лишним, но я не позволила себе потерять концентрации и ловила вдохом его выдох, который был очень и очень долгим. У меня аж в груди заболело, но я вся сжалась от очередного прикосновения его губ. Совсем легкий штрих – просто кожа к коже, а рука на моем затылке такая напряженная, как если бы она сама по себе размышляла, не притянуть ли меня чуть ближе, для еще одного подобного штриха.

– Хорошо, что Хинанды здесь нет, – раздался смешливый голос Майера. – Иначе полкорпуса бы разнесла... неправильно поняв, конечно.

На него никто не обратил внимания, поскольку Веран закричал:

– Вижу!

Он беспардонно оттолкнул Элвина в сторону, прижал ладонь к моей груди и с нажимом повел вниз и наискось влево. Там его рука остановилась, а сверху легла ладонь его брата. Они же меня дружно перехватили за спину, чтобы удерживать, пока давят на живот. Мне не было больно, а от заклинаний, произносимых дружным хором, немного кружилась голова. Маги перебирали все подряд, сами неуверенные, какое сработает. И продолжалось это несколько минут, но потом что-то резко изменилось. Меня сначала бросило в пот, а потом нахлынула слабость. Ноги подкосились, но Веран успел меня поддержать, осторожно укладывая на пол.

Я видела его обеспокоенное лицо над своим, он еще и зачем-то по щеке меня хлопал, как если бы я сознание потеряла.

– Айса, больно? Где именно? В том месте, где мы держали? – спрашивал он.

Нет, мне вообще не было больно. Я попыталась именно об этом и сказать, но почему-то не смогла разомкнуть губы. С растущим ужасом

ощущала, что не могу пошевелить даже языком, как и всем телом. Я чувствовала холодный пол, руку Верана под лопатками... но сумела только моргнуть. Паника накатила волной. Я часто задышала носом, вытаращила глаза. Хотя не уверена, что я их вытаращила – кажется, даже эти мышцы больше не поддавались моей воле.

– Я чувствую страх! – взволнованный голос Элвина раздался совсем рядом, но я только боковым зрением улавливала очертания его головы. – Она в ужасе! Что происходит?! Так, княжна, спокойно. Постарайся дышать ровнее. Сейчас разберемся.

– Парализация?! – Витай догадался первым. – Айса, не можешь двинуться?

Я с большим трудом моргнула. И надо мной нависли два подбородка – маги устроили консилиум прямо на месте:

– Скорее всего, сейчас пройдет, – Веран был достаточно спокоен, что ужасало меня еще сильнее. – Мы же что-то про это читали. Если все прошло успешно, то ее сила немного выросла, а тело не успело переключиться. Сейчас должно пройти, как только все нервные окончания перестроятся.

– Да, логично, – согласился с ним брат. – Но разве не вероятнее были судороги? Вернее, сначала судороги, потом кратковременная парализация, и затем перестройка нервных окончаний.

– Может, дыхание дракона предотвратило судороги?... Эл, как она?

– Плохо она! – рявкнул Элвин. – Перепугана до смерти! Давайте ее для начала хоть с пола поднимем. Я сам, – он почти ударил по руке мага. – Вы уже всё сделали, больше не надо!

Я подлетела вверх на сильных руках, но все еще не могла двинуть даже пальцем. И снова судорожно задышала носом, ведь это оставалось почти единственным умением, которое тело не потеряло.

– Она задыхается! – мелькнувшая щека Майера выглядела смертельно бледной. – Черт, мы убили девчонку! Просто так, как демоны, шутки ради!

– Не убили! – выкрикнул кто-то из магов. – А парализовали. И это должно пройти. Надо поискать в книгах – может, там и на это есть ответ. Пусть пока просто полежит. Но не давайте ей больше своего дыхания – мы не уверены, от чего это произошло! Вероятно, это и стало нашей ошибкой? Драконье дыхание помешало нормально развернуться демонскому?

А второй добавил решительно:

– Я уверен, что это временно! Просто тело не адаптировалось. Были бы судороги, так вообще никаких вопросов! А может, они и были, но никто не обратил внимания?

Майер их не слушал. Он дергаными движениями рвал завязки на моем платье, чтобы мне было легче дышать. И вдруг мой страх начал спадать: ну не могу я пошевелиться, не самая большая проблема, зато сейчас этот молодой человек в попытке меня спасти вообще мою грудь оголит! У меня под платьем нижняя сорочка, не решил бы он и ее разорвать.

– Не надо, – Элвин, вопреки здравому смыслу и всему происходящему, внезапно улыбнулся. – Майер, хватит. Иначе она задохнется от смущения, а не страха.

Майер понял, глянул на меня и отступил, скрывая выражение лица, хотя смешок я точно расслышала. Хорошо, что мы эту катастрофу смогли повернуть в забавное русло! Всем потихоньку делается смешно. Кроме меня, разумеется. Маги уже побежали к выходу, чтобы поискать в своих книгах возможное объяснение или лекарство, но и Майер почему-то предложил, хотя как будто сомневался или провоцировал:

– Я тоже с ними, наверное. Да, Эл, я лучше с ними? Вдруг именно я обнаружу нужную страницу с первой попытки, да?

– Иди уже.

Элвин после их ухода осмотрелся – в гостиной стояли только кресла. Потому развернулся, сделал несколько шагов и пнул ногой дверь в столовую, сквозь которую меня и понес.

– Не волнуйся, княжна, я просто унесу тебя в комнату. И раз ты перестала паниковать от такой мелочи, как завязки на платье, то значит, и остановить страх могла сама. Я несусь тебя в комнату. Не на полу же тебе лежать. И не на моих руках, ведь мы не знаем, сколько времени это займет.

Он пнул следующую дверь. А успокоить пытался тем, что постоянно что-то говорил:

– Ну вот, опять волнение. Сейчас-то от чего? Попытайся медленно выдохнуть. Да, я вначале тоже сорвался на Кеймаров, но теперь понял, что они вряд ли просчитались настолько сильно. Потому, скорее всего, они окажутся правы. Если и есть вероятность ошибки, то вызовем

сюда их отца. Отвлечется уж от дворцовых дел ради такого, я обещаю. Ну вот, теперь гораздо лучше. Дыши вот так. По-другому не дыши.

И правда, я уже делала вдохи размеренно, а от недавней внутренней истерики не осталось и следа. В конце концов, я ведь сама согласилась на эксперимент! И если все закончится очень плохо, то меня впереди точно не ждет свадьба с Зохаром. Я в любом случае выиграю.

Но снова немного забеспокоилась, когда меня положили на кровать. Возможности оглядеться у меня не было, но я поняла по росписи на потолке, что Элвин выбрал свою спальню, а не нашу с Маритой. И он сразу же пояснил, почуяв всплеск эмоций:

– Да, к себе принес. Потому что друзья прибегут именно сюда, когда найдут разгадку. Просто лежи. Я достану одеяло, укрою тебя. Или тебе жарко?

Он склонился надо мной и коснулся пальцами моей шеи, чтобы попытаться угадать ощущения. Вот теперь мне стало жарко. Особенно когда Элвин зачем-то продолжал их удерживать на моей коже. Где носит Хинанду?! Почему она не была со своими друзьями? Элвин усмехнулся и резко отстранился от меня. Я слышала, как он ходит по комнате туда-сюда и, наверное, прислушивается к звукам. Но маги не возвращались. Мне самой было понятно, что перелопатить даже несколько книг – дело не пары минут, придется подождать.

Но как раз когда я настроилась подремать, услышала голос Майера издали:

– Эл, всё точно в порядке! Но паралич может держаться несколько часов. Оказывается, такой эффект бывает при скачке потенциала или при использовании без подготовки сверхмощных артефактов. Успокой Айсу, а мы пока поищем способ ускорить перестройку организма!

Элвин стоял рядом с кроватью в этот момент и уточнил с улыбкой:

– Уверен, ты и сама все слышала. Потому теперь бояться нечего. Не знаю, как угадать, что тебе нужно. Но если что-то нужно – начни психовать.

Психовать я уже вообще не хотела. Майер не прибежал бы с новостью, если маги не были бы в ней уверены. Получается, мне нужно просто полежать в ожидании, ничего более ужасающего со мной не случится. И, если честно, мне стало очень приятно – я ведь видела, как все распереживались. Означает ли это, что я завоевала

прочное место в их кругу? Или они любому человеку не хотели бы случайно навредить? Тогда между мной и шелле не такая уж гигантская пропасть.

– Давай я тебя все-таки укрою.

Элвин вынул откуда-то мягкий плед и почти закутал меня в него. Постоял немного рядом, как будто оценивал дело рук своих, а потом вовсе улегся на кровать боком – всего в локте от меня. Я снова задышала чаще. А он зашептал с улыбкой:

– Знаешь, княжна, ты всегда волнуешься, когда я приближаюсь. И мне нравится, как вибрирует твоё волнение.

Конечно, я волнуюсь! Где носит Хинанду?! За таким распрекрасным женихом надо круглосуточно приглядывать! А от его тихого голоса хочется закрыть глаза и еще сильнее разволноваться:

– Я понимаю, что поступаю сейчас бесчестно. Ты совершенно беззащитна, а я этим пользуюсь. Поверишь, если скажу, что это самый бесчестный из моих поступков за всю жизнь? – он вдруг почти простонал: – Да-а. Эта вибрация действует как дурманящая настойка. Если бы я умел любить сразу двоих, то уже бы заподозрил, что к тебе равнодушен. Ничего, если я просто прикоснусь?

А-а! Я даже Аштара не могу позвать! Аштара, который охраняет сейчас Мариту, когда нужно охранять меня. Какой несчастливый вечер, в нем все неудачи совпали.

Элвин взял мою руку, вынул из-под пледа, согнул в локте. Щекотно провел пальцами по запястью. Потом откинул и резко встал с кровати. Снова заходил туда и обратно, но теперь молча. Что там с ним происходит? Он будто бы чем-то раздражен.

Снова приблизился, но опустил теперь на колени перед кроватью, снова протянул длинные пальцы к моему запястью.

– Ты беззащитная сейчас, и я не в праве. Потом скажешь мне, какой я подлец, хорошо? Я буду рад, если ты вообще будешь со мной разговаривать. Мне сейчас даже хочется, чтобы этот паралич продержался дольше – настолько долго, чтобы ты забыла о моей подлости.

Он притянул мою руку к себе и прижался губами к запястью. Я задрожала, но, похоже, это как раз упомянутое волнение, что он впитывает в себя с таким удовольствием и которому не может противостоять. Оторвал губы от кожи, но лишь для того, чтобы

перевести их на раскрытую ладонь и поцеловать туда. Прижаться губами и застыть, как будто в попытке с собой совладать. Наконец-то он приподнялся выше, я теперь могла его видеть и хоть глазами показать, чтобы прекратил. Но зрачки эти – тонкие, почти невидимые полоски – они вцепились в мой подбородок, перескочили на губы, замерли. Чуть приоткрытый рот Элвина выдавал прерывистое дыхание. Сейчас он меня поцелует – ясно как день! Не то, что мне тогда показалось на балконе. И не те штрихи-касания, которые были недавно в гостиной. Он собирается меня поцеловать по-настоящему! А если не только поцеловать?.. Интересно, благородные шелле способны на такую низость?

Но Элвин лишь завис надо мной и произнес, не отрывая взгляда от моих сомкнутых губ:

– Если меня приводит в восторг твой запах и вибрации твоего волнения, то что будет от вкуса? Я сойду с ума от счастья? Или я ничего не почувствую, как с любым другим человеком? Или Хинанда нас обоих потом сведет с ума от ревности? Или я ее – от чувства вины? Кто пострадает? Ну, кроме тебя, если учесть, что ты лишена права голоса.

Он точно спрашивал об этом не у меня, раз я все равно ответить не имела возможности. Но этими вопросами он запустил и мои мысли: а что почувствовала бы я? Меня целовал только мой жених, я даже толком не знаю, что это такое. Я бы сошла с ума от счастья, если бы меня поцеловал сам Элвин Ео? Или я бы почувствовала угрызения совести перед его невестой, которая определенно не заслуживает такого к себе отношения?

Но дракон все-таки не сделал ничего подобного. Он вновь сел на край большой кровати, отвернувшись от меня. Сказал после минутного молчания:

– Так я скоро и мысли твои читать научусь, княжна. Ты сейчас обязана была подумать: «Такие противоречия подошли бы демону, но никак не дракону. Драконы ведь не переосмысливают выбор, если выбор сделали. Драконы не бросаются из одних эмоций в другие и прекрасно себя контролируют, иначе драконы от демонов отличались бы только цветом глаз». И ты права, если подумала именно так.

Меня посетили совсем другие мысли, но сейчас я была рада, что не могу его перебить и потому дослушаю странный монолог до конца:

– Или прав Майер, который постоянно талдычит, что моя любовь к Хинанде есть всего лишь бесконечное уважение и восхищение ею? – Элвин немного подумал и ответил сам себе: – Нет, в этом он ошибается. Я не встречал ни одну женщину, которая была бы столь потрясающей, как моя Хин. Ты красива, необычна, по-провинциальному проста и в то же время очень неглупа, наивна и иногда парадоксально честна, но я не стал бы врать, что ты вообще способна с ней сравниться. Никто не способен. Уж тем более не человек с его коротким веком. Тогда что это? Я просто настолько давно ее знаю, что запутался? Был хоть один дракон до меня, который запутался бы в таком простом вопросе?

У меня на эту тираду возникли противоречивые эмоции: радость, что он все-таки вспомнил о наличии невесты, и небольшая обида – ни одной девушке не понравится слышать, что она никогда не будет прекраснее кого-то еще. Но ведь и я знала Хинанду – не самую красивую женщину, но самую впечатляющую. И хорошо, что Элвин все это проговорил вслух – хоть и для себя, но и для меня тоже. Припомню на случай, если запутаюсь сама в таком простом вопросе.

Я смогла дернуть пальцем, но что-то помешало мне сразу в этом признаться. Окоченение постепенно отходило, вызывая легкую дрожь в каждой мышце по очереди. И я снова промолчала об этом. Неужели просто хотела услышать от Элвина хоть что-нибудь еще настолько же сокровенное? Но он больше не говорил и не поворачивался ко мне. Драк-шелле будто так глубоко задумался, что даже перестал улавливать малейшие колебания моих эмоций.

Он молчал уже очень долго, а я мелочно продолжала таиться, хотя собственная цель мне не до конца была ясна. Но вдруг дракон вскинул голову, повернувшись профилем, и заговорил решительно:

– Княжна, всего, что сегодня произошло, просто не было. Мы об этом забудем – я приказываю по праву шелле. У меня, наверное, от усталости в голове перемешалось. Я уже нашел лучшую из лучших, я уже доказал всему миру, что это так. Всем доказал, включая моего отца, а он далеко не самый стоворчивый человек в империи. Но даже он понимает, что если дракон нашел свою женщину, то доводы не помогут. И по этой причине мне просто не нужна такая сумятица, и определенно мне не нужно всё остальное. Например, терпеливо ждать, как последний дурак, когда ты назовешь меня Элвином. Или, еще

лучше, Элом. Это просто бред. И ты, княжна, мне поможешь тем, что всё забудешь. Ни капли сумятицы больше, я приказываю.

Я разомкнула губы, чтобы произнести:

– Договорились, милорд.

Он резко обернулся, изумленно глянул на меня. И мгновенно вскочил, облегченно выдохнул:

– Ты можешь говорить? Отпускает?

Давно уже. Я, наверное, уже и встать самостоятельно сумею.

– Да, потихоньку, – улыбнулась виновато.

Но он смущения не заметил, а сразу же полетел в коридор:

– Сообщу остальным, что все в порядке! Они там переживают!

Я медленно села на его постели после того, как вдали хлопнула одна из дверей. И да, он все верно сказал – лучше сделать вид, что ничего странного в этой комнате не произошло. Нам бы с Маритой теперь вообще переехать обратно в наше общежитие, но я опасалась, что тогда она упустит последнюю возможность спастись. У нее разбитое сердце – и кто знает, на фоне такой душевной раны не может ли ей понравиться весьма привлекательный Майер или веселый, азартный Витай? Понравится ли она им – уже вопрос десятого порядка, лишь бы она хоть немного начала стараться. А всего этого просто не было, я ведь приказ от шелле и второго наследника престола получила! И плевать, что на одну секунду – или даже на половинку секундочки – мне хотелось, чтобы он все-таки поцеловал. Правильное слово выбрал Элвин – сумятица. И она никому не нужна.

Дополнительным аргументом стала Хинанда, которая прибежала вместе с остальными. Уже по ее гневным оговоркам я узнала ход событий: морт-шелле зашла к Майеру, удивилась, когда его не оказалось на месте, заглянула в комнату братьев Кеймаров и уже там узнала о произошедшем со мной. И сразу же села рядом с ними искать в книгах нужную подсказку. А потом еще целый час после благополучного разрешения называла магов безрассудными идиотами, а меня – тупой деревенской болванкой, которая чуть не вляпалась в большую беду по своему же позволению. Повторяла, что в другой раз, когда я решу прыгнуть со скалы, я обязана позвать ее, чтобы она выписала мне знатного пинка. Столько искренней заботы в ругательства может впихнуть только демоница. Противоречивая и яркая. Я слушала ее, кивала согласно, но притом в десятый и сотый раз

убеждалась, что если кто и воткнет этой прекрасной грубиянке нож в спину, то это точно буду не я.

Глава 14

Об успехе эксперимента я уже знала: телесный паралич как раз и являлся исчерпывающим признаком того, что организм не смог сразу адаптироваться к возросшему магическому потенциалу. И все равно радовалась как ребенок, получив тому доказательства.

– Айса, тебе начали еще лучше удаваться заклинания! – похвалила госпожа Ренкай на кулинарной магии. – Можешь снова спорить, но теперь я абсолютно уверена, что среди твоих предков все-таки был демон.

– Наверное, вы правы, – улыбнулась я.

И на садоводстве дела пошли лучше. Да хотя бы потому, что мы начали изучать тему уничтожения паразитов. Я получила за урок высший балл! Стоило немалых трудов, чтобы не рассмеяться довольно вслух: да, нам, демонам, в уничтожении нет равных!

Конечно, демоном я не стала и никогда не стану, но мне нравилось это ощущение кардинальных изменений в себе. Я даже присмотрела себе еще несколько дисциплин, требующих вложения магической силы, но директор наотрез отказал – заявил, что вначале пошел навстречу, хоть я и опоздала к началу триместра, но записывать меня в класс в такой близости от экзаменов совершенно бессмысленно. Я могу взять хоть двадцать предметов, но с нового триместра. А пока мне лучше сосредоточиться на том, чтобы успешно сдать уже выбранные.

Самую большую похвалу я получила на уроке магической защиты. Когда разогрелась и уже прекрасно освоила новый прием, в порыве схватки все-таки смогла стряхнуть с пальцев сероватый дымок – жалкий, едва заметный, не способный причинить вреда, но вызвавший неопишуемый восторг у моего напарника Сегора. После этого к нам подошел магистр Ин-Тар и некоторое время наблюдал за нашей работой. И в конце обратился к учителю нашей группы:

– Кажется, мы пропустили слабого демона. Присмотрись к этой неумехе. Если ее навыки будут соответствовать ее крови, тогда девицу лучше перевести в более сильную группу.

Для меня это был настоящий прорыв, и пусть я никогда не стану в драке равной Аштару, но мне было бы приятно приблизиться к противоположному концу зала хотя бы на шаг.

Первым делом, когда я увидела Витаю и Верана, спросила, можем ли мы повторить трюк. Ведь они тоже до одури обрадовались своей победе: она была показателем, что сыновья могущественного колдуна обещают в будущем стать такими же сильными и изобретательными, как лучшие представители их рода. А я согласна полежать недвижимой еще несколько часов. Но маг-шелле в голос разубедили:

– Никак нельзя, Айса. Невозможно раскачивать каплю до бесконечности, и мы сразу об этом предупредили. Скорее всего, твой предел уже достигнут. Шутки ради, можно попробовать повторить, но не раньше, чем через несколько месяцев, чтобы на тот момент нам пришлось увеличивать не песчинку, а хотя бы пригоршню.

Я поняла их доводы. И без того была безмерно благодарна. А цель свою увидела четко – пока мне нужно самостоятельно развивать то, что я получила, и после попытаться снова. Вдруг еще раз получится? И так, тысячу повторений спустя, я сделаюсь самой могущественной волшебницей на белом свете, шутки ради.

Вот только Мариту мои удачи оставили равнодушной. Она вообще теперь постоянно ходила понурая и заплаканная, пытаюсь пережить конец истории неслучившейся любви. Я пыталась ее поддержать, но нужных слов для того не знала. Не говорить же, что это даже хорошо? Хотя примерно это я и говорила:

– Марита, ты просто подумай о том, что вы все равно не могли быть вместе с Аштаром. Представь, что Зохар за тобой пришлет людей – насколько больнее было бы разлучаться с любимым, чем с молодым человеком, который только мог стать любимым?

Она хмуро глядела на меня:

– Ну да. А теперь ты представь, что твоя магия всего года на два, как было обещано. Что ж ты радуешься ей, как будто она с тобой навечно? Или просто смысл в том, чтобы быть счастливой сегодня, наплевав на то, что будет завтра?

Наверное, Марита просто не понимает, каково это – обладать силой, которой нет у людей, каково ощущать магию на кончиках пальцев или вложенную в простые заклинания. Это намного более волнующе, чем глупые поцелуи и ласковые слова на ушко,

произнесенные за корпусом общежития. Но в самой сути она полностью права. Мне оставалось только согласиться и обнять ее, уже вовремя прикусив язык.

Вечерами мы по-прежнему чаще всего собирались в покоях Элвина. Я стала уже очень сильным игроком в мац-хе – и легко обыгрывала Майера, когда тот соглашался на партию. Так когда-нибудь и самого Элвина смогу победить. Мы обычно сидели за доской, а остальные обсуждали какие-то университетские дела и события.

Сегодня речь зашла о бале в честь начала зимы – такая традиция здесь водилась. И на праздник лучше всего приходиться парами, хотя и без пары не возбраняется. Понятное дело, что Элвин с Хинандой идут вместе, но когда они заговорили о подготовке, я многозначительно уставилась на Майера, словно пыталась мысленно его вдохновить на решение. Да, Марита раньше думала об Аштаре, сейчас она раздавлена потерей Аштара и все еще даже не пытается хотя бы выглядеть очаровательной собеседницей. Но самой красивой девушкой учебного заведения она ведь быть не перестала! Какая ему разница, если у него все равно нет подружки? А на балу уже Марита сможет всех поразить в танцах – она и эту науку осваивает все успешнее.

Но драк-шелле Сао, поймав мой взгляд, свел брови и задумчиво выдал:

– Ладно, Айса, уговорила. Пойдешь со мной на бал?

– Что?

– На бал, говорю, пойдешь со мной? Твой жених все равно отсюда далеко, так лучше вплыть в зал со мной под руку, чем в одиночестве.

Я вообще не то ему мысленно посылала! А по улыбке догадалась – Майер прекрасно понял, что именно я ему посылала, и решил надо мной в очередной раз повеселиться. Хинанда хмыкнула. Марита вообще не расслышала – она сидела в отдалении, погруженная в свои тяжелые мысли. Такая отстраненность вряд ли пришлась бы по душе любому мужчине, а уж дракон, избалованный всеобщим вниманием и женскими восторженными вздохами, точно не будет терпеть роль второочередного интереса. Вот Майер и повернул мой взгляд вспять. Но не мечтает ли втайне Марита о том, что Аштар забудет всех своих любовниц и решит пригласить ее? Это была бы настоящая беда.

К счастью, последовав нашему примеру, Мариту позвали Витай и Веран – сразу оба. И она обоим неопределенно кивнула, то есть на бал они отправятся втроем, тем и подчеркнув дружескую ноту, не подразумевающую ничего большего. Магов это устраивало. Как я поняла по их предыдущему разговору, они все равно не горели желанием приглашать каких-то своих сокурсниц.

Роскошные платья для нас с Маритой найдутся в моем гардеробе. И они, на мой вкус, будут смотреться куда изящнее вечернего наряда Хинанды. Демоница заявила, что уже выбрала себе платье, сшитое целиком из черного шелка. Похоже, она не любит балы и танцы, а заодно цветы, рюшечки и идиотские музыкальные инструменты. Хинанда вообще не любит ничего из того, что обычно принято любить благородным дамам. Разулыбавшись ее эпитетам по поводу всяких глупых балов, я вернулась к игре.

– Ты опять на меня искоса глядишь, княжна, – тихо сказал Элвин, заметив. – Думаешь о чем-то и опасаясь спросить прямо?

– Да нет, милорд. Я просто с каждым днем понимаю все больше, почему вы из всех возможных претенденток выбрали именно Хинанду. Она неповторима в своей целостности!

– Верно, – он тоже улыбнулся, бросив взгляд в сторону невесты. – Она и меня заодно вырядит в черный. Даже серой ниточки не допустит, чтобы я, не приведи боги, не стал выглядеть праздничнее, чем положено. Это далеко не первый наш с ней бал, но каждый раз выходит все забавнее. Кажется, я счастливый человек.

– Вы не человек, милорд, а дракон.

Он подтвердил, что от игры мысленно не отвлекался даже во время разговоров:

– О, неплохой ход, княжна, вообще активнее двигай кавалерию! Ладно, я счастливый дракон. Как думаешь, драконье счастье чем-то существенным отличается от человеческого? Ну, кроме того, что оно длится намного дольше.

– Не волнуйтесь, милорд, этого отличия вполне достаточно. Сколько вы знакомы со своей невестой? Лет сто?

– Около двадцати, – вспомнил он. – Видимо, она намного моложе, чем ты о ней думала.

Я рассмеялась:

– Да, мне все еще непонятны сроки, которыми вы оперируете. Но что же вы делали до знакомства с ней? Кроме того, что тренировались играть в мац-хе так, как будто этим умением заполучите корону императора.

– Сначала неспешно взрослел, потом еще неспешнее перебирал не тех самых. А затем в нашу дружбу с Майером влетел демоненок по имени Хин, который в ту пору даже не очень походил на девочку и грозил разнести весь дворец. Кажется, я уже тогда обрек себя носить черное на всех будущих балах. Это было потрясение с первого взгляда. Княжна, а ты веришь в потрясение с первого взгляда?

– Конечно! У меня такое случилось, когда я ваш перстень в коробке из-под обуви нашла, до сих пор вздрагиваю, как вспомню.

Он передвинул императрицу и следом за ней императора, завершая партию победой.

– В этот раз ты могла бы выиграть, если бы не отвлекалась на болтовню. Еще поговорим под новую партию?

Кажется, именно этого мне будет больше всего не хватать, когда я стану десятой великой княгиней Седьмой Окраины. Пустых, но веселых разговоров под мац-хе.

* * *

Но до бала меня поджидал еще один разговор, намного более серьезный. После урока меня задержал Аштар:

– У тебя на сегодня дела закончены, Айса? Не уделишь мне время? Хочу на балу произвести фурор, а для этого мне не помешает повторение менуэта и гальярды.

Я глянула на демона искоса, но потом перевела взгляд на большую дверь, в которую утекала вся толпа после занятия магической защиты, уже этим давая свое согласие. Однако выставила условие:

– Только если ты на балу не собираешься приглашать Мариту.

– Уж определенно она последняя, кого я буду там приглашать, – заверил Аштар и взял меня за руку.

Я очень сомневаюсь, что сын великого князя нуждается в моих уроках – пусть он всего лишь семнадцатый, но с ним должны были заниматься учителя не хуже моих. А если так, то он просто выдумал

предлог, чтобы со мной поговорить. Демон сразу же подтвердил догадку, начав уверенно шагать в сторону с плавным поднятием наших рук.

– Мне считать вслух или обойдемся без такта? – уточнил он.

– Думаю, можно обойтись вообще без предисловий, Аштар, и сразу перейти к тому, что у тебя на уме.

Он сделал резкий поворот, перехватил теперь меня за левое запястье. Этак я у него еще уроки спрашивать начну, поскольку его движения отработаны безупречно. К счастью, Аштар решил не юлить:

– Хорошо, у меня несколько тем, а тебя стало слишком сложно теперь застать в одиночестве, Айса. Во-первых, я слышал разговор магистра Ин-Тара с учителями. Ты нашла какой-то способ увеличить свою недолгую магию? Не расскажешь зачем, если она все равно пропадет, а в замужестве с моим отцом твои потуги ничем тебе не помогут?

Я отступила на шаг, поклонилась, снова двинулась к нему, вскидывая уже обе ладони. Улыбнулась:

– Просто разгоняю скуку, Аштар. Этого мне, кажется, твой отец не успел запретить? В чем причина твоего беспокойства?

– В том, что твоего беспокойства я не вижу. – Теперь поклонился мне он, а на следующем шаге положил руку на талию и немного притянул к себе. – Итак, ты зачем-то осваиваешь магию и постоянно трешься у шелле. Я правильно понимаю, что у тебя уже созрел план, как расторгнуть помолвку?

Я немного испугалась такого разговора, но виду не подала. До сих пор как-то по умолчанию считалось, что Аштар на нашей с Маритой стороне, и мы с ним были достаточно откровенны. Но что если он отправляет в отцовский замок доносы обо всех наших маневрах? Притом строить из себя дуру и изображать непонимание было бы совсем лишним:

– Плана пока нет, но ведь и время еще не на исходе. Аштар, ты не можешь винить меня или Мариту в том, что мы не мечтаем вернуться в Седьмую Окраину. Или что? Твоя забота о ней не предполагает такой пункт, где она найдет счастливую возможность без твоего участия?

Очередной поворот, соприкосновение открытыми ладонями.

– Нет, Айса. Я буду рад, если она спасется. В доме моего отца тебя ничего хорошего не ждет, но ей будет еще хуже. И если какой-нибудь

драконишка решит на ней жениться – я постараюсь улыбаться, когда буду ее поздравлять. Потом пойду и от злости перережу каких-нибудь первых попавшихся бедолаг, но для нее я буду улыбаться. Вот только драконы не женятся на крестьянках. Они даже не женятся на княжнах. Не делаете ли вы с ней ту ставку, которая ни при каких обстоятельствах не выгорит? Сейчас во мне говорит здравый смысл, а не ревность.

– Возможно, ты прав. Но надеяться нам никто не запретит. К тому же у нас впереди много времени, лучше провести его в надежде, чем в унынии.

– Или все гораздо проще, Айса. – Аштар внезапно остановился и удержал за плечо меня. – Вы собираетесь сбежать. Именно для этого тебе пригодится магия демонов, умение драться и связи с шелле, которые тайно могут помочь с документами или устройством где-нибудь в дальнем конце империи.

Красные дымки перед его глазами замерли, растворились в воздухе. Мне такой серьезный допрос не нравился, и я не могла понять, что у сына жениха на уме. Но ответить было необходимо, чтобы демон не придумал объяснения за меня:

– Я совру, если скажу, что никогда не думала о побеге. Думала, Аштар. Но слишком многие пострадают в этом случае. Марита не сможет подписать смертный приговор своим мамусе и папусе, которых так обожает. И я не смогу. В Имельском княжестве живет много невинных людей, на которых твой отец отыграется. Я почти с рождения знаю, что значит ощущать себя заложницей, а в последние месяцы я научилась чувствовать себя зайцем в капкане. Но я не представляю себя в роли убийцы. Потому нет – всякий раз, когда я мечтаю о побеге, я заканчиваю мечту словом «нет». Теперь ты спокоен?

– Спокоен, – размеренно произнес Аштар. – Хорошо, раз твои планы обсудили, перейдем к обсуждению планов твоего княжества.

– Ты о чем? – я нахмурилась.

– Неужели тебе еще не написали? – он заломил черную бровь.

Дома что-то происходит или уже произошло... И только он может мне об этом рассказать! Я забыла о том, что передо мной может быть возможный враг или доносчик, заглянула ему в глаза и бегло объяснила:

– Я не переписываюсь ни с кем из родных, Аштар! Вот такова цена моей жертвы – я собираюсь пострадать за них, но не выслала им даже приветов с тех пор, как очутилась здесь, потому что им не нужны мои письма и приветы. Что случилось?

Его глаза внимательно наблюдали за моим лицом, как если бы демон ставил под сомнения все мои реакции:

– Да ничего особенного. Люди моего отца перехватили торговую делегацию из Имельского княжества в Шестую Окраину.

– И что? – я удивилась еще сильнее. – Мало ли для чего они туда поехали? Ты же сам сказал – «торговую»!

– Может, – он холодно улыбнулся. – И все несчастные торговцы казнены по приказу моего отца, который на подобные сделки разрешения не давал. Так почему же Имельский князь пошел на подобный риск, если у него ничего дурного на уме нет?

– Понятия не имею! – я выкрикнула нервно. – Я даже толком не знаю, с кем и чем именно мы торгуем! Жаль бедных людей – еще одна монетка в черную копилку Зохара Рокка. Но ты как будто к чему-то клонишь?

Аштар хмыкнул и наконец-то оторвал от меня цепкий взгляд, отступил, вздохнул и проговорил на грани слышимости:

– Похоже, ты действительно ни о чем не знаешь, Айса. И я представления не имею, хорошо это или плохо для моей Мариты... Ладно, просто будьте обе осторожны. Я сообщу тебе, если получу другие новости.

– Мы и так живем под защитой шелле! Аштар, чего же нам опасаться?

Он пошел от меня к выходу, пришлось несколько раз позвать по имени, но демон решил остановиться уже перед самой дверью. Чуть развернулся, подумал и все-таки ответил:

– Если это действительно просто глупая торговая сделка, тогда ничего. Но если мой отец заподозрит под ней что-то большее, то готовься к тому, что все вспомнят о твоей роли заложницы.

У меня в груди все заледенело:

– Аштар... твой отец из-за этих подозрений может меня отсюда забрать?

– Не думаю, – немного успокоил он. – Хотя мой отец непредсказуем. И клянусь своей кровью, что меня не особенно

беспокоит, в какую беду ты угодишь, Айса. Я боюсь, что в ту же беду ты можешь за собой утянуть и Мариту. Кажется, ты очень щепетильный человек, потому просто прошу – если ты провалишься в болото, не убей заодно и свою лучшую подругу. Тогда лично я буду за это благодарен.

Мне его благодарность была без надобности, но опять в душе заскребло. Что же у них за влюбленность такая, ведь видно, как Аштара она гложет? Он так заботится о рыжей красавице, но не приближается к ней – и такие поступки достойны сострадания.

– Подожди, Аштар! – я выкрикнула снова, пока он не ушел. – Именно по этой причине я так хочу, чтобы кто-то из шелле взял Мариту под свое крыло! Потому уйми свою ревность и пожелай ей того же. Оттолкни ее снова, если потребуется, скажи ей что-нибудь, чтобы она навсегда о тебе позабыла. Вы в любом случае не были бы счастливы, ведь ты ей изменяешь даже тогда, когда в нее по уши влюблен!

– Я уже объяснял, это демонская кровь, она не дает выбора... – он зачем-то решил передо мной оправдаться. Хотя на самом деле он бездумно хотел оправдаться только перед Маритой.

Но его участие мне импонировало, он даже эти разговоры со мной не был обязан вести, потому я решила закончить на шуточной ноте:

– Придумывай больше, Аштар! Хинанда любит Элвина и не перебирает десятки любовников! Наверное, ты какой-то самый страстный из демонов? Весь в отца?

Он вдруг громко расхохотался, вогнав меня тем в ступор:

– Хинанда? До какой же степени ты наивная дура, Айса! Университет содрогнулся бы от буйного характера морт-шелле, если бы она пыталась сдержаться. Я по сравнению с ней выглядел бы сдержанным паинькой.

Аштар с этим же смехом все-таки пошел дальше, решив, что сказал все нужное. А я так до конца и не поняла, всерьез ли он это заявил, есть ли у него какие-то доказательства, или он просто вылил свои домыслы? В том, что Хинанда обожает своего жениха, я не сомневалась ни на секунду. Но означает ли это, что она ему верна? А меня это вообще каким боком касается?

Глава 15

Меня это не касалось, но неискушенное в любовных делах сознание будто сконцентрировалось на интересной теме. Ведь Хинанда на самом деле часто где-то пропадала. Насколько я поняла, отношения жениха и невесты давно далеко не невинные: она изредка оставалась у него; иногда, возможно, Элвин проводил ночь в ее покоях. Но нередки были вечера, когда морт-шелле приходила много позже остальных или не являлась вовсе. Но ведь о таком напрямик у нее не спросишь! У прекрасной демоницы как раз именно такой нрав, что за неприятный вопрос можно пожизненной травмой отделаться, а потом благодарить, что отделался всего лишь травмой.

Времени у меня было по-прежнему много. Я теперь искала демонические заклинания и возможные проверки полученной силы, чтобы испытывать на себе, но заодно пыталась найти ответ и на этот деликатный вопрос. В какой, интересно, непотребной книге могут быть описаны любовные пристрастия чистокровных демонов? Мне, кстати говоря, для будущей семейной жизни такие подробности пригодятся, хотя верность Зохара мне точно не требуется. Марита уже смеялась, что я собираюсь стать магистром демонологии – так активно увлеклась их изучением.

Но авторы учебных пособий были сдержанны и воспитанны, они определенно не ставили своей целью заставить краснеть невинных девиц при прочтении их книг. Я вообще об интимной жизни знала немного – в основном от няньки да служанок, которые иногда раскрывались и болтали о своих ухажерах. Еще я слыхала про разные извращения, когда само таинство любви отходит от привычных стандартов, иногда мужчины наслаждаются тем, что причиняют своей любовнице невыносимую боль во время соития. Но на самом деле не очень хорошо себе представляла, какие извращения, кроме мучений, может придумать такое чудовище. А демоны – чудовища и есть, вся их суть объясняется этим словом. Похоже, про все эти дела самого Аштара и придется допрашивать, других источников знаний я не нашла. Да я бы уже сто раз спросила, если бы так ужасно не смущалась подобных разговоров.

И вдруг разгадка всплыла сама собой, когда я вообще того не ждала. Но если бы не Аштар, то я бы вообще той разгадки не заметила, а сейчас будто всем своим женским любопытством ее высматривала – и, на свою беду, обнаружила.

За день до бала мы примеряли с Маритой мои платья, выбирая себе наряды. Я твердо решила выдать ей свое лучшее – с длинными шелковыми юбками, цвета розового жемчуга. В моем гардеробе не водилось ничего, способного сравниться с этой вещью по красоте. Да, делать Мариту еще привлекательнее – плохая затея, но это бал! Если вдруг шелле не разглядели мою подругу раньше, то у нас появилась возможность буквально загнать их в визуальный тупик. Я и краску для ресниц приготовила, собираясь вместе с ней завтра сделать глаза немного ярче.

Вот только восхитительное платье не село как надо. Я без труда поняла, что достаточно небольшого вмешательства мастерицы, чтобы подхватить немного ткани на талии – и тогда все будет выглядеть идеально. Марита, не слишком-то и желающая кому-то строить глазки, сразу же сдалась:

– Оно тебе пойдет больше, Айса. А я наряжусь в то чудесное светло-голубое! Ты ведь понимаешь, что мне раньше таких вещей даже трогать не доводилось? Я теряюсь в выборе, какое из них прелестнее!

Я-то с выбором не терялась. Потому решительно встала и отправилась на выход:

– Подожди, я попробую отыскать служанку. У Хинанды точно здесь есть помощницы-портнихи.

Марита неопределенно пожала плечами, но продолжила крутиться перед зеркалом, что я сочла хорошим знаком. И она подтвердила мою уверенность:

– Хинанда точно поможет, если в силах. Заметила, что она нас с тобой опекает, как будто мы это заслужили? Скандалит – и опекает, может заботливо шею свернуть. Я на ее примере начинаю лучше понимать всех демонов!

Сложно не заметить, за что я Хинанде безмерно и благодарна.

Покои морт-шелле располагались двумя этажами выше наших, и они были гораздо меньше: всего лишь небольшая гостиная, здоровенная ванная из черного мрамора и спальня. Я туда до сих пор дважды забегала, обычно для того, чтобы позвать Хинанду на ужин,

когда все собирались у Ео. Мне даже приятно было узнать, что только для детей императора отводят целый этаж, а остальные живут почти как... Кому я вру? И остальные живут как короли.

Я настойчиво постучала в дверь. Хинанда должна была быть у себя, ведь у Элвина я ее не застала – он в столовой о чем-то смеялся с братьями-магами. Демоница открыла – и уже по первому взгляду я поняла, что застала ее в неподходящий момент. Но все же выпалила по инерции:

– Прости, Хинанда, я просто хотела спросить, нет ли у тебя служанки, которая...

– Можно в другое время, Айса? – она чуть раздраженно сдула прядь с лица. – Я сейчас немного занята.

Моей невинности хватило бы для того, чтобы остаться слепой и глухой – и к ее растрепанным волосам, и к покрасневшему лицу, и к искусанным до красноты губам, и к едва запахнутому тонкому пеньюару. Но Аштар, будь он неладен, как раз на этот случай мне все и подсказал. Я сразу же скосила взгляд за ее спину, как будто пыталась там разглядеть голое мужское тело в качестве последнего доказательства. Но и без того увидела достаточно: на полу гостиной была раскидана одежда, а прямо рядом с дверью лежал мужской пояс, расшитый серебряными нитями.

– Ну, чего так пялишься? – подогнала Хинанда. – Я скоро приду к вам, расскажешь, что там у тебя случилось. Ау, Айса, проснись! Я позже зайду, слыхала?

Ее нетерпение словно придало мне инерции. Я с горящими щеками побежала обратно по коридору. Между этажами я остановилась в пролете, чтобы отдышаться и прийти в себя. Лучше с Маритой это вообще не обсуждать. Вообще ни с кем. Да такое только Аштар и способен понять! Но меня прямо разрывало, ведь я узнала пояс на полу – он после обеда был на Майере. Да и тогда, когда мое тело парализовало заклинанием, Хинанда после появления первым делом обмолвилась, что вначале зашла к Майеру, лишь потом узнала о моей ситуации... Зачем же она заходила в тот день к лучшему другу собственного жениха? Или я уже надумываю?

К сожалению, перед дверью в покои я столкнулась с Элвином, который сразу же обратил внимание на мое состояние:

– Что случилось, княжна? Тебя ограбили и убили прямо в этом коридоре?

– О, нет, милорд. Я просто... решила пробежаться! Здесь как раз для этого подходящие расстояния.

– И поэтому от тебя за версту разит... чем это разит? Моральной тошнотой?

Лучше формулировки я и сама бы не придумала. Но соглашаться не спешила, к тому же у Элвина явно в планах были не насмешки надо мной:

– Ладно, я зайду к Хин, а ты пока сообщи Марите, что ужин подадут через полчаса.

Куда он пойдет?! Я нервно дернула его за рукав, вообще забыв о приличиях:

– Не надо, милорд! Хинанда скоро придет. Сейчас она очень занята! Может, мы успеем сыграть одну партию?

– А, так ты от нее в таком состоянии бежишь? – Элвин неожиданно улыбнулся, наблюдая за мной. – Неужели застала там любовника или сразу двух?

У меня перехватило дыхание, а упомянутая «моральная тошнота» сдавила желудок. Но вид дракона, его шутливый настрой подсказывали, что я здесь единственная, кто от этой новости страдает.

– Вы... вы знаете? – выдавила с трудом.

– То, что я собираюсь жениться на демоне? Ага, догадываюсь... – Элвин вдруг осекся и глянул серьезнее: – Подожди-ка, ты ведь сейчас не попыталась измерить Хинанду своими человеческими мерками?

Я вопрос смогла пропустить мимо ушей – такое облегчение ощутила, будто камень от сердца отвалился. Обман – это одно, а добровольный союз на таких условиях – уже совсем другое. Хотя мне не понять. Но кто я такая, чтобы всё на свете понимать? И все-таки позволила себе небольшое любопытство:

– Простите, милорд, больше не буду пытаться никого измерять! Но неужели вас это вообще не беспокоит?

– Нет, – ответил он так, словно сам и тени сомнения не допускал. – Ведь это ничего не значит, княжна. Страсть демонов особенная, она частично отражает их слишком эмоциональную природу. И одноразовые постельные утехи не имеют ничего общего с душевной близостью или уважением. А они всегда одноразовые.

Потому и тебе беспокоиться не о чем. Ты же за меня так разволновалась, что чуть губу не откусила?

Он как будто издевался над моей наивностью. Я же рассматривала его примерно так же, как в нашу первую встречу – пораженная чем-то новым и пока непонятным. Окажись в такой роли мой отец или старший брат, они ощущали бы себя униженными рогоносцами, но сын императора оставался... сыном императора, с точно тем же лоском и ощущением собственного величия. В чем же причина? Элвин так уверен в Хинанде или в себе? Или у драконов вообще романтические чувства протекают совсем иначе, чем у людей? Для меня это было в любом случае непостижимо. Но я лишила себя права судить и лезть даже мысленно в чужие отношения, оттого-то сразу на душе полегчало.

– Да нет, я не разволновалась, – наконец-то вспомнилось, что надо хоть что-нибудь ответить.

Однако драк-шелле задумчивым взглядом уставился в пустой коридор:

– А Майера где носит, интересно?

То есть о нем он не знает? Я снова начала напрягаться. И зачем-то открыла рот – просто чтобы убедиться:

– Уж точно не у Хинанды.

– Уж точно, – усмехнулся Элвин, развернулся и распахнул передо мной дверь, намереваясь вернуться к себе и дожидаться отсутствующих там. – Драконы как раз в этом смысле являются прямыми противоположностями демонов, мы даже в страсти выбираем единственных. И уж определенно мы никогда не падаем так низко, чтобы о нас просто вытерли, – он сделал паузу, хмыкнул, но все-таки закончил фразу: – причинные места.

Я, понятное дело, промолчала. Видимо, все-таки в этих отношениях не все так прозрачно, как мне минуту назад померещилось. «Причинные места», если я все правильно поняла, как раз о Майера сейчас и вытирают. Он счел уместным для себя так упасть и, возможно, даже пойти поперек старой дружбы. Видимо, я в силу своей неопытности всю ситуацию уразуметь не могу, но переспрашивать не отважусь даже под страхом смертной казни.

На ужин Майер пришел минут за пятнадцать до Хинанды, и во время трапезы все было обычно: смеялись, обсуждали предстоящий

бал, Майер очень деловито интересовался, насколько будут сочетаться наши с ним костюмы, раз уж мы идем вместе. Да, я определенно просто обладаю скудным опытом, чтобы самостоятельно заполнить все пробелы, кажущиеся мне странными.

* * *

На следующий день я вспомнила себя княжной, настолько мир вокруг вдруг сделался церемониальным и привычно торжественным. Веран и Витай зашли за Маритой, одарили ее весьма искренними комплиментами. До сего дня университет и не видел, насколько она может быть роскошной! Я же взяла под руку Майера, мы отправились в зал вместе с ним. И, кажется, наша пара тоже смотрелась прекрасно: мой партнер надел синее с серебром, и я рядом с ним в голубом атласе выглядела очень гармонично. Да и посматривал он на меня долго, но потом выдал:

– Странно, что я этого не заметил раньше, Айса, но ты бываешь очень хорошенькой. У Элвина всегда глаза были зорче.

Я улыбнулась, молча благодаря, хотя похвала прозвучала несколько сомнительно. Однако Майер все же отыгрывал роль галантного ухажера, а я и подобного вклада от него не ждала. И почувствовала себя властительницей всего мира, когда входила в украшенный и освещенный зал, держа под локоть самого завидного жениха всего университета. Его лучший друг был занят, потому в этом рейтинге вообще не участвовал, а братья Кеймары все же заметно проигрывали в сравнении. Драконы сами по себе будто олицетворяли недостижимое величие, а их титулы и богатства лишь служили тому атрибутами.

Под праздник переобустроили наш огромный зал для тренировок, но и его размеры были будто недостаточными для такого скопления людей. И притом я не могла затеряться, спрятаться от взглядов – потому что рядом со мной стоял прекрасный и многими желанный Майер Сао.

Мне с каждым шагом становилось все больше не по себе – я ни разу еще не оказывалась в центре такого внимания, когда все вокруг смотрят на нас, кто-то шепчется, кто-то строит догадки, а кто-то и тихо

ненавидит меня за то, что смогла каким-то образом так близко втесаться в доверие к шелле, что заявляюсь с одним из них. Элвин с Хинандой опаздывали, но демоница вообще не любительница балов, она могла и отговорить жениха сюда идти. Директор поздравил всех с началом зимы, напомнил о скорых экзаменах, дал сигнал музыкантам, и Майер протянул мне открытую ладонь, приглашая на открывающий танец.

Я кое-как справлялась с волнением и повторяла себе, что это лучшая тренировка моего характера. Ведь мне хотелось стать смелее и сильнее! Так вот он, мой первый экзамен: попробуй ни разу не сбиться, когда на тебя выпучил глаза буквально каждый вокруг. Но я вдохнула и собралась. Улыбнулась Марите, которая вышла за руку с Витаем. Розовый жемчуг шел красавице невероятно – быть может, платье было далеко не самым роскошным в этом зале, но на точеной фигурке ткань словно заиграла незримой магией. Мне показалось, что подруга тоже тревожится – у нее и большого опыта в бальных танцах нет, потому я изобразила смелость и подмигнула ей в качестве подбадривания. Да и партнеры нам с ней достались идеальные – с такими несложно вспомнить все па.

Через минуту я немного расслабилась. И мне казалось, что прекрасно справляюсь, руки налились силой, шаги преисполнились нужного изящества. Майер после поворота улыбнулся – ему, видимо, тоже нравилось со мной танцевать. А еще через некоторое время я буквально кожей почувствовала, что в нашу сторону перестали тыкать пальцами и шепотки сменили направление. Еще два шага в сторону, сближение, теперь Майер поведет меня на круг, и я могу окончательно отпустить напряжение. И оглядеться – чтобы узнать причину изменения обстановки. Оказывается, она была очень проста: мы с Майером, как и Витай с Маритой, перестали быть самыми интересными персонажами вечера. Ведь в зале наконец-то появились Элвин и Хинанда. Оба в черном – это на фоне пастельных тонов и изящных рюш выглядело самым ярким цветом. Смеются друг другу, о чем-то шутят. Элвин протягивает руку, перехватывает Хинанду и крутит ее сразу в направлении центра, разбивая стройные ряды танцующих.

Я все-таки сбилась с шага, засмотревшись. Но после поворота снова начала поглядывать в сторону самой впечатляющей пары. Вот

уж кто не боится сбиться с ритма и даже не пытается вспомнить движения! Элвин с Хинандой просто танцевали, безупречно попадая в музыкальные такты и притом ужасающе выбиваясь из общих движений. Дракон притянул демоницу за талию к себе – и они закружились, будто предугадывая движения друг друга и демонстративно плюя на порядок шагов в менуэте.

– Айса, – позвал со смехом Майер, – я не могу объяснить, почему Эл так иногда смотрит на тебя, но теперь замечаю, что и ты так же смотришь на него.

– Не на него – на них, – честно ответила я. – Они на дворцовых балах тоже танцуют своё, или в столице они все же вспоминают о манерах?

– Когда как, – Майер не обернулся, чтобы глянуть на пару в черном. – Тебе тоже кажется, что они вместе – как какое-нибудь чертово совершенство?

– Именно так мне и кажется, – я призналась и сразу обрадовалась, что музыка как раз с этими словами начала стихать. – Теперь, может, по бокалу вина?

– О, уж поверь, одним бокалом мы не ограничимся, Айса, – Майер потянул меня в сторону, где служанки раздавали напитки за специальной стойкой. – Я мечтаю тебя напоить до свинячьего визга.

– И зачем же?

– С важной целью! Чтобы сегодня произошло хоть что-то непредсказуемое. Ты всегда такая тихая и сдержанная. Надеюсь, хотя бы в пьяной тебе проявляется демоническая непредсказуемость?

– Понятия не имею, – я смеялась. – Никогда до такой степени не напивалась и не планирую!

– Это мы еще посмотрим. Но если чопорность не исчезнет, то хоть ноги ему оттопчешь, когда он созреет позвать тебя танцевать. Это будет мило и запомнится надолго, шелле к таким танцам не приучены, нас надо иногда встряхивать. А он созреет, иначе я вообще в нем ничего не понял за столько лет знакомства.

– Кто? Элвин?

– Нет, лысые лешие, вон тот зверолод, который смотрит на тебя влюбленными глазами! – весело огрызнулся Майер и указал подбородком на стоящего у стены Сегора.

Я помахала знакомцу свободной рукой и побежала дальше, увлекаемая неведомым задорным настроением и непонятными мне целями дракона.

Глава 16

Университетский бал был какой-то смесью из всего подряд: манерные танцы перемешивались с простонародной кадрилию, в центр выходили то представители высших сословий, то студенты из простых семей. От всего этого разнообразия хорошо было лишь Марите – вот уж кого сельской пляской не испугаешь. Она успела очаровать каждого, кто еще не был очарован до сегодняшнего дня. Вот только Майер почему-то даже не смотрел в ее сторону, изображая из себя внимательного ухажера для меня. Хотя ведь нам обоим было известно, что пригласил он меня шутки ради или даже в качестве маленькой мести. Но, видно, воспитание не пропьешь. Хотя, признаться честно, мы, под его чутким руководством, пытались.

– Это знаменитое северное пиво – варят в Первой Окраине, – он вводил меня в курс дела, как лектор на уроке. – У них там какие-то древние рецепты, которые они никому не передают. Собственно, это пиво – единственная причина, почему империя захотела видеть Первую Окраину в своем составе.

– Думаешь, единственная? – я уже хохотала без перерывов.

– Ты сначала попробуй, а потом уже включай свое недоверие!

Я сделала глоток и выдала честную рецензию:

– Горьковатое и странное!

– Так! Я тебя сейчас из состава империи исключу, если продолжишь в том же духе. Налейте этой привереде тогда зеленого вина, которое везут из Шестой Окраины!

– А его я пробовала! – вспомнила я. – Очень сладкое!

– Горько, сладко, тебя не поймешь! Ты его с пивом перемешай – получишь золотую середину!

Майер мне всунул в другую руку рюмку с густой зеленой жидкостью, а я смеялась, точно не собираясь следовать его совету. Уж не знаю, как протекает похмелье у драконов, но я завтра с постели не поднимусь, если буду подчиняться всем его указаниям.

– Смотрю, вам весело? – я вздрогнула, поскольку голос Элвина раздался как раз над моим плечом. Слишком близко, но от шума и музыки я не расслышала его приближение.

Хинанда же показалась сбоку:

– Ну хоть кому-то здесь весело! Мальчики, напомните, зачем вообще устраивают эти скучные балы?

Она взяла у меня пиво, выпила залпом и поморщилась. Подумала секунду и запила сладким вином. На ее вопрос ответил Майер:

– Затем, чтобы молодые люди имели возможность присмотреть себе новых подруг – как раз в такой обстановке, где все девушки стараются выглядеть лучше, чем обычно. А нормальные девушки любят хоть два раза в год наряжаться!

– Нормальные? – уловила морт-шелле ключевое слово. – Эл, ты слышал? Он только что назвал меня ненормальной!

– Нет, не слышал, – отозвался Элвин. – Я предусмотрительно оглох. Если некто оскорбляет шелле, то он за это поплатится. Но если шелле оскорбляет шелле, то третьему шелле лучше оглохнуть, чем это разгребать.

Хинанда окинула его злым прищуром, который перевела на Майера:

– Идем танцевать, негодяй. Еще посмотрим, кто кого!

– Кто кого перетанцует? – деланно ужаснулся тот. – Драться я с тобой не буду, даже не уговаривай. Ну идем.

После их ухода мы остались с Элвином вдвоем – как будто наедине, хотя вокруг собрались сотни студентов. Я чувствовала его взгляд на своей щеке, от чего даже кожа горела. И Майер предсказывал, что Элвин позовет меня танцевать – он вполне может знать лучшего друга настолько хорошо. А во мне было достаточно вина, чтобы уже невыносимо этого захотеть – потанцевать именно с ним, почувствовать свою руку в его руке, двигаться в одном ритме. И хоть говорило во мне опьянение, но само желание пугало, и впервые за вечер я позволила себе струсить:

– Отличный вечер, милорд! Я потанцую с другом, он уже спрашивал.

Ни при каких других обстоятельствах я не осмелилась бы сама пригласить мужчину на танец, но Сегор был мне близок и понятен, прост для осознания, как привычная теплая кофта, в отличие от этого дракона, устремившего вертикальные зрачки на мое лицо. И почему так странно происходит, ведь мне с Майером – почти того же статуса – намного проще общаться? Да и уединение с Сао меня вообще не

тяготило, я того уединения даже не заметила. А здесь сразу же стало не по себе от лишних эмоций.

Сегор, конечно же, согласился пойти со мной в круг. Тем более там как раз танцевали самый простой танец, которому не нужно обучаться месяцами. Вот только зверолод тоже решил сбить меня с толку, как будто сегодня это у всех стояло первым пунктом в планах:

– Ты обворожительна, АЙСА!

– Благодарю, – я ему приветливо улыбнулась.

– У тебя с милордом Сао отношения? Я был удивлен, что ты пришла с ним. Хотя мог бы догадаться, что ты общаешься с шелле – ну, после того вмешательства милорда Ео в наш урок.

– Разве что дружеские, Сегор!

Он выдохнул как будто с облегчением, но напряженно добавил:

– Теперь жди, что тебя возненавидят все девушки – из зависти. Хуже было бы лишь в том случае, если бы ты явилась с Элвином Ео. Можно сказать, ему даже повезло, что здесь же учится его невеста, а то разорвали бы кандидатки, не заметив даже, что рвут на части шелле.

Я вообще не поняла, зверолод шутит или говорит серьезно. Вроде бы забавную вещь сказал, но с таким видом, как будто именно это и имел в виду. Я не придумала ничего лучше, кроме как неопределенно кивнуть. Элвину действительно повезло – во всех смыслах.

После танца я пожелала Сегору приятного вечера и пошла обратно, ведь и Майер с Хинандой уже вернулись к стойке с напитками. По пути сквозь толпу услышала странное:

– Неужто любовница? И что дракон в ней нашел?

– Да быть не может! Она только что плясала с этим горбатым уродом!

Я резко обернулась, пытаюсь угадать говоривших, но толпа была безлика – я столкнулась только с несколькими прохладными улыбками. Видимо, это то, что Сегор и упомянул: теперь каждая будет считать меня любовницей Майера и в разной степени мне завидовать. И пусть! Моего жениха ведь здесь нет. Я застыла на месте от неожиданной мысли – я так расслабилась, так развеселилась, что вообще за собой подобного настроения припомнить не могла! И целый час вообще ни разу не вспомнила о своем темном будущем. Сейчас же осмотрелась внимательнее и далеко не сразу нашла взглядом Аштара. Демон стоял у дальней стены – один, если большой бокал в руке не считать

компанией. Он стоял там и смотрел исподлобья на танцующих – несложно угадать, на кого именно. Марита как раз танцевала с Вераном. Выглядела она притом весьма прилично: почти не путалась в движениях, хотя рутойский вальс мы только начали осваивать на «Манерах благородных дам». Но подруга держалась достойно, а Веран и не думал ее тесно прижимать – держал ровно на том расстоянии, которое подразумевается этикетом. Но взгляд Аштара был тяжелым, красным, даже с такого расстояния я словно могла угадать его злость и эту грузную невозможность – позвать желанную девушку на танец.

Я не представляю, что чувствуют влюбленные люди, но верила рассказам Мариты – этот вес ощущается невыносимо трудным. И пока сама она считает Аштара мерзким изменником, я могу себе позволить почувствовать к нему сострадание – ведь я о нем случайно узнала больше, чем она. И, разумеется, я этим с подругой не делилась, поскольку ей вообще незачем пытаться его понять. Но сейчас я решительно зашагала в его направлении, чтобы позвать танцевать и попытаться развеять на несколько минут красную тяжесть перед его глазами. Да-да, второй раз за вечер я сама приглашу молодого человека! Боги, пример Хинанды или моя новая жизнь определенно сказываются на моем характере!

Вот только через три шага меня развернуло вихрем, я от такого внезапного движения едва воздухом не подавилась. Но все равно попыталась вдохнуть уже заполненной грудью, когда рассмотрела смеющиеся желтые глаза – это Элвин схватил меня за руку и беспардонно остановил, а потом и вовсе притянул к себе, будто мы уже танцевали.

– Княжна, у меня легкое чувство, что ты меня избегаешь, – сказал он и шагнул прямо на меня, вынуждая отступить и попасть в ритм музыки.

Избегаю, конечно. Как раз для того, чтобы вокруг весь свет не померк под натиском этой атмосферы. И она навалилась на меня за мгновение.

– Конечно же, нет, милорд. А мы танцуем?

– Уверен, со стороны похоже на то.

– А вы меня приглашали? – мой вопрос прозвучал глупо, но другого в голове все равно не отыскалось.

– Сделаем вид, что да.

Следующий вопрос был еще нелепее, но важнее:

– А я соглашалась?

Элвин запрокинул голову, смеясь. У меня сердце вообще остановилось. Но притом мы бездумно повторяли все отработанные движения и совершенно точно не выбивались из ряда танцующих непредусмотренными взмахами рук – я ему не Хинанда, я в жизни не смогу выглядеть настолько вопиюще прекрасной в естественном нарушении правил. И дракон вел уверенно, не провоцируя меня на танцевальные бунты.

– Зачем ты постоянно делаешь это, княжна? – он поинтересовался, оставив мой вопрос без ответа.

– Что именно?

– Отдаляешься всегда, когда я приближаюсь.

– Инстинкт самосохранения?

Его мое предположение рассмешило еще сильнее:

– Разве я похож на хищника?

– Ваши глаза наводят на такую ассоциацию.

– Хорошо, уточню: разве я похож на хищника, а ты – на мою добычу?

– Майер примерно так однажды и выразился. Кажется, ему очень хочется, чтобы вы открыли на меня охоту, милорд.

Очень двусмысленная реплика тоже осталась без внимания. И слава богам, а то сама не понимаю, зачем я ее выпалила. Элвин менял темы вместе с музыкальными тактами:

– Ты не сможешь назвать меня по имени даже во время бала?

– Никогда не смогу.

– Но Майера можешь. Любопытна причина такого разного отношения.

Ответ был настолько прост, что даже в голове прозвучал примитивной очевидностью. Майер не вызывает во мне и толики того же страха, что вся моя судьба вот-вот развалится на части, что я могу сделать что-то аморальное, предать девушку, которая мне помогает, и на секунду захотеть почувствовать себя именно той добычей, на которую открыл охоту именно этот дракон. Понятное дело, что ничего из этой простоты вслух не прозвучало:

– Майер – не второй наследник престола. В сравнении с вами, он как паренек из соседнего двора.

Боги, какую же идиотскую чушь извергает мой рот! Но Элвина забавляла смесь из моих эмоций и этой словесной несурзаицы:

– Тогда твой двор не так уж далеко от моего, княжна. Останемся на следующий танец?

Бежать, срочно бежать. Спасать уже не Аштара, а свой разум!

– Это большая честь милорд, но я как раз собиралась тихонько уйти. Время вечерней молитвы нельзя пропускать. Извинитесь за меня перед Майером?

– Столько лет учусь, а извиняться до сих пор не научили. Тем более – за кого-то другого. Я объясню ему.

– Премного благодарна вам!

Но он, как оказалось, не закончил:

– Объясню, что ты до сих пор предпочитаешь верить в кого-то еще, хотя уже начала верить в себя. И это странным образом беспокоит меня все сильнее. Сомневаюсь, что вечерняя молитва должна протекать в строгое время – не может же твоя богиня требовать такой фанатичной пунктуальности? Кстати, я могу приказать тебе остаться на следующий танец – неужели ослушаешься? Тут ведь целый второй наследник престола.

Я уперла руки ему в грудь и решительно отступила.

– Не прикажете, потому что это не в вашем духе. Вы под приказами скрываете только просьбы.

Он тоже остановился, не обращая внимания на то, что музыка все еще гремит вокруг.

– Разве ты так хорошо меня понимаешь, княжна?

– Мягко говоря, я не понимаю вообще ничего, и хотя бы в этом перед собой честна. Прошу простить и приятного вечера! Я много выпила в компании вашего друга, теперь мне уже пора удалиться.

– Вечеринка еще только приближается к разгару. Не уходи из-за меня, княжна, я больше не буду подходить с желанием посмотреть, как влияет на тебя хмель.

– Так вы за этим ко мне подошли?

– Я... – он осекся, а потом ответил почти виновато: – Ну, возможно. Хочу хоть раз увидеть, как ты теряешь над собой контроль. Насколько же такое зрелище будет невыносимым для моей выдержки?

Я за злостью скрывала все еще растущее напряжение:

– У драконов, поговаривают, очень хороший слух! Милорд, вы ни разу не пробовали послушать самого себя? Что вы вообще говорите? И зачем вы это говорите?

– Видимо, хмель влияет и на меня.

От его улыбки стало совсем нехорошо. И лучше больше ни слова не проронить, иначе наша странная перепалка привлечет еще больше зрителей. Я развернулась и сбежала, не ругая себя за трусость. Иногда позорное отступление – единственная возможность собраться с силами и победить. На улице и до самой двери в его покои я ощущала взгляд в затылок, но ни разу не обернулась. Уже в комнате, отдышавшись, поняла, что таким образом Элвин меня проводил. Или вслед мне смотрел не Элвин, а Аштар, который продолжает играть роль нашего охранника. Или все-таки Элвин – вышел из зала и сделал несколько шагов вслед за мной? О, богиня, почему ты перестала давать мне смирение? Его нужно все больше и больше!

Глава 17

Первая сессия для меня пролетела практически незаметно. Манеры благородных дам, историю и географию я сдала на отлично, хотя почти не готовилась – нагло использовала свое неплохое прежнее образование. На кулинарной магии госпожа Ренкай даже задание мне не стала выдавать: в ее классе было всего две обладательницы силы, потому мы попросту не могли считаться отстающими при произнесении заклинаний, рассчитанных на обычных людей. С садоводством я справилась не так блестяще, но заработала твердое «хорошо» – и то лишь по причине, что пока еще не успела полностью овладеть полученной демонской силой и направлять ее в русле этой дисциплины на полную катушку. Потому уничтожением паразитов я учителя порадовала, а приживаемостью новых ростков удивить не смогла – уже хорошо, что они не чахли сразу же, как со мной случалось на первых уроках.

Сильнее всего я переживала об основах боевой защиты – это был единственный курс из выбранных, который я точно хотела продолжать изучать дальше. Мы с Сегором показали все изученные приемы, а потом нас уже по отдельности тестировал магистр Ин-Тар. Я немного разволновалась, но в слабой схватке разогрелась и пустила черный дым правой рукой, как будто пыталась отогнать противника после нападения. Выставили мне в итоге низший балл из проходных, но в списках оставили. Видимо, все учителя решили, что во мне водится демонская кровь – а если так, то я точно нуждаюсь в более интенсивной подготовке и глубинном подходе к раскрытию моих талантов. Удачно сданные экзамены подвели меня только к одной мысли: в следующем триместре надо будет серьезнее подойти к выбору программы, мне нужно попытаться освоить все, чему учатся демоны!

День последнего экзамена был ознаменован гамом во дворе: многие студенты не тратили время даром и уезжали по домам на двадцатидневные каникулы. Мы с Маритой с тоской смотрели в окно вслед шумным толпам, дожидаящимся с вещевыми тюками своих

повозок. Даже ударившие морозы не могли им испортить настроения и предвкушения встречи с родными.

Мы же с подругой были невыездными – великий князь оставил директору на этот счет однозначные распоряжения, нас даже в ближайший городок ни разу непустили. Да мне и ехать было некуда: дома мне не обрадуются, жениха я и сама не горю желанием навещать. Тоска Мариты была куда глубже – ей даже говорить ничего не стоило, и так читалось по лицу: она была бы счастлива увидеть своих обожаемых мамусю и папусю, рассказать им о своих приключениях, успокоить, что пока с любимой дочерью ничего плохого не случилось. Некоторую роль в ее апатии сыграл и отъезд Аштара.

Мы его спину разглядели, когда демон усаживался в добротную карету, отмеченную знаком Седьмой Окрайны в виде изогнутого рога. Он наклонился перед низкой дверцей, замер на секунду, а потом оглянулся – ровно на наше окно. Так точно угадал наши взгляды, что мы с подругой невольно отступили. Но после того как карета рванула с места, Марита почти прижалась лицом к стеклу и еще до самой темноты смотрела в ту точку, где успела встретиться глазами со своим возлюбленным. Какая же страшная напасть – эта их страсть. Уже недели прошли, а она будто не ослабевает, гниет внутри, как капля демонского проклятия. Я ничего вслух не говорила, просто терпеливо ждала, когда же эта болезнь сама собой излечится.

К нашему удивлению, не все шелле решили уехать в Сердцевину. Морозы как раз обещали застать путников в дороге, незачем вообще подвергать себя дискомфорту, если в университетской библиотеке все еще полно непрочитанных книг – Элвин тем и объяснился, когда говорил о своем решении. Майер только зевнул и поленился вообще чем-то прикрывать свой отказ от поездки. Это было первое подтверждение того, что я уже слышала: драконы очень не любят холода, а многие из их стариков даже предпочитают на всю зиму погружаться в сон, если у них нет неотложных обязанностей. Но я в тот момент подумала, что Элвин остается из-за нас. Не в том смысле, что хочет остаться рядом, а ради защиты, поскольку даже Аштара здесь не будет. Майер же попросту решил составить другу компанию. Любой предлог лучше, чем морозить драконью кожу.

Но маги с Хинандой сразу после обеда отправились в Сердцевину. Демоница, правда, вошла в нашу с Маритой комнату, чтобы

попрощаться. Вернее, сделать это в том представлении, которое понятно только демонам:

– Чего пялишься, рыжая? Скучать по мне будешь? Ладно, привезу тебе пару платьев от своих портных – какого-нибудь ужасного зеленого цвета, который тебе очень подойдет. А пока учти одно, если ты не полная дура: Майер – для меня близкий друг, и я знаю его как никто другой. Он часто шутит и балагурит, но истина в том, что он очень одинок. Если ты перестанешь ныть и страдать, то сможешь ему понравиться. Женой дракона ты никогда не станешь, это понятно, но если вызовешь в нем симпатию, то вполне может так получиться, что он назовет тебя официальной любовницей. Насколько знаю, этого будет достаточно, чтобы ты до конца дней ему пятки лизала благодарной псиной.

Мне совсем не было понятно, почему она Майера назвала одиноким – он уж точно не производит впечатления потерянной души. Скорее другое: он, как истинный дракон, просто еще не встретил свою любимую, на которой наверняка женится и при которой ему не понадобится фаворитка. Но к Марите он может присмотреться хотя бы из жалости – и в этом смысле совет Хинанды пришелся очень кстати.

Я не успела благодарно улыбнуться, поскольку морт-шелле перевела взгляд на меня и затронула совсем неожиданную тему:

– Я полюбила Элвина еще тогда, когда ты на свет не родилась, Айса. И до недавнего времени была уверена, что он любит меня так же. Сейчас уезжаю, чтобы дать ему пространство и возможность это обдумать. Если же я ошиблась – вернее, если он ошибся – то мне будет невыносимо. И я готова к любой боли, я что угодно на свете перенесу, даже его нелюбовь. Но если нелюбовь Эла будет каким-то образом связана с тобой, тогда я возненавижу уже саму себя. За то, что именно тебе захотела лучшей судьбы, чем тебе выпала. И за то, что именно ты заставила меня ощутить сострадание к ничтожной букашке, которой осталось мучиться от силы лет восемьдесят. Я вас обеих теперь, наверное, даже прикончить не смогу, вы ведь стали почти нашими домашними питомцами. Но себя я ненавижу очень не хочу. У драконов все просто, у демонов – еще проще, а у людей – всегда сложно. Но сострадание известно вам лучше всех прочих, так?

Ответов она не ждала, иначе я растрогалась бы и начала заверять, что ничего подобного не было и не будет. И мы не остаемся с ее

женихом наедине! Как раз наоборот, мы с Элвином – прекрасный антураж для начала романтической истории между совсем другими героями. Если повезет. А если не повезет, то к концу каникул я смогу участвовать в имперском чемпионате по мац-хе.

* * *

Однако общение нашей четверки оказалось отнюдь не столь интимным, как я себе поначалу вообразила. Мы продолжали встречаться лишь за ужинами и некоторое время болтали о всякой ерунде в гостиной, прежде чем отправиться ко сну. Остальное же время мы с Маритой предпочитали проводить в библиотеке – моя подруга все-таки завалила два экзамена, и теперь ей придется заново изучать те же курсы. И результат в конце второго триместра может быть таким же плачевным, поскольку ей не хватало базы. Вот она и готовилась, неустанно читая пособия и повторяя в прописях изящные буквы. Я же не только составляла ей компанию, но и искала простые заклинания, подвластные демонам – пыталась их повторить. Что-то мне удавалось, на что-то совсем не хватало сил, но ощущала я себя все уверенней.

Через неделю я уговорила Мариту пойти уже по моим делам. Мы выпросили у учителя лук и стрелы, решив потренироваться в стрельбе. Подруга смеялась надо мной и шутила:

– Давай, давай, Айса! Перед свадьбой выстрелишь своему женишку в оба глаза – век тебе благодарна буду!

– Чтобы все его женщины были мне благодарны, я лучше буду метить в другое место! Нет-нет, не в сердце, вряд ли у него вообще водится сердце, – развеселилась я и тотчас смутилась пошлой подоплеке сказанного. Быстро сменила тему: – Поддержи лучше! Я вычитала, что демоны способны развить чрезвычайную меткость – если шепнут кое-что стреле на излете. Вдруг и у меня получится?

– Пока у тебя получается только рассмешить цель! Ну же, Айса, кажется, даже я могу отправить стрелу чуть дальше твоего!

Она была права: пока мое грозное оружие только падало острым носом в песчаный пол зала для занятий стрельбой. И я констатировала расстроено:

– Кажется, мне не хватает демонской магии.

– Концентрации тебе не хватает, княжна, – раздался голос за спиной, вынудивший резко обернуться.

И снова это странное тягучее чувство – Элвин уже не в первый раз наблюдает за мной, не выдавая своего присутствия. А потом обозначается в самый неожиданный момент, вызывая легкую оторопь. Хотя мне стоило уже давно привыкнуть. Он был без Майера, тот бы сразу сгладил напряжение каким-нибудь смешным издевательством. Но Элвин двинулся ко мне с заинтересованным выражением лица – ему все мои прорывы доставляли какое-то необъяснимое удовольствие.

– Боюсь, милорд, что в моих руках нет нужной силы, – я собралась и изобразила равнодушный вид. – Тренировки пока еще не дали такого результата.

– Сила нужна, это верно, – Элвин остановился за моей спиной в двусмысленной близости. – Но ты можешь орудовать полученной силой. Этот черный демонский дым – он ведь их оружие. Неужели им нельзя усилить руку или захват?

Вполне вероятно. Я уже почти привычно стряхнула серую магию с пальцев, попыталась ею обвить правое запястье, прицелилась. Стрела полетела совсем мимо цели, но уже намного дальше, чем выходило до сих пор.

– Отличный совет! – я выдала радость. – Теперь хотя бы понятно, в каком направлении тренироваться. А вы умеете стрелять?

– Да, вполне неплохо, – ответил драк-шелле, рассматривая криво нарисованную мишень на дальней стене. – Нас учат владеть всеми видами оружия, но на самом деле это нужно просто как способ управлять телом и эмоциями. В случае по-настоящему опасной заварухи до луков и ножей дело не дойдет.

– В каком смысле? – я поняла ответ еще до того, как закончила вопрос.

Но Элвин все же ответил:

– Если уж моей жизни, моим родным или империи будет что-то угрожать, то зачем я буду тыкать во врагов стрелой, раз способен принять основную форму и выгнать целые армии?

Я резко обернулась и столкнулась с желтыми, по какой-то неведомой причине смеющимися глазами.

– Почему так смотришь, княжна?

– Просто я... – Я пыталась собрать разлетевшиеся от волнения слова в общую фразу. – Просто я общаюсь с вами почти каждый день, и из головы само собой вылетело, что вы ведь и есть дракон. То есть самый настоящий, кого в страшных сказках рисуют на картинках! Такие вещи часто слышишь, но не сразу получается осознать.

Марита впала в такой же восторг и подлетела к нам с другой стороны:

– А можно хоть разок увидеть? Я, наверное, такого до конца жизни не забуду!

– Хотите увидеть? – Элвин переспросил, глядя на меня.

Я быстро закивала. Даже не представляю, что почувствую от такого зрелища. И в университете есть несколько больших залов, где можно было бы устроить демонстрацию. Вот только драк-шелле засмеялся и осек все наши притязания:

– Тогда продолжайте хотеть. Не получится, нельзя.

– Почему же? – я теперь почти жалобно заглядывала ему снизу в лицо.

Элвину мой взгляд, по всей видимости, доставлял удовольствие, поскольку улыбка светилась и на губах, и в глазах:

– Драконы уже несколько поколений не обращаются. Вы не знали? То есть теоретически мы эту способность не потеряли, но делаем подобное только в случае крайней нужды – при серьезной опасности.

– О, такая трансформация болезненна или чем-то чревата? – предположила я.

– Только тем, что дракон вряд ли захочет возвращаться назад. Мои предки по многим причинам выбрали человеческий облик, без него мы вообще не смогли бы ассимилироваться. Боевая форма разрушительна, она дает такое ощущение могущества, после которого очень сложно заново привыкнуть быть уязвимым. Представляете себя таким существом, которое почти бессмертно, чистый зверь, забывший человеческие мысли и слова, для которого люди, университеты, города и государства кажутся незначительными и неважными мелочами?

– Не представляю, – прошептала я.

– Вот и я, к счастью, не представляю, хотя много раз пытался. Вернуть дракона обратно практически невозможно, он заново должен

выбрать быть человеком – и такой выбор с высоты того величия совсем неочевидный.

У меня в горле пересохло – и от его ироничного взгляда, и от той глыбы новых мыслей, которую он на нас с Маритой вывалил.

– То есть драконы отказались быть драконами? Вернее, можете стать ими, но только если придется защищать что-то очень важное? Важнее, чем вы сами и ощущения, которые вы получаете в этом теле.

– Да, – Элвин ответил без паузы, для него эта тема была легкой и не вызывающей похожего на наш мандража. – Нам и так много дано – магия, сила, долголетие, потому эта цена приемлемая: нет ничего ужасного, чтобы знать о своем потенциале и никогда не захотеть его использовать. Но ты смотришь так, как будто не согласна.

Я с трудом отвела взгляд от завораживающих вертикальных зрачков. Решила ничего не отвечать. Просто эта философия – она больше, чем способен постичь человеческий мозг. Наверное, я даже не раздумывала бы – если бы я смогла за секунду стать огромной, несокрушимой, неуязвимой, то я бы сделала такой выбор. Вот только эта простота принятия решения и говорила о том, насколько мы, люди, более ущербны в своем тщеславии, чем самые могущественные существа белого света.

Наш разговор прервало покашливание в стороне – Сегор, по всей видимости, не придумал как привлечь наше внимание иначе.

– Добрый день всем! – зверолод косился на драк-шелле с опаской, хотя они уже прежде встречались. – Айса, можно тебя на два слова?

– Ты не уехал на каникулы? – удивилась я появлению приятеля. – У тебя что-то случилось?

Он плюнул на осторожность, но отчего-то сильно разволновался, раз скулы на некрасивом лице подернулись розовым:

– Случилось! Именины у меня сегодня случились. Я не знал, что ты тоже осталась, но увидел вас всех здесь и решил позвать. Мы вечером соберемся с друзьями – узким кругом тех, кто сейчас в университете.

– О, с большим удовольствием! – я была очень рада приглашению, поскольку за всю жизнь меня ни разу не приглашали на именины кого-то, не являющегося моим ближайшим родственником. – Я буду очень рада отметить твой праздник, Сегор!

Он расслабился и уже более спокойно глянул на Мариту, которая тоже призывно поглядывала на зверолода.

– И ты тоже приходи! Друзья Айсы – мои друзья тоже! – выпалил радостно. Вот только когда это вылетело из его рта, до Сегора дошло, что он ляпнул, и потому с ужасом уставился на Элвина. Тот иронично вздернул бровь, чего-то ожидая, потому бедному пареньку буквально пришлось проблеять весьма уважительно: – И вы... милорд. Но у нас будет очень скромно: парочка друзей, дешевая настойка... и, собственно, больше ничего не предполагалось...

– Хорошо, уговорил, – окончил дракон его страдания. Или, наоборот, их начал.

Зверолод как-то странно изогнулся, поклонился непонятно кому – получилось как раз между мною и шелле, и побежал восвояси. Даже по горбатой спине было понятно, что он очень жалел о своей смелости – лучше бы вообще меня не осмелился позвать или попытался бы поймать потом, в полном одиночестве. С последним, однако же, у него не было ни малейшего шанса: хоть старые тревоги давно утихли, мы с Маритой все равно старались не блуждать по университетской территории поодиночке.

Хотя смущение его было связано отнюдь не с Маритой. Потому-то теперь мы обе уставились со смехом на дракона.

– Милорд, и вы действительно пойдете? – спросила я. – На день рождения зверолода?

– Почему нет, княжна? Вы ведь идете. Кстати говоря, если сама не заметила, ты очень ему нравишься. Эту смесь паники и восторга ни с чем не перепутаешь. Он пригласил бы на свой праздник даже турмарийского червя, если бы ты шла с тем в компании.

– Правда? – Я изумленно уставилась на гигантскую дверь, где Сегора уже не было. – И ведь Майер на это тоже намекал – я решила, что шутит. Надо же... я всегда раньше считала, что никому не могу понравиться, особенно стоя рядом с Маритой. Как все-таки жаль, что у меня нет права выбора...

– Хочешь сказать, в том случае у него был бы шанс? – Элвин приподнял темную бровь в недоверии. – Разве их раса не кажется людям уродливой?

– Наверное, – я пожала плечами, не уверенная в ответе. – В нашем княжестве очень уважают зверолодов – они обычно добрые,

трудолюбивые и порядочные. И уж определенно я предпочла бы провести жизнь рядом с Сегором, чем со старым демоном, которого уже несколько столетий красавцем тоже вряд ли кто-то называл добровольно. Разве внешность может быть важнее характера, милорд?

Я краем зрения заметила, что дракон смотрит на меня неотрывно, словно я говорю о каких-то важных вещах, которые следует всерьез обдумать:

– Не знаю, княжна. Мне иногда кажется, что люди влюбляются просто так, безо всяких объяснимых причин. Как непредсказуемая шутка богов – самая пора начать в них верить.

Возможно, он прав. Но я не ответила, поскольку Марита опустила плечи и поникла, для самой себя молча отвечая на этот вопрос. Аштар симпатичный, но много есть мужчин красивее него, более подходящих, более могущественных, добрых, умных, любых – а по ее виду сразу стало понятно, что над ней тоже боги зло подшутили, вынудив из всех выбрать не самого достойного.

Мы втроем пошли из зала, никуда особенно не спеша. Элвин задумчиво произнес себе под нос:

– Все друзья княжны – друзья зверолода. А друзья друзей княжны под это определение попадают? Просто Майера тоже надо позвать, некрасиво оставлять его на вечер в одиночестве.

Я усмехнулась:

– Если только вы собираетесь устроить массовый сердечный приступ среди бедных студентов, милорд. Для них одного шелле многовато, два – это слишком!

– Тогда позовем, – решил Элвин. – А что дарят зверолодам на именины? В смысле, что можно ему подарить такого, чтобы он не посчитал это актом высокомерного подчеркивания моего положения?

Я снова посмеивалась:

– Вам с Майером этого не избежать, даже если вы потертые пуговицы со своих сюртуков оторвете и принесете в качестве подарков. И в этом случае будет выглядеть высокомерно и с выпячиванием титулов шелле. Просто у вас такие титулы, которые выпячиваются сами собой. И хмельная настойка никому в горло не полезет, пока вы там. Все начнут глазеть и беспокоиться, достаточно ли прилично выглядят в ваших глазах. Да, милорд, к сожалению, такова ваша судьба – неужели все еще не смирились?

– Гляжу, ты, княжна, об этом уже не беспокоишься? – он весело глянул на меня.

– Так привыкла уже! Нельзя же беспокоиться вечно. Если вы Сегора пригласите пожить у вас месяц-другой, то и он волноваться перестанет, вот увидите.

– Я подумаю об этом, – со смехом закончил драк-шелле. – Но ведь ты сама дочь мелкого князя. Почему же они тебя воспринимают как свою?

Я пожала плечами:

– Сегор – сын крупного землевладельца из Шестой Окраины, я выше его по положению, но не так уж значительно. Если бы судьба была справедливее, то меня могли бы насильно выдать замуж именно за него или такого, как он.

– Ясно.

Показалось, что этот разговор Элвину наскучил. Как, впрочем, и мне. Зачем вообще обсуждать то, что не имеет шансов сбыться?

Глава 18

Майер, конечно же, сразу воодушевился идеей всю ночь пить дешевую настойку – он именно так назвал предстоящий праздник. В качестве дара они выбрали бутылку дорогого шампанского, а потом зачем-то со смехом оторвали по пуговице от своих сюртуков. А мы с Маритой в свою очередь озаботились подарками всерьез – у нас ничего в арсенале подходящего не было. Но я отыскала среди своих вещей потрепанный сборник поэм, сделала красивую надпись на развороте с поздравлениями от нас обеих. Да, дешево и не особо изысканно, зато памятно.

Студенческий корпус давно опустел, в университете остались немногие, потому мы вчетвером не сразу привлекли внимание, пока искали комнату Сегора. Она располагалась в другом крыле от нашей с Маритой спальни, но стоило лишь свернуть в нужный пролет, как мы сразу угадали правильное место по шуму и веселому смеху: похоже, зверолод сумел пригласить почти всех студентов, не уехавших по домам. Или же они сами пригласились, поскольку других развлечений в ближайшие дни не предвиделось?

И я угадала в главном: стоило нам лишь обозначиться в открытом проеме, как веселье сразу потухло, словно его магией заглушило. В тесную комнату сумело втиснуться не меньше двадцати человек – и до нашего прихода им явно хватало пространства, хотя многие прямо на полу и уселись. Многие из студентов были также зверолодами, но не все. Похоже, мой приятель Сегор отличается приветливостью не только со мной, раз успел обзавестись в университете столькими знакомыми. В том числе и симпатичными девчонками человеческой расы, которые сейчас разместились на двух узких кроватях и почти с ужасом пялились на новоприбывших.

Сегор, конечно же, сразу представил нас всех и подарки принял с сердечной благодарностью, но сам тревожный вид хозяина праздника не вызывал у гостей воодушевления. Я решила, что необходимо изобразить, что ничего вопиющего не происходит, тогда у шелле появится шанс влиться в компанию. Это показалось бы забавным, вспомни я в тот момент, что и сама не большая умелица вливаться в

чужие компании. Но теперь звонко и почти умело разбавляла обстановку:

– Осталась ли для нас настойка? Я приготовила поздравление для дорогого именинника! Сегор, желаю тебе в конце курса сдать экзамен магистру Ин-Тару так, чтобы он расплакался от восторга!

Всех присутствующих придавило еще сильнее, чем прежде. Видимо, я пошутила каким-то самым неудачным образом, даже испугалась и принялась соображать, чем же в этой фразе умудрилась оскорбить всех вокруг. Но почти сразу поняла причину, когда Сегор схватил со стола две деревянные кружки, плеснул туда настойки и подал мне и стоявшему рядом Элвину, а потом виновато скривился, как если бы был обвинен в преступлениях против шелле – здесь попросту не хватало простой посуды на всех! Положение спас Майер, который сообразил первым:

– Айса со мной поделится! О черти, за такое пожелание я допью до дна – старикан Ин-Тар не ревел, даже когда я ему экзамен сдавал. А я был хорош, боги свидетели! Но мой старинный и самый близкий друг вообще тогда забыл явиться, индюк высокомерный. Вот тогда магистр и плакал, да. Не каждый день бедолаге приходится выдумывать оценку для принца крови, который даже не пришел на экзамен!

Элвин, на которого и было недвусмысленно указано, подхватил, разбивая напряженную атмосферу окончательно:

– Я тогда просто зачитался историческими хрониками, сколько можно вспоминать? Марита, держи мою кружку, мы с княжной как-нибудь разберемся. А это драконье отродье, – он кивнул на Майера, – лучше всего себя чувствует только в окружении дам. Девушки, приютите беспризорника?

Майер со счастливой физиономией втиснулся между двумя обескураженными студентками и с радостью взял у одной из них наполненную хмельным напитком кружку. Вот только сначала принюхался, а потом прошептал:

– Клянусь богами, я перепробовал все горючие смеси Центрины и семи Окраин, но вот так пахнет в первый раз. Эх, все бывает в первый раз! – и хлопнул настойку залпом.

Такое поведение заставило всех облегченно выдохнуть и вновь заулыбаться. Сказала теплые слова имениннику и Марита, потом

какой-то друг Сегора пожелал ему крепкого здоровья – и тем самым мы будто проложили дорогу, которая с каждым шагом становилась все легче. Минут через десять шум уже снова нарастал, а предыдущего уровня достигнет раньше, чем истечет еще полчаса.

Элвин с улыбкой пихнул меня в плечо, говоря тихо и беря из моих рук кружку:

– Они смутились простоты и тесноты? Так, может, стоит просто всех пригласить к себе? Уж места и хрусталя я для каждого найду.

– Не вздумайте, милорд! – предостерегла я. – Это как раз и будет подчеркиванием превосходства. Наслаждайтесь – если можете. Или не наслаждайтесь – никто не обидится, если вы уйдете.

– Особенно ты.

– Что?

– Ничего. Фу, какая же мерзость на вкус, не только Майер это пробует впервые. Кстати говоря, очень крепко, во дворце огненную воду подают примерно той же крепости, но к ней прибегают только в случае крайней нужды. Например, на свадьбе с нелюбимым, чтобы хотя бы праздник продержаться. Княжна, если меня в итоге стошнит, то обещаю это никогда не вспоминать.

– Милорд, если вас в итоге стошнит, то вы сразу же сделаетесь в этом кругу своим!

Я забрала кружку обратно и протянула Сегору, чтобы добавил нам еще. Настойка действительно была очень крепкой, но мне ни в коем случае не следовало строить из себя высокородную барышню, если уж даже шелле решили ничего подобного из себя не строить. Зато они ощущали себя сейчас примерно так же, как мы с Маритой, впервые попавшие к ним на ужин. Ничего! И такое чувство драконам положено хоть раз испытать.

Марита громко расхохоталась – я не поняла, над какой шуткой. Никакие учителя пока не смогли испортить своим воспитанием ее чудесный открытый смех, парни неприкрыто улыбались ей, девушки все еще поглядывали на нас обеих с опаской неизвестной природы.

Но настойка свое дело исполняла получше многих магических заклятий. Я об этом догадалась, когда совсем пьяненький зверолод, одноклассник Сегора, тихонько затянул веселую песенку, которую сразу подхватило несколько голосов. Майер, хоть слов и не знал, начал пританцовывать сидя, стиснутый между несколькими девицами – и им,

соответственно, пришлось качаться с ним в такт, оттого и смешки делались все более естественными.

Заглянула к нам и охрана. Хмурый мужчина гаркнул от двери:

– Вы время видели, молодежь?! Чего так расшуме...

Он натолкнулся взглядом на обернувшегося Элвина, ведь мы вместе с тем так и топтались возле двери, замолчал на полуслове. Поздоровался сухо, выслушал причину гама, еще суше поздравил Сегора с днем рождения и совсем уж песком по горлу распрощался, уходя.

Через некоторое время два других охранника катом приволокли нам целый бочонок настойки. Отчитались: поздравляют и с именинами, и с завершением первой в году сессии. А этой ночью нам тут все равно некому мешать, так что официально разрешается шуметь на здоровье.

Такой подарок вызвал настоящее буйство, а Элвин с Майером схватились за головы. И я вместе с ними, представляя последствия. Пьянство теперь точно удастся на славу, если учесть, что из еды у нас – лишь тарелка с нарезанным сыром и окороком, к которым никто и не думал притрагиваться. Но я определенно не собиралась покидать веселую компанию – да хотя бы потому, что забыла, как Марита умеет смеяться. Она словно скинула с плеч Аштара и теперь, покрасневшая, с удовольствием подпевала знакомым деревенским песням. Да и из-за себя тоже – я в своей жизни такого куражного настроения припомнить не могла.

Разумеется, при таком настрое и арсенале все рано или поздно дозрели до танцев. Сначала попытались устроить кадрили прямо в коридоре, а потом приняли решение одеться и выбраться на морозную улицу. Мы с Маритой спешили за первопроходцами, на бегу застегивая теплые накидки.

Снега выпало уже много, и он лишь добавил нашим глупым пляскам зрелищности. Ребята дружно пели, а все плясали как умели – это вам не университетский бал, здесь все по-настоящему, включая безудержную радость. А ведь мне тоже впервые приходилось так скакать – два шага влево, два шага вправо, хлопок. Но мне нравилась сама возможность это испытать. И глупые частушки с пошлым подтекстом вызывали смех: их зверолоды тянули по очереди – кто какую вспомнит. А хоровод оказался очень странным и забавным

танцем, когда все берутся за руки и идут по кругу, напевая или просто подвывая, если не знаешь слов, предложенный мотив. Кто же, интересно, по доброй воле родился бы в княжеской семье, зная, что некоторые люди праздники справляют именно таким образом?

Вспомнила о драконах и обернулась к ним. Оба стояли поодаль, не присоединяясь к полному безумию. Странно, а ведь в комнате мне казалось, что им тоже все нравится. Но теперь уже стало слишком? Неужели даже настойка не справилась с их благородным происхождением? Мое-то вон на раз уничтожила! Я все-таки побежала к ним, ощущая себя за что-то виноватой.

– Вам скучно? – спросила прямо.

– Нет, – ответил Майер. – Просто холодно. Не выносим морозы. Если бы не дела, то драконы зимой вообще бы из замков не выходили. Иди, Айса, веселись. Я все жду, неужели дойдет до того, что девицы начнут задира́ть юбки? А если им еще бочонок добавить?

Они оба были одеты в зимние плащи, но, видимо, все равно ощущали себя неуютно. Но следовало уточнить:

– О, я слышала про вашу нелюбовь к зимней стуже. Холод же не опасен для драконьего здоровья?

– Не опасен, – улыбнулся Элвин. – Просто мы терпеть не можем это покалывание на коже – ощущение уязвимости своего тела. От такого противного чувства хочется плюнуть на все, обратиться, чтобы никогда больше этого не испытывать. И на этом все наши претензии к зимам.

Майер подмигнул другу:

– Заметил, как Айса о тебе беспокоится?

Элвин ответил, глядя на меня:

– Она сейчас беспокоится только о том, как бы мы своими хмурыми рожами не испортили всем веселье. И лучше бы нам или со всеми скакать, или уйти в комнату. Но мы останемся, княжна, потому что я присоединяюсь к вопросу Майера про юбки. Не уйдем, пока самолично не удостоверимся.

Я усмехнулась. А Майер нервно потер руки и сообщил:

– Ладно, я все-таки поскачу с ними немного, а то Марита такая миленькая, что ее могут до смерти затискать! Нас с тобой потом Хинанда обоих живьем сожрет, что не уберегли.

Это уже был значимый шаг, я благодарно ему улыбнулась за поддержку общего праздничного настроения. И позвала Элвина:

– И вы идите, милорд! Понимаю, что на морозе вам не хочется ничего делать, но поверьте – от плясок и прыжков мороз щиплет кожу совсем иначе!

– Приглашаешь меня на танец, княжна? Очень мило, но откажусь.

Я с изумлением уставилась на свою ладонь, которую действительно бездумно протянула к нему, как будто ждала прикосновения. Быстро спрятала руку в пуховый карман на груди и побежала к остальным. Это я просто захмелела, эмоции разбушевались, да и мне определенно хотелось, чтобы оба дракона не отстранялись от остальных ребят. Никакой подоплеки в моем жесте не было! Но Элвин отказал с такими веселыми глазами, как будто какую-то подоплеку прочитал – и осадил меня в этом ненужном порыве. У нас с ним вообще как-то отношения не заладились, слишком много странных моментов накопилось – и, вполне возможно, только я их не понимаю, обладая всего лишь человеческим сознанием. Надо будет когда-нибудь осмелиться и вытянуть его на этот разговор. Пусть просто объяснит – почему мне часто непонятно, что он имеет в виду, и отчего нам с ним иногда так трудно продолжать разговор, что хочется немедленно сбежать?

Я потанцевала кадрили с Сегором, у меня получалось все лучше и лучше! Отбежала в сторону, чтобы сделать еще два глотка дурманящей настойки – зверолоды уже и сюда бочонок прикатили, а девчонки из комнаты успели притащить все кружки. И в этот момент ко мне подошла одна из них – я не была с ней знакома, имя не расслышала, а никакие классы у нас с этой девицей не совпадали. Ее заметно качало, а звуки размазывались, что слова было трудно разбирать:

– Айса! – обратилась она ко мне пьяно. – Ты уж прости, что я вот так сразу в лоб... но меня еще с бала любопытство гложет! Как же вы смогли с драконами сдружиться? В смысле, что надо вообще сделать, чтобы с ними сдружиться?.. Ведь вы ж никто! Как и мы – никто! Никто должны помогать друг другу. – В окончании фразы она пошатнулась и едва не упала.

Я улыбнулась ей как можно приветливее:

– Так я же княжна Имельская! – провозгласила, как будто представлялась богиней. – Чего мне – подружиться с какими-то

шелле? Пришла, представилась, теперь дружим.

И девушка выпучила глаза, хотя явно слышала название моей родины впервые. Протянула разочарованно:

– Во-от оно что... А я-то сразу не поняла... Эх, не оказалась бы ты такой славной девчонкой, я бы тебя возненавидела! Давай еще выпьем, княжна Земельская, за уважение! – она ударила своей кружкой по моей. – И что же, ты и замуж за шелле пойдешь? Неужель за Майера Сао?! Как же он хорош – аж скулы сводит! У их высочества Ео невеста-то уж имеется...

– Не знаю, – я царственно пожала плечами. – У Майера глаза слишком добрые, а мне нравится, когда чуток хищнее. И живут они в сравнении слишком долго – не надоест ли мне потом, когда я стану дородной дамой, муженек, который выглядит как юнец? Мне-то в ту пору интересно будет уже только спокойно в мац-хе перекинуться, а не по балам скакать. Так что я еще думаю! Может, демона себе какого присмотрю, они хотя бы холодов не боятся!

Она почти деловито закивала, пытаюсь переварить мою сложную дилемму и запивая ее настойкой. Я помнила, что Элвин может слышать весь наш разговор, но глаза скосила только сейчас – и верно, он стоял и смеялся снегу под своими ногами. То есть ни одного слова не пропустил. А я-то распоясалась, совсем за языком не слежу. Это потому что все заботы отпустили, улетели куда-то далеко, не оставив в душе даже следа.

Пока мы болтали, шумная толпа придумала новую забаву. Я почти сразу поняла смысл, ведь в нашем княжестве крестьяне делали подобное. Но это был летний праздник! Однако настойка уравнила все сезоны, студентам было наплевать даже на то, что дров рядом не нашлось. Зверолюды со смехом расчистили круг, а Майер вскинул руки и прочитал заклинание, устроив почти самый настоящий костер – огонь горел без топлива, сам по себе, подчиняясь лишь магии. Девчонки захлопали в ладоши, готовясь прыгать. Ко мне подбежал Сегор, спрашивая:

– Айса, у вас такое тоже устраивают?

Ответила приятелю радостно:

– Да! Мы же некоторое время принадлежали Шестой Окраине, да и границей к вам близки, потому у нас очень многие традиции

совпадают! Я даже половину сегодняшних песен слыхала от своих служанок!

– Будешь прыгать? – подбадривал он.

– Это ведь только для влюбленных, разве не так?

Я успела об этом вспомнить, но остальным на такую деталь было плевать. Первыми Майер с Маритой и пошли, она ему на ходу объясняла:

– Надо перепрыгнуть через огонь, но так, чтобы руки не расцепить. Летний праздник влюбленных – шутливая проверка чувств! Дескать, если они над огнем за руки держаться не смогут, то лучше им и не пытаться быть вместе, в настоящей беде точно разладятся!

– Понял, – сосредоточенно ответил Майер. – Давай покажем всем, как это надо делать!

– Да тут, кроме вас двоих, все знают, как это делать, – смеялась от души Марита.

Естественно, через огонь они перемахнули с легкостью. Майер вообще куда-то сильно вверх подлетел и дернул туда же взвизгнувшую Мариту, но приземлились они на другой стороне, хохоча от всей души. Вообще-то, если прыгает настоящая пара, то после успеха они должны поцеловаться. И Майеру об этом кто-то нагло подсказал из шумной толпы. Он притянул мою подругу к себе и звонко чмокнул в щеку. После чего оба мигом отлетели подальше, уступая место следующим. Я же закусила губу – а может, и верное развлечение придумалось. Произошел хоть какой-то сдвиг в намертво застывших на нулевой отметке отношениях. Пусть прыгают еще десяток раз, им полезно!

Я прыгнула с Сегором, раз уж он позвал. Но когда мне показалось, что после приземления и он хочет поцеловать меня в щеку, я со смехом отстранилась – это уже лишнее. И чтобы он не принял на свой счет, на следующий круг побежала с его одноклассником. Перемахнули на ту сторону, но руки случайно разняли. С досадой прикрикнули друг на друга, но за промашку в качестве утешения получили по глотку горячительной настойки. Компания, уловив это новое правило игры, быстро перестроилась – и теперь многие парочки специально разжимали пальцы во время прыжка и сразу неслись за кружками к бочке, вызывая еще больше хохота.

Какая чудесная ночь! Вот бы она никогда не заканчивалась. Вот бы в моей жизни случилось еще хоть сколько-нибудь таких же ночей!

Стоило мне только об этом подумать, как кто-то обрезал все веселье:

– А пойдем в Радожку! Там центральную площадь украсили огнями!

Всем идея понравилась, а мы с Маритой грустно уставились друг на друга. Нам-то выход запрещен, но останавливать других мы права не имели. Ребята с девчонками уже побежали заново в корпус, чтобы переодеться в сухое и отправиться в новое путешествие. Мы тоже пошли за ними, придумывая на ходу, как объяснить Сегору наше нежелание к ним присоединиться. Соврать, что устали? Ведь честное признание способно в качестве поддержки остановить всех остальных, а такое нам с ней не нужно.

Я обернулась и увидела, что Элвин не последовал за нами. Вероятно, он знает, что на этом конец безумной ночи и просто не видит смысла снова забиваться гурьбой в малюсенькую комнату. Но стоило уточнить, потому я отправилась за ним. Дракон стоял перед все еще горящим пламенем – наверное, собирался его потушить, но замер в шаге, наслаждаясь хоть каким-то теплом в морозной ночи. Встав рядом, я тоже уставилась на магический костер – он точно так же прекрасен, как настоящий, языки определенно ничем не отличаются.

– Милорд, мы с Маритой не можем пойти в город, – я все-таки подала голос в той тишине, которая звенит в ушах только после оглушительного шума.

– Да, я знаю, – ответил он тоже спокойно.

– А вы с Майером как поступите?

Вопрос был закономерным, ведь им, вроде бы, до сих пор веселье нравилось, так вполне вероятно, что они не против продолжить праздник. Но Элвин пропустил мой вопрос мимо ушей и задал свой:

– Княжна, не хочешь со мной прыгнуть?

Я продолжала смотреть на пламя, отчего-то спокойная, почти равнодушная к легкому всплеску эмоций.

– Нет, милорд, не хочу.

– Почему же? – Он тоже не глядел на меня. – Тебе тоже кажется, что все это плохо закончится?

На что он намекает на этот раз? На поцелуй в щечку после прыжка? Так ведь он совсем необязателен – многие прыгали только смеха ради. Мне снова удалось проигнорировать скачок сердца вверх.

– Нет. Просто я не хочу больше прыгать.

– Понятно. А ты замечаешь, княжна, что нередко сама пытаешься привлечь мое внимание? Например, некоторые твои шутки, сказанные другим, адресованы именно мне.

– Замечаю, – не без труда признала я. – Наверное, это от хмеля. Извините, если я иногда так поступаю.

– Не извиняйся, – он сказал это сдержанно и развернулся ко мне. – Просто прыгни со мной через огонь.

В горле заскребло:

– Зачем? Если вам так хотелось поучаствовать в этой забаве, то почему же вы не подошли раньше? Все девчонки умерли бы от счастья, если бы вы подошли.

– Ты сейчас на полном серьезе будешь изображать, что я предложил бы это всем умирающим от счастья девчонкам? Княжна, зачем ты играешь роль этой дуры всякий раз, когда я приближаюсь?

– Дуры? – повторила я, но почему-то обидеться не получилось. Зато вышло немного разозлиться: – Вы же умнее всех на свете, чемпион по мац-хе! Неужели сами не догадываетесь, что мне просто нечем больше ответить на ваше приближение? И прыгать я с вами не хочу. И намеки эти дикие потом в уме молотить по два дня не хочу! Но вы постоянно провоцируете, вынуждаете это делать, мучаете, забыв, что я всего лишь человек, а не дракон и даже не демон. Я не разыгрываю дуру – я именно ею себя с вами и ощущаю. И этого не происходит с другими шелле! Майер меня позвал на бал, я с ним там танцевала – но притом не чувствовала себя такой дурой, как сейчас, когда вы всего лишь захотели взять меня за руку и прыгнуть через этот чертов костер. Не вините меня за глупость, потому что глупость эта существует только тогда, когда вы так смотрите... и как будто постоянно чего-то ждете! Нам обязательно надо это спокойно обсудить. Но не сейчас. Сейчас я догоню Сегора и сообщу, что мы с Маритой решили отправиться спать.

Я побежала к корпусу, но расслышала его голос:

– Не надо, княжна. Вы сейчас с ней пойдете в город.

Обернулась и уставилась на его спину. Элвин вскинул руку и резко подал вниз, от этого жеста огонь угас, будто влился красноватой жидкостью обратно в промерзшую землю. Я подумала немного. Да, если драк-шелле попросят, то охранники скорее всего согласятся нас выпустить. Заодно они, наверное, будут обязаны сообщить о нашей

отлучке Зохару. И в чьей компании мы вышли, это уже «любимого жениха» обязательно насторожит. В любом случае так рисковать не стоит, даже ради самой прекрасной в жизни ночи. Произнесла с большим сожалением:

– Не стоит, милорд.

– Стоит, – зачем-то настоял он. – Эта ночь не закончится из-за такой ерунды. Я, кажется, даже холод перестал замечать, так мне все нравится. Просто скажи Сегору, что мы вчетвером присоединимся к ним позже.

Глава 19

Наш побег из университета был впечатляющим, но слишком быстрым. О таких значимых событиях в жизни принято вещать не менее десяти минут кряду, захлебываясь эмоциями и повторяя несколько раз самые потрясающие моменты, но в действительности повествование оказалось бы слишком коротким: мы вчетвером завернули за дальний корпус, подошли в темноте к огромной стене, Майер вклинился между нами с Маритой, подхватывая обеих за талии и предупредил:

– Зажмурьтесь.

Следующие несколько секунд мы визжали в один голос, даже мощный порыв ветра в лицо не смог нас заглушить. Но приземлились на другой стороне мягко, все еще продолжая по инерции вопить.

– Я же сказал, чтобы зажмурились, – виновато закончил Майер этот ужасающий прыжок и отпустил нас.

Теперь-то стало ясно, насколько смешно ему было прыгать через костер и как сложно было не улететь от азарта в черное небо окончательно. Я, задыхаясь, обернулась и имела возможность наблюдать, как сверху летит Элвин – он даже руки не раскинул, только полы плаща от сопротивления воздуха немного распахнулись. Чуть присел, когда ноги столкнулись с землей, выпрямился и с улыбкой пошел мимо нас дальше, показывая путь – нам предстояло еще по заснеженной полянке добраться до дороги.

Остальных мы догнали довольно быстро, но студенты за столь короткое время успели купить несколько бутылей сладкого пива. Хорошо, что не придумали с собой катить бочонок из университета! Мы же с Маритой озирались по сторонам. Здесь пока тянулись узкие улочки небольших домиков, но по мере приближения к центру города становилось все красивее: здания выше, огней больше. Возможно, днем тут еще прекраснее, но и ночью было на что посмотреть и удивиться, как такое количество людей уживается в одном месте, живет через стенку друг от друга, а в седмицу они, наверное, дружно ходят в пивные ресторанчики и торговые лавочки.

– Представляешь, как выглядит Сердцевина, Айса? – вздыхала рядом Марита. – Ведь она в сто раз больше Радожки! У меня голова разламывается, как только я пытаюсь подобное вообразить!

– Не представляю, – с тем же придыханием отозвалась я.

На центральной площади компания устроила почти те же танцы под те же песни – интересно, и зачем для того было выбираться из университета? Но мы с Маритой восторженно кружились, задрав головы к звездам, и не могли не подумать об одном и том же. И первой не сдержалась именно я:

– Марита, а ведь сейчас лучшая возможность сбежать...

– Знаю, знаю, – она остановилась и посмотрела на меня блестящими глазами. – Меня эта мысль догоняет с тех пор, как мы через стену перепрыгнули. Но сколько же людей за наш побег поплатится? Кабы знать, что и директор, и охрана смогут чем-то отговориться. Кабы знать, что Зохар не поедет в мое село, чтобы там меня разыскивать и попутно мучить всех, кто когда-либо был со мной знаком...

– Мы этого не знаем. Но чья жизнь стоит дороже? Почему именно мы с тобой – жертвы? Почему мне пострадать за кого-то нормально, но кому-то пострадать за меня – уже форменная несправедливость?

Подруга прищурилась, почти злобно глянула из-под длинных ресниц:

– Айса, которую я знаю, такого никогда бы не сказала. Надеюсь, это настойка тебе такую дурацкую идею подкинула!

– Почему же? – я немного растерялась. – Объясни, в чем я не права!

– Потому что мы стали жертвами по воле великого князя, он палач, а наша совесть чиста! Но если из-за нас кого-то убьют, тогда палачами станем уже мы. Ощущаешь разницу? Идем лучше танцевать, Айса!

Она закрутилась снова в сторону центра площади, а я как будто начала мерзнуть. Не от холода пока, а от поразительной мысли – Марита, дурочка деревенская, в какой-то незаметный миг стала мудрее меня, княжны начитанной и всячески образованной. Этак ей еще суждено сделаться магистром философии! Я вспомнила, что сегодня все еще не помолилась богине, но мысленно отмахнулась – песнопения вполне могут подождать моего возвращения. Ведь драк-

шелле когда-то правильно сказал: четкого времени для молитвы нет, богине важно, чтобы я про нее не забывала, а не демонстрировала фанатизм. Я подбежала к Сегору, чтобы еще раз сказать пожелания о здравии именинника. Зверолюд едва держался на ногах, но выглядел веселым и счастливым. Подтолкнул меня под локоть и тихонько сказал:

– Наверное, я этот праздник до конца своих дней вспоминать буду – такого разгула со мной не приключалось!

– Со мной тоже! – отозвалась я.

– Твои друзья подарили мне две золотые пуговицы, утром подумаю, что это могло бы значить. Клянусь богами, если кто в силах понять шелле – тому впору самому становиться шелле! Но если бы не они, то ничего настолько шумного и веселого сегодня бы... – он глянул на притоптывающего впереди Майера и не стал заканчивать предложение.

Я не сразу поняла, что происходит. Глянула в сторону – Элвин смотрел вперед, но скорее всего опять слышал каждое сказанное мною слово. Почувствовав мой взгляд, повернулся и подошел, встал с другой стороны. Произнес с улыбкой:

– Не успели вы сбежать. Цепной пес снова на службе.

Я даже переспросить не успела: Майер подался вправо, и тогда я поняла причину легкого всеобщего замешательства. В центре толпы застыла Марита, а перед ней – точно в той же позе и с такими же распахнутыми глазами – стоял Аштар. Я без труда расслышала их одновременные фразы после затянувшейся паузы.

– Разве ты не уехал, Аштар?

– Разве тебе можно здесь быть, Марита?

Выпалили и усмехнулись, будто смущенные. Помолчали, а потом снова заговорили хором:

– Мы отмечаем день рождения Сегора и ничего больше не замыслили...

– Я остановился на полпути к дому и повернул повозку обратно, мало ли что тут без меня произойдет...

Если сегодня у Майера в сердце загорелся хоть крохотный огонек к моей подруге, то он тут же погас, будто и не было. Я покачала головой, пробурчав себе под нос:

– Он снова здесь – и снова рядом с ней.

– И горе тем, кто встанет между ними, – зачем-то ответил Элвин, хотя я не задавала вопросов.

Но я одумалась и поспешила объяснить:

– У них ничего такого нет!

– Охотно верю, княжна. И наверняка ничего никогда не будет. Но при всякой встрече они будут вот именно так замирать друг перед другом. А потом несколько минут вспоминать, что у них ничего такого нет и не будет. Кажется, я начинаю понимать это ощущение.

Он был прав, это я все время ошибалась, полагая, что влюбленность можно погасить невозможностью или моим вмешательством. Посмотрела на почти освоившего кадрили Майера и поняла еще одно: он вообще не расстроен, ему наплевать на Мариту. Он воспринимает ее точно так же, как в первый день знакомства: считает исключительной красавицей, готов поцеловать ее в щеку или поддержать шуткой, но ему по-прежнему на нее наплевать. Почему же страсть не возникает в тех местах, где она больше всего требуется? Зато где не надо – пожалуйста, да такая, что демона с полдороги развернет и притащит именно сюда. Насмешка богов, не иначе. Я сокрушенно тряхнула головой и предложила:

– Давайте уже напьемся, милорд!

– А мы еще нет? – усмехнулся Элвин. – Сегор, найдется немного сладкого пива?

Представления не имею, как устроена городская жизнь, но мне все больше и больше Радожка виделась каким-то неисчерпаемым магическим источником. Например, здесь откуда-то появлялись новые бутылки с дурманящими жидкостями и даже горячие пирожки, как будто только что вынутые из печки. Но ведь уже глубокая ночь! Или зверолоуды, друзья Сегора, обладают таким волшебством, что демоны с драконами позавидуют? Или Радожские пекари за пуговицу от костюма шелле готовы прервать свой сон и устроить любой банкет прямо на зимней площади?

Мы без усталости гуляли почти до утра, но когда силы начали нас постепенно покидать, отправились обратно. Нам четверым снова пришлось отговориться, что в университет вернемся чуть позже. Аштар только оглянулся разок и пошел с остальными, не сомневаясь, что при драконах его возлюбленной убийцы и грабители не грозят.

Перемахнули через стену так же, но и на этот раз визжали – теперь больше от восторга, чем от страха. Ох, завтра голова у всех участников будет болеть, а пока жизнь выглядела раскрашенной в разные яркие цвета. Марита с Майером побежали вперед, чтобы наконец-то согреться в покое, мы с Элвином шли следом. Все вокруг смолкало, засыпало, потухало темными окнами и заново делалось обычным: цвета черного неба и серого в таком освещении снега.

Но перед самым зданием Элвин придержал меня жестом, а другую руку вскинул вперед. Прямо на дорожке перед нами разгорелось пламя – волшебный костер без дров и палок. Я невольно засмеялась, сразу прочитав его мысль – видимо, драконы от такого количества алкоголя тоже чудят. А что, всем можно, а им нет? Вот и драк-шелле заикнулся на идее, теперь она не дает ему покоя. Но чудесная ночь все равно подошла к концу, так почему бы напоследок не поддаться еще одной глупости?

Я вложила руку в его ладонь, примерилась к огню. В длинной юбке прыгать не так уж и просто, как может показаться на сторонний взгляд. И побежала со смехом вперед. Огонь был невысок, как и наш прыжок над ним, и руки мы не расцепили – Элвин очень крепко сжал еще за шаг до магического костра. Приземлились на другой стороне, я со смехом посмотрела на него – и удивилась, поскольку желтые глаза выглядели неуместно для такой ситуации серьезными. Не подумал же он о поцелуе? Нет, наоборот, драк-шелле сразу же выпустил мою руку и отшагнул назад. Но смотрел на меня, словно придумывал, какую еще забаву нам устроить, чтобы смеяться до самого рассвета.

Клянусь, это сделала не я, а море крепкой настойки, сдобренной сладким пивом. В здравом уме я ни за что, ни при каких обстоятельствах так бы не поступила! Но теперь, взвинченная этим взглядом, шагнула к нему порывисто и поцеловала – успела только дотронуться до его губ своими, и этого хватило, чтобы одуматься. Я отлетела назад, поражаясь своей наглости и глупости, прижала пальцы ко рту, чтобы на саму себя в голос не закричать и сжалась от ужаса. Протрезвела за одну секунду, как если бы и не было до того целой ночи возлияний. Вот что бывает, если пропустить молитву! Весь свет может улететь в канализационный сток, если богиня перестает мне помогать.

– Простите, – я прошептала прямо в пальцы.

Но Элвина будто подменили – зрачки сузились до тонких полосок, лицо закаменело. И он подался ко мне. Схватил за запястье, отвел мою руку, наклонился и прижался губами к моему рту, перехватывая меня ладонью за затылок, словно боялся моего страха больше, чем своего собственного. И сразу же начал делать что-то невыносимое, от чего голова закружилась сильнее, как если бы я допила всю бочку настойки до дна: он проник языком в мой рот и судорожно, утробно застонал. Боги, какая ужасная пошлость... но в тот же момент со мной происходило необъяснимое: все тело ослабло, задрожало, эмоции хлынули через край, словно им не хватало больше тела и они рвались из него во все стороны. Его губы были жесткими и ласковыми, а язык – настойчивым, не знающим границ и приличий. Зачем же это так невыносимо и ошеломительно?

Я слабо толкнула его в грудь, но дракон сошел с ума. Его ладонь была уже под моим капюшоном, разжигая прохладным касанием кожу шеи. Безумие Элвина парализовало сильнее, чем заклинание магов, и мне теперь тоже нестерпимо хотелось коснуться его кожи – умереть от восторга, когда мои пальцы ее коснутся. Но я все еще пыталась вспомнить о разуме, потому толкнула снова, а потом стряхнула с руки черный дым и попыталась хлестнуть им. Но сил моих не хватало даже на то, чтобы открыть глаза, потому демонская магия потекла вокруг нас, обвивая и притягивая еще ближе друг к другу.

Элвин сам заметил мои жалкие попытки освободиться – он с трудом оторвался от моего рта, но не от меня самой. Наши лбы оставались прижатыми, а дыхания – перемешанными.

– Не надо, – попросил он едва слышно. – Только сейчас не надо ни о чем думать.

Я во все горло выкрикнула, хотя отчего-то звук тоже вырвался тихим шепотом:

– Это бесчестие, милорд. Хинанда не заслуживает...

– Я знаю, – ответил он и снова поцеловал, но теперь не стал углублять поцелуй. Вновь оторвался, чтобы продолжить: – Уже очевидно, что нам с ней нужно поговорить... сразу же после ее возвращения. Это всем было очевидно. Я, кажется, один до последнего отрицал... Женщина дракона – всегда единственная, а это означает, что моя любовь к ней...

Он сбился и снова вернулся к поцелую. И на этот раз, когда наши языки соприкоснулись, позорно простонала уже я. Да зачем же эти ощущения созданы настолько невыносимыми? Я толкнула теперь резко, вскинула голову, посмотрела в желтые глаза, накручивая себя на ярость – только она могла нас обоих спасти:

– Нет, милорд! Ваши с ней отношения – это лишь ваше дело. Но пообещайте мне, что никогда не захотите расстаться с Хинандой из-за меня!

Элвин усмехнулся, хотя его улыбка выглядела кривой и вымученной.

– Я точно сейчас должен пообещать именно это? Княжна, остынь немного. Я пока сам не понимаю, каким образом и зачем мне вообще эти чувства, представления не имею, что с ними делать, но путей назад ведь уже нет. Неужели сама не видишь, что их нет?

Я вырвалась из теплых объятий, почти в беспамятстве залетела в помещение и пронеслась по коридору. Покои, к счастью, были не заперты, потому я уже через полминуты оказалась в нашей спальне, как будто дверь была моей абсолютной защитой от всех невзгод.

– Айс? – Марита, оказывается, уже забралась в постель и теперь из-под одеяла уставилась на меня. – Боги, что случилось? На тебе лица нет!

– Я просто забыла сегодня помолиться. Спи, а я прямо сейчас это сделаю.

– Ты хоть меховую накидку сними, – посоветовала она, успокаиваясь.

Но мне было плевать на неудобство и навалившуюся после мороза жару комнаты. Я рухнула на колени и сцепила руки, запела, иногда давясь накатывающими слезами. А потом повторила молитву еще раз, и еще. И наконец-то почувствовала, что богиня снова смотрит на меня – и, возможно, даже немного жалеет, настолько я удручающе выглядела в своем смятении. По крайней мере, нервы начали расслабляться, голова снова вставала на место, и от недавнего сумасшествия оставалась только память, но она освобождалась от эмоций.

Под тихое сопение Мариты я поднялась на затекшие ноги, медленно переоделась, подошла к зеркалу и причесалась. Потом села в кресло перед окном и наблюдала, как мир вокруг постепенно светлеет,

как серый снег становится белым. Я сидела так часами в спокойном ожидании, когда подруга проснется.

И, когда это произошло, посмотрела прямо и сказала без малейших эмоций:

– Собирай вещи, Марита, мы с тобой вернемся в наше общежитие. Не думаю, что угроза все еще существует. Если она вообще когда-нибудь была.

– Что? – она потерла заспанные глаза. – Почему? Разве нам здесь жить не здорово?

– Потому что вчера я поняла, что у тебя ничего не случится – ни с Майером, ни с кем-то еще. Я вообще ошибалась, когда делала эту ставку. Аштар вернулся, и ты сразу забыла, что существуют другие мужчины.

Подруга густо покраснела, отвела глаза.

– Из-за меня, что ли?

– Не только. – Я встала с кресла. – Но у нас теперь нет ни одной причины здесь оставаться и продолжать злоупотреблять гостеприимством шелле. Мы и так нарушили все возможные нормы приличия.

Марита выглядела виноватой, она тотчас вскочила и побежала к шкафу с какими-то извинениями – мол, это она все разрушила, потому что слабая и глупая. И лучше бы Аштар уехал в родовой замок, она ведь почти его успела позабыть! Ей вот денечка-другого только и не хватило. Но с моим решением она не спорила. И я ее не разубеждала. А что бы я сказала? Что это я здесь – слабая и глупая?

Я тем временем вышла в коридор и решительно направилась к другой спальне. Постучала, но мне не ответили. Потому пошла в гостиную. К счастью, Элвин сидел перед камином в полном одиночестве. Я бы сказала то же самое и при Майере, но наедине все же было сравнительно легче.

– Милорд! – позвала я. – Мы с Маритой возвращаемся к себе. Примите нашу благодарность за всю вашу помощь, она была бесценной. И выслушайте насчет вчерашнего происшествия, – я чеканила слова так сухо и уверенно, что самой себе поражалась. – Мое поведение было непростительным. И меня не оправдывает тот факт, что никогда прежде я не была так пьяна, как минувшей ночью. Если

сможете когда-нибудь простить мое непотребное, немислимое поведение, я буду рада.

– Уходите? – Элвин продолжал смотреть на огонь, не поворачиваясь ко мне. – Не надо, княжна. Если для того, чтобы ты осталась, я должен изобразить, что не переосмысливаю последние двадцать лет своей жизни – хорошо, я изобразу.

– Мы в любом случае уходим, милорд.

Он усмехнулся – и жаль, что выражение его лица было скрыто, я бы посмотрела на настоящие эмоции, играющие сейчас в его чертах.

– Убегаешь из-за страха, я правильно понимаю? – Элвин не спрашивал, а утверждал. – Боишься меня. Себя. Того, что мы оба рано или поздно взорвемся, если будем находиться друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Тогда я приказываю – останься. Хотя я сам боюсь того же.

– Ничего подобного, милорд, – мой голос звучал размеренно. – Я даже не боюсь послушаться вашего приказа.

Он слегка повернул голову, но на меня так и не посмотрел.

– Чего же ты тогда боишься, княжна?

Теперь настала моя очередь усмехнуться – и славно, что он выражения моего лица тоже не видел:

– Аштар однажды сказал, что демоны боятся только других демонов. Мне понравились эти слова, они пришлись впору и мне. Я по-прежнему боюсь своего жениха. А теперь я еще до ужаса боюсь сделать больно Хинанде – оказаться недостойной ее грубой заботы, не заслуживающей ее агрессивной доброты. Но ваш гнев меня не страшит. Я прямо сейчас рискую потерять хорошего друга и прекрасного собеседника, но и это не страх, а лишь сожаление. До свидания, милорд.

Больше я не слушала, да он, кажется, больше ничего и не говорил.

Глава 20

Возвращаться оказалось не так приятно, как уходить. Уже в коридоре своего общежития мы столкнулись с девушкой, которая при нашем появлении скривилась и рассмеялась одновременно:

– Вас уже прогнали? Наигрались шелле с послушными постельными игрушками и отправили восвояси?

Я хмуро глянула на нее и прошла мимо, а Марита решила ответить:

– Не завидуй, Кейра, тебе вовсе не идет!

Уже в комнате подруга посмотрела на мое лицо и удивилась:

– Ты почему так расстроилась, Айса? Тому, что все в университете подумают именно так? Ну разумеется, подумают! Хотя бы потому, что сами согласились бы стать постельными игрушками шелле даже на одну ночь, не говоря уж о нескольких месяцах. И не злись на нее – Кейра не злая, хоть и очень завистливая.

– Так хорошо ее знаешь? – я обернулась.

– Неплохо, это ведь моя соседка – не помнишь, именно ее переселили из комнаты, когда ты приехала?

И верно. Хотя я в первый день здесь так волновалась, что не разглядывала всех подряд. Да и укол меня не особенно зацепил – теперь надо привыкать, что подобное может ляпнуть любая. Зато после напоминания задумалась:

– Твоя соседка... у которой, возможно, и ключ от комнаты остался? И которую прогнали из-за меня!

– Думаешь, она могла перстень украсть? – сразу поняла мой намек Марита, но покачала головой: – Нет, не думаю. Кейра способна закатить скандал на ровном месте, немного завидует всем подряд, но она не вор и не убийца! В мире много таких людей – и если бы каждый был готов на подобное зло, то от добрых людей бы уже целого клочка не осталось!

Возможно, она права. Но все же следует присмотреться к этой Кейре – и вернуть ей сторицей, если все же она виновна. Сейчас же я только изумилась, почему ее кандидатура вообще вылетела из головы, ведь люди разные бывают – и некоторые не способны забывать обиды.

Под вечер следующего дня я снова получила записку. Элвин был прав – я запомнила его почерк.

«Я понял правила этой игры, княжна. Очевидно, что мне предстоит серьезный разговор с Хинандой, но без упоминания твоего имени. Я ее слишком люблю и уважаю, чтобы продолжать врать или морочить голову. Тебя рядом с этой историей нет и никогда не было. Потом мне полагается выждать лет сто, пока она успокоится, а потом уже заводить какие-то иные разговоры. Но тебя этот вопрос через сто лет уже автоматически не будет касаться, потому какой смысл в том, чтобы тебе прямо сейчас терять «хорошего друга и приятного собеседника» (цитата точная)? Полагаю, мы договорились. Эл».

Пришлось об этом думать снова и снова: сначала с улыбкой от его иронии, а потом с грустью – от той же самой иронии. От стыда и неожиданно навалившегося чувства к дракону меня спасала, как ни странно, Марита. Дело было в том, что именно ее пример показывал: страсть делает даже из умного человека идиота, и страсти наплевать на безопасность и сохранность жизни своего носителя. Клянусь богами, если бы не она и Аштар, то я не оказалась бы готова к такой атаке эмоций. Теперь же могла их обдумать со стороны и остудить голову. Но на записку не ответила ничего, как и не спешила возобновлять любое общение.

Марита же до сих пор пребывала в своей болезни. Она старалась не говорить о возлюбленном, зная, как сильно я этого не одобряю, но если уж возникал любой повод, то упустить его не могла.

– Айса, а ты заметила, что Аштара целый день нет? Куда же он пропал, интересно? Не случилось ли чего, а мы и не знаем? – спросила она будто между делом во время ужина.

Вот она и есть – нелепая страсть, вынуждающая бедную девушку постоянно ощущать присутствие демона. Его мы действительно не видели во время завтрака, обеда, как теперь и ужина, хотя он и раньше к нам не подходил. Он мог быть где-то в отдалении, но чутью Мариты на Аштара следовало доверять, как если бы она сама превратилась в дракона и получила их способность улавливать фон конкретного человека. Мне оставалось лишь равнодушно пожать плечами:

– Не знаю. Может, он все-таки уехал в Седьмую Окраину? Вначале вернулся, убедился, что мы с тобой в безопасности и не планируем побег, и решил все-таки навестить отца.

– Может, – она отозвалась неуверенно. – Хотя странно принимать такое решение сейчас, когда каникулы почти закончились. – Марита тряхнула головой и сменила тему: – Лучше ты расскажи, почему мы теперь даже в гости к шелле не заходим? Что же такого случилось, что они из приятелей для нас снова в незнакомцев обратились?

– Ничего не случилось, Марита, – буркнула я недовольно.

Подруга же принимала этот поворот на свой счет – и опять зыркала на меня виноватыми глазами. Она – не без моего участия – решила, что я потеряла всякую надежду на то, что она заведет с милордами более близкие отношения, вот все и обрубилa. С моей стороны несправедливо было заставляя ее так считать, но правду я ответить все равно не могла. Хотя бы потому, что все еще не знала, правильно ли нам вообще встречаться с Элвином. Марита же выискивала пути, чтобы оправдаться:

– Айса, ты, наверное, не заметила, но они очень хорошо к нам относились. Все! Майер оказался просто душкой, тебе это каждый зверолод подтвердит, а у Элвина глаза горят, когда ты почти-почти его обыгрываешь в эту вашу мац-хе... Наша с тобой компания не была им в тягость, как мы поначалу с тобой думали. Я уже скучаю по Хинанде. Нет, ты знаешь еще кого-нибудь, кто может чертыхаться и тем делать на душе приятно? Хотя... у Аштара есть такая же особенность... – И Марита, случайно выдав последнее, снова скривилась от чувства вины.

Мне теперь, после ее слов, и самой начало казаться нелепостью то резкое отторжение, которое по моей воле произошло. Ведь многим, да и мне совсем недавно, даже в мечтах было неуместно представить себя в одной комнате с шелле. Я же подобный подарок судьбы разорвала, словно вообще его не ценила. Станут ли помогать боги снова, если я с такой легкостью выбрасываю их дары? Да и отторжение – признак слабости. Как если бы Элвин был прав: я чего-то боюсь, избегаю проблемы и прячусь от лобовых атак...

Я в очередной раз задумалась над этим вопросом, как за меня решила богиня – иначе такое совпадение и не назовешь. К нашему столику подошла служанка, одна из новых столовых работниц, и поинтересовалась:

– Извините, вы нам не поможете? Студенты скопом приезжают с каникул, а служащие еще не все вернулись. – Я уж было подумала, что служанка собирается заманить нас на кухню и попросить помыть

тарелки – настолько у нее был смущенный вид, но она наконец-то закончила свою просьбу: – Вы не отнесете шелле вино и фрукты? А то у нас рук не хватает.

– Поможем с удовольствием! – согласилась за обеих Марита. – Но почему вы подошли именно к нам?

Служанка улыбнулась в ответ на этот немного дурацкий вопрос. Понятно ведь почему: все в университете знают, какую тесную дружбу мы с высокопоставленной компанией водили. Скорее всего, мало кто в курсе, что дружба уже закончена, вот и нет в просьбе ничего странного. А мне отчего-то сразу стало проще: будто бы я не сама так решила, а за меня кто-то придумал отличный повод зайти снова и сделать вид, что размолвкам между нами нет места.

Мне выдали две бутылки дорогого вина, а Мариту позвали на кухню, где уже собрали корзинку с фруктами. Я решила подождать подругу на улице, но там почти сразу столкнулась с Аштаром.

– Надо же, а вот и ты, – тепло ему улыбнулась. – А я уже решила, что ты уехал домой.

Демон выглядел сосредоточенным, если не сказать злым.

– Следовало уехать, тогда бы я узнал больше, Айса! Вчера вечером пришло послание от отца – и ты снова будешь делать вид, что ни о чем не догадывалась.

– Что-то произошло? – теперь и я забеспокоилась.

Чтобы не выдавать нервное напряжение, зашагала дальше, вынуждая Аштара идти рядом.

– Произошло, – сдавленно произнес он. – Армия великого князя снова перехватила делегацию – и на этот раз получила признание: Имельское княжество снова хочет присоединиться к Шестой Окраине. Ты вообще понимаешь, что значат такие слухи?

– Понимаю. – У меня на сердце стало очень тяжело. – Понимаю, что твой отец умеет допрашивать людей так, что они признаются в чем угодно. Мое княжество не содержит столько военных, чтобы даже голову поднять, Аштар! И Шестая Окраина нам мало чем поможет – ведь двести лет назад они не смогли нас защитить. У твоего отца давно маразм, от древности лет разум помутился!

Высказав такое оскорбление, я немного смутилась. Но Аштар не разозлился, если вообще на мой выпад обратил внимание – по крайней мере, продолжал рассуждать почти спокойно:

– Я люблю и уважаю отца. Люблю – потому что отец. А не уважать его невозможно, он силен и хитер, держит в ежовых рукавицах огромную территорию, самую крупную Окраину империи, придав тем самым ей могущества, с которым считается даже Центрина. Он – самый истинный демон из всех нас. Но иногда и он может ошибаться. Потому я и говорю с тобой открыто. Я тоже не вижу логики в восстании, Айса, но будет достаточно, если ее видит он. Мне приказано не спускать с тебя глаз – если сбежишь, то он и родного сына не пощадит. И если Зохар Рокка твердо уверен, что твои земляки решили подняться против его власти, то не удивляйся, если сюда за тобой уже едет его военный отряд. Ведь ты записана в истории как раз в качестве гаранта против подобного.

Мне резко стало холодно, словно зима пробралась под накидку за секунду, но не остановилась и настырно полезла под кожу до самых костей. Я сбилась с шага, но потом заставила себя идти дальше.

– Хочешь сказать, что он меня отсюда заберет?

Аштар злобно усмехнулся:

– Хочу сказать, что если он тебя просто отсюда заберет – это будет меньшая из твоих бед. Но и сбежать я тебе не позволю.

Мороз пробрался до самого горла, застудил голосовые связки до хрипоты:

– Зачем же ты предупреждаешь, если выхода для меня все равно нет?

– Чтобы ты этот выход нашла, Айса! – рявкнул он. – Срочно напиши письмо домой, попроси их самих выслать послов к главе Окраины. Пусть твои родные любым способом объяснят ему, что он ошибся! А не трать время попусту... Боги, чем ты вообще занимаешься, пока твоя жизнь висит на волоске?

Он наконец-то заметил бутылки в моих руках. Но мы уже дошли до корпуса шелле. Я по инерции направилась по коридору, от взволнованности забывая отвечать на приветствия слуг. Марита, судя по окликам, нас догоняла, но я никак не могла вынырнуть из своих мыслей. Написать письмо? Но разве мою просьбу родители услышат? Хотя, наверное, стоит попытаться. Они могут даже не подозревать, в чем их обвиняет великий князь. И в этом случае им самим было бы лучше каким-то образом подстраховаться: явиться к нему с поклоном, заверить в вечной преданности, задобрить любым образом.

Я и не заметила, когда двери покоев Элвина передо мной распахнули. Мое лицо здесь было известно каждому, потому уже давно даже не спрашивали о цели визита, но на демона охранник косился в недоумении и явно собирался его остановить. И я только в этот момент очнулась от переживаний и запоздало ответила на вопрос:

– Это вино для шелле, Аштар. Меня попросили его отнести.

– Тебя?! – он почему-то этому факту чрезмерно удивился. – Тебя, Имельскую княжну, попросили выполнить работу слуг?

Я глянула на него и вздохнула:

– Уж не мне бравировать своим положением. Тоже мне – тяжкая работа! Сейчас отдам и потом подумаю над твоим советом. Подожди здесь, Аштар, тебя ведь не приглашали.

Нас заметил Майер как раз в тот момент, когда со спины ко мне подбежала Марита. Она зарделась от непонятных мыслей, но с демоном даже не поздоровалась – удержалась. Да и Майер нас позвал весьма приветливо:

– О, ну наконец-то две пропажи нашлись! Девчонки, вы куда исчезли? Да я смотрю, вы сразу с дарами! Ну ладно, приму в качестве извинения.

Элвин тоже был у себя. Он стоял возле камина, когда я вошла. Попыталась улыбнуться как можно легковеснее и совсем уж запросто перечеркнуть последние несколько дней тягостных раздумий и слабости.

– Добрый день, милорд! Надеюсь, вы не нашли пока еще себе соперника в мац-хе? Кажется, я смогла выстроить в своей голове крученную стратегию, которая мне поможет наконец-то выиграть!

Он просто кивнул с улыбкой. Не сказал, что рад, но и не показал, что раздражен вторжением. Полагаю, его сердце от такого же волнения, как мое, не заходило. Майер же, как обычно, вел себя расслабленнее всех – он выхватил у меня бутылку вина и уже успел ее распечатать.

– Выпьем за примирение! – крикнул, направляясь к столовому залу за бокалами. – Выпьем за примирение, а потом расскажете, из-за чего мы воевали. Марита, ну же, помоги мне, пока эти двое пялятся друг на друга после долгой разлуки.

После этой фразы мы с Элвином одновременно уставились в разные стороны. Долгой разлукой Майер назвал всего лишь несколько

дней? Но его ирония подсказывала, что он будто догадывается вообще обо всем на свете. Мне стоило сказать что-нибудь столь же шутливое, и тогда можно всерьез полагать, что дружеская нотка вернулась на прежнее место.

Но едва я только открыла рот, как ошарашенно замерла, когда прямо перед глазами пронесся черный вихрь. Аштар не остался снаружи, а влетел во все еще распахнутую дверь и со всего размаха ударил Майера по руке, выбивая бокал. Драк-шелле, обычно добродушный и беззлобный, впервые на моей памяти взвился и заорал так, что стены содрогнулись:

– Ты что творишь, демон?! Жизнь надоела?

Аштар выглядел растерянным, словно его заставили подойти и треснуть дракона, а сам он в этом участвовать не собирался. И притом спешил объясниться:

– Не пейте это...

– С чего вдруг?! – Майер все еще не успокоился.

– Я не знаю! – Аштар глядел то на него, то на меня. – Слуги не стали бы просить студенток о такой услуге! Даже если бы считали их любовницами шелле! Тем более, если бы считали их любовницами шелле – а об этом в университете почти все сплетничают.

– Но ведь они нам не любовницы, – закономерно заметил Майер, мгновенно откинув злость.

– Какая разница, если в это все верят? – настаивал Аштар более уверенно. – Сами подумайте! Даже если слуг не хватает, они никогда не стали бы просить студентов отнести хоть что-то для шелле. Но если все-таки решили бы попросить о любой работе, то точно не самых привилегированных, а сплетни сделали Айсу и Мариту именно такими. И почему именно Айсе всучили вино, а Мариту задержали? Не был ли смысл в том, чтобы разные послышки доставили разные девушки?

– Думаешь, яд? – продолжил Элвин его мысль. Подошел к другу, взял распечатанную бутылку и принюхался. Задумчиво прошел дальше, наклонился над фруктовой корзиной и тоже повел носом. – Вообще ничего не чувствую.

– Паучий глаз? – задал Майер непонятный вопрос.

Я прошептала:

– Какой еще глаз?

Аштар, который замер со мной рядом, так же тихо ответил:

– Лекарственное растение, но именно его драконы не распознают по запаху. И для них оно по этой причине является опасным ядом, может и убить. Но попытка отравления рассматривалась бы в любом случае – независимо, привело бы это к смерти шелле или просто к временному поражению тела и магических сил. Поздравляю, отравительница.

Мне сделалось плохо:

– Я?! Надеюсь, здесь все понимают, что я никогда, ни при каких условиях не пожелала бы вам обоим зла?

– Понимаем, – Элвин кивнул с проскользнувшей улыбкой и выдал очень неуместную в таких обстоятельствах шутку: – Ты могла бы отчасти пожелать зла мне, но точно не моему веселому приятелю. Ты в нем души не чаешь – собственно, как и все, кто близко с Майером знаком. Но сейчас не об этом. Это снова произошло, причем самым топорным образом.

– Опять? – ожила Марита. – Но тогда это точно не Кейра! Нам все это выдали в столовой...

– Что еще за Кейра? – заинтересовались драк-шелле. А Элвин еще и добавил недовольно: – Разве вы не собирались нам сообщать обо всех подозреваемых?

Поучаствовала определенно не Кейра. Откуда у простой студентки доступ к винам для шелле? Я отступила на шаг, не мешая разговору. Марита им вкратце рассказывала про бывшую соседку, а драконы сокрушались, что Хинанда с братьями Кеймарами все еще не вернулись. Последние могли бы сказать наверняка – есть ли яд. А теперь придется или закрыть глаза на происшествие, или обратиться к директору. Тот снова поднимет немыслимую панику и спугнет преступника. Я сделала еще один шаг назад. Слишком топорно выполнено, даже ничем не прикрыто. Огромный риск, а на него человек пойдет лишь в крайней степени отчаянья. Я развернулась и почти побежала на выход.

– Княжна, ты куда?

Я не ответила Элвину, спеша поскорее добраться до места.

Служанку из столовой даже разыскивать не стала – и без того было ясно, что она действовала не по собственной инициативе. Молодая и неопытная девица, которой пожилая повариха со стажем

передала свое распоряжение. Девушка, скорее всего новенькая, даже не подумала, что это чем-то может быть чревато: ей сказали – она сделала. Я сразу же метнулась к корпусу работников, а там задрала подбородок повыше и потребовала, чтобы меня проводили к комнате Тайши. Такую интонацию почему-то никто не подумал поставить под сомнение и мне боязливо указали на дверь.

Спальня была заперта – неудивительно, если сейчас разгар рабочего дня. Но я была невообразимо зла, а это отличная пища для демонской силы. Без труда плеснула из пальцев почти черный дым, обернула им руку и ударила прямо в замок. Слабая щеколда вылетела от такой атаки, дверь распахнулась с треском. Я влетела внутрь и начала беспорядочно раскидывать вещи, заглядывать под матрас и выдвигать ящики шкафов.

Вероятно, о моем вторжении все-таки сообщили в столовую, поскольку через несколько минут от входа раздался голос, дребезжащий от страха:

– Вы что-то ищете, сударыня?

Я к ней даже не обернулась:

– Ищу, Тайша, ищу! Любые доказательства – сухой пучок паучьего глаза или какую-нибудь очередную украденную побрякушку шелле, которую полагается позже спрятать в моих вещах. А лучше бы найти хотя бы намек на причину такой ненависти ко мне!

– Ненависти? У меня нет к вам ненависти.

Я рассмеялась с яростью, вообще забыв о том, что я человек, а не демон.

– Тогда еще любопытнее, Тайша! Ты пока начинай за себя волноваться, раз сама себе приговор подписала. Шелле вино даже не попробовали! Но если бы тебе удалось их отравить, они все равно никогда не подумали бы на меня. А ты, дура старая, уже на плахе будешь объяснять палачу, что же в твоём рассудке помутилось!

– Остановитесь, сударыня. – Женщина прошла внутрь и присела на край развороченной постели. – Я не хотела их отравить.

– Не ври мне! – заорала на нее еще громче, готовая уже схватить за грудки и вытрясти всю правду. – Не смей врать своей княжне!

Повариха неожиданно успокоилась, хотя оставалось такой же бледной, и повторила почти шепотом:

– Я не хотела их отравить... до смерти. В смысле, от такой дозы дракон не умрет, хотя будет чувствовать себя препогано... Милорды Сао и Ео – очень добрые, я ни одного грубого слова от них не слышала, для меня было большой радостью готовить для таких порядочных и благодарных господ. И точно я не причинила бы никому из них большого вреда. Даже ради вас, сударыня. Плохо, что никто из них не выпил, тогда преступление нельзя было бы замять – и они либо вас окончательно взяли бы под свое крыло, либо казнили.

Застыв в воздухе, я рассматривала ее мертвенно белое лицо, пораженная тем, что Тайша наконец-то начала говорить открыто – она только что призналась!

– В чем же твоя цель? – выдавила я.

Повариха вздыхала, терла пухлые красные руки, отводила слезящиеся глаза. Но потом вскочила на ноги, будто ее подорвало, кинулась в сторону и упала на колени перед высоким шкафом, долго искала что-то под ним, затем достала письмо. Зачем-то судорожно долго разглаживала и расправляла, но все же созрела и протянула мне со словами:

– Я лучше все равно не объясню.

Почерк родной матери я узнала сразу – видела много ее писем и записок для торговцев с заказами. Читала молча, иногда по несколько раз каждую фразу, чтобы абсолютно явственно понять весь смысл.

«Забудь об осторожности, Тайша, и толкни мою дочь к шелле еще раз. Десять раз. Сто раз, если успеешь. Пусть они или спасут ее, или убьют. Я помогала тебе, когда ты уехала в Центрину, а теперь я жестоко прошу уплатить долг и взываю к твоему милосердию. Знаю, какой ты добрый человек, потому пожалей мою дочь, Тайша. Быстрая смерть будет стократно милосерднее того, что сделает с ней Зохар. Он даже умереть ей не позволит – месяцами, годами. Можешь себе хоть на секунду представить, если бы такая участь ждала твое родное дитя? Не попросила бы ты в таком же случае хорошего человека ее спасти быстрой карой? Но я не могу продолжать быть столь эгоистичной, чтобы заставлять других людей страдать, пока не будет спасена моя дочь. Время на исходе, Тайша. Помогите!»

На этом было все, даже без подписи. Еще не до конца осознавая, я подняла взгляд на женщину, требуя полных объяснений. И она сразу затараторила:

– Это далеко не первое ее письмо, сударыня. Остальные я уничтожила, да и это собиралась, просто не успела. Княгиня в самом деле мне много помогала – по душевной доброте, как я думала. Но когда вас отправили сюда, она решила вспомнить все мои долги. Хотя ведь она права – и я бы вспомнила, и любая мать на ее месте взывала бы к тому же. Ваши родители и так ждали слишком долго. Они не хотели начинать, пока вы остаетесь в руках великого князя. Я уже поняла, что вы из-за чего-то рассорились с Элвином Ео, потому пошла на риск. Либо толкнуть вас к нему обратно, либо уж довести до вашей казни.

У меня в горле пересохло, аж больно было говорить:

– То есть княжество всерьез собирается поднимать бунт? Но они ждали... чтобы не я ответила за их решение?

– Конечно, собирается! – энергично, почти зло воскликнула Тайша. – Уже давно решено, что пора или погибнуть, или освободиться от этого гнета! Ведь и мои родные там, я не могу не быть на их стороне!

– Еще раз... – я никак не могла собраться. – Они решили погибнуть в борьбе за освобождение, но притом пожалели... меня? Зохар будет пытаться меня и даже умереть не позволит, чтобы длить и длить мои страдания. Но от такого решения многие пострадают тем же образом. В чем же логика?

– Когда обзаведетесь своим потомством, княжна, тогда и поймете, что в этом мало логики, но много любви, – Тайша помолчала немного и попросила: – Не рассказывайте о моих преступлениях шелле, молю. Я даже не справилась с той единственной задачей, которую передо мной поставили.

– Не расскажу, – пообещала я и пошла от нее. – Если чистое зло существует, то это точно не ты.

Повариха вдруг прошептала:

– Вероятно, я и есть зло, ведь это не все мои преступления, сударыня. Даже ваша матушка обо всем не знает.

Я захлопнула едва приоткрытую дверь и вновь уставилась на нее. Тайша уже не видела смысла ничего скрывать, раз главное выплыло наружу:

– Это далеко не первый раз, когда я подсыпаю добавки в вино и пищу милорда Ео. Но до сих пор был не яд. На малюсенький мешочек

сушеного корня мороки у меня ушло все жалованье. Из него в Первой Окраине готовят мощные приворотные зелья, но я не колдунья, да и боялась, что по вкусу будет узнаваемо. Потому добавляла мизерную крошку всякий раз, когда готовила.

Новость меня ошарашила.

– Но все шелле нередко ужинали у Элвина!

Она грустно усмехнулась:

– Надеюсь, что именно поэтому вас с Маритой приняли чуть теплее, чем могли бы. Я не знаю, был ли какой-то эффект вообще. Но мне приятнее было надеяться, что я не подписываю вам смертный приговор. Что делаю все возможное, чтобы шелле захотели отвести от вас руку палача, если до этого все же дойдет. Мне невыносимо было считать себя убийцей даже ради вашего блага, сударыня.

Но эффект был! И все грандиозные последствия сейчас оседали в моих мыслях, вынуждая дышать со все большим трудом:

– Вряд ли такая дозировка повлияла на всех. Но Элвин был единственным, кто постоянно трапезничал у себя! О боги... вот откуда взялась сумятица в его голове, которую он сам не способен понять... Вот откуда! Тайша, ты хоть понимаешь, что наделала?! Он ведь едва не разорвал помолвку с любовью всей жизни ради... ради пустышки!

– И что мне с того, сударыня? – Женщина смотрела прямо, хоть и красными глазами. – Что мне с его бед или бед его злобной невесты, если бы дракон спас вас и увез в Сердцевину?

– Ну да... А потом Элвин все осознал бы и умер от отчаянья. О да, забрать у дракона единственную настоящую любовь и подсунуть временную, накрученную морокой ерунду, чтобы после он себя проклял. Чудесный план, Тайша. Не вздумай больше этого делать. А лучше отдай мне остатки зелья, я выброшу их сама.

– Не сердитесь так, сударыня, – попросила она. – Ведь доза была столь мала, что не могла бы обернуть полное равнодушие любовью. Может, лишь прибавила каплю теплоты или усилила внимание, но из-за подобного помолвки не разрывают. Не все так однозначно, как вам сейчас показалось!

Я вышла от нее, больше не в силах смотреть на лицо человека, которого даже обвинить в злом умысле не могла. Хаос в мыслях затмевал мне глаза и мешал соображать. Новость про чувства Элвина меня раздавила. Про любовь ко мне и речи не шло, только о сумятице.

Но я до той секунды даже не понимала, что сама ощущала приливы непонятого блаженства от его неожиданных эмоций в отношении меня. Но под ними ничего не скрывалось – в отличие от моих собственных. И сейчас я могла себя похвалить за выдержку: что все пресекла, остановила, провела черту, а не поддалась взаимному порыву. В котором взаимности-то и не было... Вот, оказывается, как разбитое сердце побаливает? Ничего, терпимо.

И что же случилось с княгиней Имельской, которая никогда меня не любила? А может, любовь в себе забить до смерти просто невозможно, она все равно проклюнется? Писать письмо домой, следуя совету Аштара, теперь вообще бессмысленно. Мои родные виновны, великий князь оказался прав в своих догадках. Виновны и просто ждали подходящего момента. С каких же пор? Наверное, с тех, когда я поехала сюда – в этом появился всеобщий шанс. Но если бы я сразу попала в замок Зохара, тогда меня уже никто бы и не пытался спасти – было бы невозможно. Шанс появился в связи с его решением, и мать – которая матерью мне в полном смысле никогда и не была – не смогла его упустить. Пусть шелле или убьют меня быстро, или возьмут под свое крыло. Она в любом случае посчитала бы меня освобожденной.

Я запнулась о замерзший корень, полетела вперед. Но так же бездумно поднялась и поплелась дальше, не разбирая дорожек и не выбирая направления. Я не могу просить их остановиться! Имельское княжество хочет пойти на немыслимые жертвы. Шестая Окраина, скорее всего, дала согласие помочь, отсюда и две перехваченные делегации. Но даже при таких силах у них нет никакой возможности победить армию демонов – вероятно, одну из самых сильных вообще во всей империи. Центрина не вмешается – это ее основной закон, потому силы слишком неравные. И все равно я не имела морального права взывать к осторожности. Хотя бы потому, что какой-то частью души понимала их выбор. Не дело это – формально владеть землей, на которой ты бесправен, и с которой все свободные стараются убежать при первой возможности. Но даже сбежавшие всю оставшуюся жизнь мечтают об изменениях, чтобы больше не оплакивать своих родных.

Рассмотрела вдаль Аштара – и сразу же свернула к своему общежитию. Мне нельзя с ним говорить. Ни с кем нельзя об этом говорить!

Когда вернулась Марита, я сидела на полу посреди нашей комнаты в полной тишине. Подруга вздрогнула, будто уже и не надеялась меня здесь застать.

– Айса, ты где была? Элвин сказал, чтобы мы обе снова ночевали у него! Хотя бы до тех пор, пока не выяснятся обстоятельства. Директор подтвердил, что яд в вине был – правда, в небольшой дозировке, потому убийца наверняка глуп. Драконы уговорили пока не поднимать шума, они думают, что тот глупец рано или поздно обозначит себя. Но нам с тобой лучше идти...

– Иди, – перебила я. – Ночуй у Элвина. А мне надо подумать, Марита.

– О чем же? – растерялась она.

Я ответила задумчиво:

– О том, что они, может быть, правы... Мне стоит признаться, что это я украла перстень и подсыпала яд... Например, из ненависти к шелле – ведь они не захотели помочь в моей беде. Им вообще наше с тобой положение было безразлично... и потому я пошла на такое преступление... Надо подумать, чтобы все сходилось.

– Что ты несешь?! – завопила она. – И кто правы?

– Неважно, Марита. Уходи или оставайся, только не мешай. Я лучше помолюсь, помогу себе собраться с мыслями.

Подруга помялась сзади, потом пошла в ванную. Я же в плавном течении песнопений осеклась, как о порог споткнулась – резко, прямо посреди слова. Затихла, замерла, ошарашенная. Не о смирении я должна просить богиню – это как раз то, о чем никогда просить не следовало! О смелости, об умении принимать самые жесткие решения, о внутренней силе и хладнокровии – вот о чем нужно попросить. Аштар может отвести руку обидчика, Марита – поднять настроение и поддержать, Элвин способен успокоить Хинанду или под действием зелья оградить меня от всех бед; моя мать будет еще некоторое время умолять повариху сделать хоть что-то более результативное, а та продолжит тужиться в попытке угодить княгине, даже магистр Ин-Тар научит меня еще десятку боевых приемов. Все они чем-то мне помогали, но никто из них меня не спас.

И только потому, что в спасении до сих пор не участвовала главная фигура на доске – сама я.

Глава 21

Стоило всерьез поразмыслить о побеге. Аштар, хоть и обязан, но все же не следит за каждым моим шагом – вот даже вчера он явно надолго выпустил меня из виду. Перебраться через гигантскую ограду реально лишь с помощью шелле, но отчего-то мне казалось, что кто-то из них в такой помощи не откажет – по меньшей мере, Хинанда. Теперь уже мой побег для родных ничем не будет чреват – они и без моего участия обеспечили себе море проблем. Имельское княжество виновно, сотню раз подряд виновно, мое действие или бездействие на этом факте никак не отразится. Казалось, что у меня есть некоторое время на раздумья и на сравнение: стоит ли моя жизнь жизни Аштара. И как я ни старалась думать о демоне лишь в таком ключе, пока не получалось, вот я и тянула время. Ведь он несколько раз меня спасал, он первым предупредил о надвигающейся катастрофе, предав тем самым собственного отца. Конечно, ни о чем Марите я не рассказала – хоть она с возлюбленным старается не общаться, но как раз ее голос для меня может стать решающим. К счастью, ее княжество на другом краю Седьмой Окраины, они никогда не принимали участия в бунтах, и подруге та же участь не угрожает. А мне для начала нужно самой определиться: побег или смерть, а если смерть, то какая именно.

Душевные терзания стерли время и события, я пропустила внезапное приближение второго триместра. В последний день каникул университет наводнялся зычными толпами, разбивая уже ставшие привычными тишину и уютное спокойствие. Избегая Мариту, я много гуляла, и случайно наткнулась на возвращение очередной небольшой группы студентов.

– Айса, куда мимо меня идешь? – позвала Хинанда. – Я так быстро сделалась незаметной, княжна подслеповатая? Ковыляй сюда, поможешь мне с вещами. Твоя рыжая подружка у Эла? Я привезла ей много блестящих побрякушек, дуреха с ума от счастья сойдет. Я ее прибью, если посмеет не обрадоваться!

Я поздоровалась с ней и со смеющимися над ее грозным видом братьями Кеймарами.

– Все ли в порядке дома, здоровы ли родные? – спросила у них почти рефлексивно.

– Нормально, – ответил Витай. – Идем к Элу, там сразу новостями и обменяемся!

Я направилась было за ними, но меня снова окликнули. С удивлением я узнала зверолода, одноклассника Сегора, знакомого мне по общему празднику:

– Айса, стой!

Вид паренька притом был встревоженным. И он точно не приехал только что, ведь на каникулах был здесь. Я задержалась, дожидаясь, когда он приблизится, а шелле пошли дальше – вряд ли они вообще заметили, что я остановилась.

– Что-то случилось, Нертай? – я с трудом вспомнила его имя, которое после пьяного разгуля могло и исказиться в голове.

Но зверолод не поправил, он был сосредоточен на другом:

– Не знаю, честно говоря. Сейчас приехал кузен Лейки, ты ее должна помнить. Она побежала его встречать, а в приемной застала странное – вооруженный отряд демонов. Кузен Лейки слышал, что директор охране про какую-то княжну говорил, кузен передал Лейке, а Лейка – всем нам. Кажется, по твою душу явились, но все наши тебя разыскивают, чтобы об этом предупредить. У тебя же никаких неприятностей нет?

– Благодарю, – выдавила я. – Но у меня все прекрасно.

Я даже не помнила точно, кто такая Лейка. Возможно, хмельная девица, предлагавшая выпить за уважение, но это не так уж и важно. Веселая компания без капли серьезности оказала мне настоящую товарищескую поддержку. Но их участие мне теперь не поможет – разве что они подарили шанс спрятаться ненадолго... Как же быстро Зохар отправил своих людей, он, похоже, ни секунды не размышлял!

От страха я даже толком дышать не могла. Прятаться бессмысленно... если только не прятаться у шелле. Но до них еще и добраться нужно! Однако меня почти перехватили – мужчина в форме охраны крикнул:

– Стойте! Сударыня, вас вызывают в приемное отделение. Великий князь Седьмой Окраины изволит вас видеть!

Я нервно сглотнула. Сам Зохар здесь?! Теперь мне точно не будет спасения или возможности сбежать по дороге в его замок. Я думала

пробежать мимо мужчины, но он смотрел цепко, как будто мысли мои читал – и наверняка сможет схватить за руку, если попытаюсь. Не бояться! Сейчас самое неподходящее время для страха! Потому я подняла голову и произнесла ледяным тоном, которого раньше за мной не водилось никогда:

– Если великий князь хочет встречи, то пусть изволит явиться в место, где я живу – покои шелле. Негоже мне приветствовать гостей в какой-то приемной! Или великий князь меня с сельской девкой перепутал – может, в хлеву свидание назначит?

Быть грубой я не опасалась, мне все равно уже ничто не поможет. И это была лишь отсрочка, необходимая, чтобы хотя бы вдохнуть, но меня снова издали позвали по имени – Аштар. Я, не оборачиваясь, понеслась со всех ног в здание. Охранник меня не вздумал останавливать после такой отповеди. Вот только демон влетел вслед за мной и закричал:

– Айса, перестань, бежать некуда! Лучше не зли его еще сильнее! Давай я пойду с тобой, распишу, какой послушной ты была и как часто говорила при мне о любви к жениху. Хотя что-нибудь скажем, чтобы успокоить отца! Но побег твоих проблем не решит, а только их усилит!

Я резко затормозила, развернулась и произнесла неожиданно спокойно, как будто обжигающие эмоции выгорели полностью и оставили после себя лишь прохладное равнодушие:

– Ты слишком добр, Аштар. Потому прости за то, что я всерьез собиралась сбежать и поставить под удар тебя.

Он ответил:

– Я бы на твоём месте даже не размышлял, потому не извиняйся. Идем, Айса, это придется сделать в любом случае. Чем дольше ты тянешь, тем злее становится отец.

Но я с вымученной улыбкой покачала головой:

– Разве любые слова сейчас помогут? Наверняка на границе Седьмой Окраины прямо в этот момент собирается армия из моих людей и звероловов – они уже подписали мне приговор. И твои слова, как и мои поступки, ничего в этом не изменят. Зохар Рокка заставит меня страдать – нет никакой разницы, приползу я к нему на коленях или попытаюсь воткнуть ему нож в горло.

Демон опустил голову – и этим согласился со сказанным. Он и сам знал, что не обладает никакой силой против великого князя, иначе

он давно использовал бы ту власть хотя бы для Мариты. Возможно, ему сейчас даже немного жаль меня, но, к его чести, Аштар не стал мне врать и обнадеживать сказками.

Я повернулась и пошла дальше, уже полностью спокойная. Аштар остался на месте или направился встречать отца. Но спасибо за то, что не стал меня удерживать.

Дверь была распахнута, вещами новоприбывших никто пока не занимался, я застала разгар теплой встречи друзей. Майер как раз заканчивал короткий пересказ буйного дня рождения зверолода:

– Только тебя там не хватало, прекрасная Хинанда! Даже княжич Рокка уловил наш мысленный призыв, где на белом свете веселее всего, и явился – как какой-нибудь колдун из дыма и пепла. А ты никак не улавливала наши сигналы! Я посылал, честно-честно!

Братья-маги смеялись, а Элвин обернулся ко мне и нахмурился, уловив мою тяжесть. В сердце снова кольнуло. Да, вполне терпимо, и чего все из-за подобного ноют? Я не стала дожидаться вопроса и объяснила сама:

– За мной приехал жених. Я сказала, чтобы он явился сюда и представился высоким шелле, как полагается. Вы не возражаете, милорд?

Дракон приподнял темную бровь. Он точно ощущал, что под этими простыми словами скрывается каменная глыба, потому и хотел получить хоть немного больше информации:

– Хочешь сказать, княжна, что твоя учеба уже закончена? Не слишком ли быстро?

Не учеба – вся жизнь моя закончена. И я обязательно всем им должна была об этом рассказать, даже расплакаться в такой момент было бы не стыдно. Но сейчас не было времени ни на нытье, ни на страхи. Потому и голос мой звучал размеренно, а сама я постепенно холодела вместе с интонацией:

– Я пойду на все, милорд, чтобы она не была закончена, ведь я еще толком даже не начала учиться. И если боги существуют, то они не позволят Зохару забрать меня и сотворить из меня сакральную жертву, чтобы всем еще на двести лет прикрыть рты.

– Понял... – задумчиво отозвался он. – Я могу защитить тебя, если прямо сейчас объявлю тебя своей фавориткой. Это даст хотя бы

отсрочку на принятие других, более грамотных решений, – Элвин повернулся к невесте. – Хин, я не успел с тобой поговорить, но...

Я перебила со вскинутой ладонью:

– Нет, вам не придется врать и невольно расстраивать вашу невесту, милорд. Всем в империи известно, что ваша любовь настоящая, а драконы не берут себе любовниц, если женятся по истинной любви. Майер, можно тебя на два слова?

Тот кивнул, но Элвин выкрикнул нам вслед:

– Что ты делаешь, княжна?

– Хожу фигуркой императрицы, – ответила я шепотом себе под нос.

Я увела второго драк-шелле сначала за столовую, потом в кабинет, но потянула его еще дальше. Однако Майер остановил перед спальнями:

– Здесь нас уже никто не услышит, Айса. Говори.

Я смотрела на красивое и обычно веселое лицо, но совести во мне не осталось – вся она выдавилась желанием спастись. И говорила без эмоций:

– Ты объявишь меня своей фавориткой, Майер.

– Я? – он отчего-то очень удивился. – Айса, не городи чушь! Ты очень дорога Элу, он уже фактически согласился. Да, Хинанде это не понравится, а особенно ей это не понравится позже, когда она поймет, что этот ваш союз стал не совсем полной случайностью, но такое зло уже неизбежно!

– Почему же? – я мягко улыбнулась. – Зло неизбежно, но его можно сократить, если ты станешь моим избранником. Тогда никому не придется страдать. А я умру через несколько десятилетий, ты даже и не заметишь, что я вообще была.

– Ни за что! – он отступил. – Ни за что я не плюну в лучшего друга таким образом!

– Разве ты уже не плюнул? – Моя улыбка стала еще шире и холоднее. – Ты мне поможешь, иначе я расскажу твоему лучшему другу, что ты давно влюблен в его невесту. Такое он воспримет легче?

– Что? С чего ты вообще взяла, что...

Я перебила:

– По всем твоим оговоркам. Вы втроем много лет дружите, и это было почти неизбежно, что Хинанда сойдется с одним из вас. Я

правильно запомнила твои слова? Хинанда выбрала Элвина, и с тех пор ты не находишь себе места – осознанно или нет, но ты постоянно мечтал, чтобы он полюбил другую. Тогда у тебя, может быть, появился бы второй шанс. Ты так стремился разлучить их, как если бы вовсе не желал им счастья.

– Не придумывай, Айса! – Майер сжал губы в тонкую полоску.

– Хорошо, тогда о том, что знаю наверняка. Демоны постоянно перебирают любовников – в этом их суть, но именно ты был любовником Хинанды неоднократно. Элвин знает о природе своей невесты. Но знает ли он заодно и о твоей? Разве драконы вообще умеют делить ложе с нелюбимыми?

– Это просто страсть! – огрызнулся дракон, подтверждая мои догадки. – Страсть ничего настолько масштабного не значит!

– Возможно, – я пожала плечами. – Но мне нужна твоя помощь. А тебе нужна моя, хотя бы на ближайшие годы. Драконы любят единственную – и для тебя такой стала прекраснейшая из женщин, выбравшая твоего лучшего друга. Ты не хочешь быть с другой, тебе претит сама мысль об этом, но, если я правильно поняла, даже их разлука может занять несколько десятилетий, если она вообще когда-нибудь случится. Так почему бы тебе не прикрыть эту рану в душе на время мной, пока правила не изменятся? Тебя не будут дергать и никто тебя не заподозрит в том, что ты много лет подряд предаешь дружбу.

Майер потер подбородок, уставившись в стену, а потом неожиданно усмехнулся:

– Я мог ожидать, что ты начнешь умолять о помощи, но не предвидел шантажа. Испуганный заяц превратился в охотника на драконов? Никаких ран в душе у меня нет, только небольшая страсть и нежелание породить недопонимание с Элом из-за такой ерунды. Но ладно, Айса, идем. При условии, что ты никогда больше не вякнешь вслух этот бред, я объявлю тебя своей будущей женой.

Меня его согласие не особенно удивило, я на такой исход и рассчитывала, успев хорошо узнать Майера: он летит по жизни с легкой улыбочкой, над всеми веселится, но Элвин и Хинанда стали единственным порогом в его беззаботной судьбе, и он не захотел бы никому из них причинить большого вреда. Драк-шелле пошел обратно, но я догнала и поправила:

– Лучше фавориткой, Майер. Женой – это как-то слишком.

– А фаворитка – слишком мелко для нынешней ситуации, – ответил он уже с привычным задором. – Для демона такое слово вообще ни о чем не говорит, у них этих фавориток как нерезанных кур. И какая мне разница, раз уж ты все равно меня силой принудила? Это как плясать кадриль или заниматься любовью – главное, поймать правильный ритм, после чего всем становится весело.

Надеюсь, Майер не будет придавать нанесенной обиде большого значения. Но даже если и будет, то у меня сегодня все равно иного выхода нет.

В гостиной уже появились посторонние, мы по голосам это поняли. И стоило мне только показаться там, как омерзительный Зохар завопил своим скрипучим голосом:

– Куда ты подевалась, дрянь?! Иди сюда, и на том закончим светскую встречу. При всем уважении к высоким господам! – он почти шутливо склонил голову перед Элвином, который стоял к нему ближе остальных.

Это было поразительно: Зохар перед ними не лебезил, он даже свой буйный нрав в их присутствии не придерживал. Вероятно, Аштар был прав в том, что Седьмая Окраина считается очень сильным противником, раз ее глава ощущает себя с шелле почти на равных. Неприятно было подобное признавать, но факт оставался фактом. Зохара сопровождали всего двое вояк – сравнительно молодых и хмурых демонов, которые не подумали даже разоружиться перед этим визитом. Показательная картина. И почти способная вернуть беспокойство.

Но Майер легко его осек:

– Как вы разговариваете с невестой драк-шелле, великий князь? Мы чтим ваше правление, так и вы палку не перегибайте.

Маги расширили в изумлении глаза, Хинанда приоткрыла рот, но нас едва не выдал Элвин:

– Что, прости?

Майер сделал вид, что друга не расслышал, и позвал меня:

– Идем, любовь моя, хоть присядем, а то от прилива счастья ноги не держат.

Он развернул одно из кресел рядом с камином, упал в него. Я тоже последовала его примеру и уселась рядом. Остальные почему-то не спешили занимать свободные места, а неприятным гостям вообще

не додумались предложить. Майер закинул ногу на ногу, сцепил пальцы и повторил громко:

– Вы не ослышались, сударь. Когда я увидел Айсу впервые – сразу потерял голову. Бедняжка сопротивлялась против моей романтики, кричала, как обожает своего жениха, но настоящая любовь преград не знает. Потому я воспользуюсь своим правом шелле и настою на том, чтобы ваша помолвка была расторгнута во имя моей. Обсудим компенсацию?

Все вокруг молчали, прекрасно уловив подоплеку такого поворота, даже Элвин опустил голову и промолчал. Наверное, и ему стало понятно, что это лучшее решение, если кто-то меня все равно должен вытащить. А Хинанда заулыбалась – мне очень понравилась ее улыбка и взгляд благодарности, направленный на Майера. Она к нему тех же чувств не питает – возможно, даже не догадывается о его эмоциях, но ведь именно демоница самая первая пыталась отыскать решение для меня. И теперь проявляла наибольшую радость и облегчение.

Вот только Зохар Рокка не был идиотом, который преспокойно проглотил бы любую ложь. Он осклабился, всем своим видом демонстрируя неверие, но шутливо слегка склонил голову и показушно вежливо произнес:

– Понимаю, милорд, романтика, юность, границ не знаете. Но и вы меня поймите – я готов променять все девять своих жен и десятки наложниц на одну Айсу, она мне очень нужна. Потому требую пересмотреть решение. И компенсацию обсудим, ежели угодно.

– Зачем же? – не выдержал Элвин. – Нет, сударь, ваша обида понятна, но в чем причина столь крайней заинтересованности? Только не говорите о вечной любви, вы приветствие с бывшей невестой начали со слова «дрянь».

Великий князь ему так же прохладно улыбнулся, отчего меня морозом пробрало. Я знала причину его заинтересованности именно во мне, но Зохар ее точно сейчас не озвучит. Так и произошло:

– Вам ли, милорд, судить, как бывают грубы демоны в периоды страстной любви? Вам ли, жениху достойнейшей из морт-шелле? – перед Хинандой великий князь склонил голову с чуть более искренним уважением. – И в любом случае все это лишь болтовня. Болтовней и

останется, пока я не увижу письменное разрешение императора на такую женитьбу.

Разрешения у нас не было, мы даже какую-то подделку за такое время соорудить бы не успели, но Майер нашелся:

– Не утопайте в канцелярщине, сударь! Конечно, разрешение мы с Айсой пока не получили, так ведь учеба, зима – мы, драконы, ненавидим путешествия в холода. Да и кто знал, что эта бумажка понадобится так внезапно? Лично мне спешить некуда.

– И мне некуда! – демонстративно обрадовался старый демон. – Тогда моя невеста пока отправится со мной. И, если ничего плачевного с ней не случится, потом с удовольствием воссоединится с вами – сразу же после того, как вы доставите мне разрешение императора.

Даже непосвященным стал понятен его намек, весьма непрозрачный: стоит мне только выйти за стены университета, как больше меня никто никогда не увидит. И Майер заметно напрягся, мельком глянув в мою сторону и после этого взгляда решив меня защищать до последнего:

– Нет, сударь! Ведь сейчас вопрос спорный, чья она невеста. Так пусть остается на учебе и совершенствует свои навыки супруги благородного мужчины. А там уже и письмо императора подоспеет. Вам разве мало моего слова, что наша помолвка настоящая и требует лишь официальной галочки?

Зохар развел руками:

– Мало, милорд! Уж простите мое недоверие. Дракон женится на простом человеке? При всем уважении, я очень в этом сомневаюсь. Император на такой брак не даст согласия, ваша якобы возлюбленная ведь сдохнет от старости до того, как вы войдете в возраст зрелости!

– Ну, вы же хотели на ней жениться, сударь, – ввернул Веран. – Почему же мой друг, такой же долгожитель, не может хотеть того же?

– Я – другое дело, – старик снова неприятно усмехнулся. – Я ведь не буду потом убиваться на могиле жены, потеряв любовь всей жизни, как происходит с драконами? Наш мудрый император в этом разбирается получше моего, и он никогда не одобрит подобный союз, ведь такая любовь для дракона смерти подобна. Так что, мы продолжим хором изображать, что я когда-нибудь увижу подпись императора, или прекратим этот бред прямо сейчас?

Мы с Майером переглянулись, но вмешался Элвин, наконец-то ставя точку:

– Никаких сомнений, что увидите, сударь. Раз уж я по случайности оказался его родным сыном, то смогу убедить в чем угодно. Боги, я даже смог его убедить в том, что хочу жениться на морт-шелле! В сравнении с этим любовь моего лучшего друга к смертной девице мудрого императора даже не потревожит.

Впервые с начала встречи во взгляде Зохара появилось раздражение и сомнение. Его маленькие глазки забегали – это отчетливо было видно по мечущимся в воздухе розоватым дымкам. И Элвин добил:

– А теперь освободите помещение, сударь. Нам с вами больше нечего обсуждать.

Великому князю ничего не оставалось, кроме как попятиться к дверям. Но напоследок он все же произнес:

– Я вернусь. Подожду весны или даже лета, а потом вернусь – убедиться, что Имельская княжна не стала ничьей женой и никогда ею не станет. И тогда спасите ее боги от той участи, которая ее ждет за каждую минуту моего терпения.

Вся троица удалилась и, кажется, даже не ощущала себя проигравшими. Хотя я прекрасно понимала, в какой ярости пребывает Зохар. Сейчас не поздоровится никому, кто попадет на его пути. Но я долго еще не могла поверить, что все закончено, что я каким-то образом – через угрозы и некрасивое поведение – отложила расправу над собой на несколько месяцев или навсегда! И радоваться пока боялась. Просто слушала взволнованные разговоры шелле.

– Ничего себе, – выдохнул Майер. – Он даже не постеснялся открыто признаться, как сильно ненавидит Айсу и что собирается с ней сделать! Что это вообще за существо?! Что в его ненормальной голове творится?

Элвин зашагал по гостиной, размышляя вслух:

– Теперь разрешение придется получить в любом случае. И скажу прямо – старое чудище говорило правильно: мой отец никогда на подобное не согласится! Я блефовал, в таком вопросе он не послушает даже меня...

– Вы заметили, какой он? – Хинанда все еще смотрела на захлопнутую входную дверь.

– Какой? – переспросил ее Витай. – Мерзкий и отвратительный?

– Не совсем, – удивила она. – Он какой-то... незыблемый. У него даже аура кровотоцит гнилью и болотом, как будто в душе одна склизкая грязь! Ни капли сострадания и сочувствия, ни грамма человечности. О, клянусь богами, будь он лет на восемьсот моложе, я бы призадумалась, а в того ли я влюбилась...

От ее романтических пристрастий все содрогнулись, но судить по привычке не стали. Я же все еще молчала и медленно, почти со скрежетом пыталась начать радоваться. Уже про себя повторяла, что скажу Майеру, когда смогу говорить – слова благодарности, клятвы в вечной преданности и неизменной поддержке. Вообще-то, стоит сказать спасибо всем присутствующим – за их участие, которое никогда не было для них обязательным, но Майера я буду благодарить до тех пор, пока все слова в мире не закончатся.

Хинанда разлила всем вина, я осушила свой бокал залпом, а глаза блестели, когда смотрели на всех по очереди. Элвин выглядел задумчивым и безрадостным, но это пройдет. Не могла же я использовать его – того, который ни одного темного пятна в жизни не заслужил. Ставка Тайши не способна была сыграть хотя бы по той причине, что сам Элвин стал мне слишком небезразличен. И не могла я ударить по Хинанде, которая сейчас почти пела гимны в честь моего спасения и громче всех поздравляла.

Дверь снова распахнулась, но, вопреки накотившему ужасу, в проеме показался слуга:

– Милорд! К вам Аштар, княжич Рокка. Прикажете впустить?

– Конечно, – ответил Элвин и повернулся к выходу.

Аштар не вошел в покои – он в них почти упал, как будто был мертвецки пьян. Поднял серое лицо, отыскал мутным взглядом меня и так застыл. Сам его вид вынудил меня подскочить на ноги, а от его хрипа скрутило грудь. Я подумала, что он смертельно ранен, но не могла пока увидеть крови. И замерла на полушаге, когда в хрипе разобрала слова:

– Что ты наделала, Айса?

– Спаслась... – ответила я сдавленно. – Спаслась от расправы, что стократ хуже гибели! Что с тобой, Аштар? Отец что-то с тобой сотворил?

– Сотворил, – признался он с таким смехом, от которого внутренности начали каменеть. – Он забрал Мариту. Я пытался переубедить, но ничего не помогло, вообще ничего...

– Зачем ее?! – Я подалась к демону, но была остановлена злым взглядом. – Ведь она даже не из моего княжества! Она не может отвечать за проступки моей родни или меня самой! Какое отношение Марита...

Я осеклась, когда Аштар проговорил очевидное объяснение:

– Зато она подходит для того, чтобы на ней сорвать злость. Пожелай своей лучшей подруге скорой смерти, княжна Имельская, ведь это лучшее, что ее ждет, – и закончил почти неслышно: – Потому что ты от той же участи спаслась. Мои поздравления.

Я выпрямила спину и подняла взгляд на стену над его головой. Оцепенение началось откуда-то из живота, но распространялось по всему телу, достигая лица и кончиков пальцев – они тоже становились каменными, тяжелыми, прохладными и недвижимыми. Кто-то в любом случае стал бы жертвой: я, Марита или кто-то еще. Кому-то из нас, душ стеклянных и хрупких, предстояло разбиться. И пока я искала выход для себя, забыла про нее – самую красивую девчонку Окраины с безудержным смехом и кривым почерком. Но в ту секунду я не могла быть уверена, что сама согласилась бы принести себя в жертву, если бы предвидела такой поворот. Кто бы на моем месте согласился? Стекло обратилось в камень, но дышать легче оттого не стало.